СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НАРОДОВ СССР

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Дружбы народов
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НАРОДОВ СССР

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т. А. ЖДАНКО

На выход в свет без списка литературы 29.03.90 г.

29 III 90 г.

Разрешается разрешению к печати
Экземпляр подтвержден
Директор 1-й типографии
издательства «Наука»
27 III 1990 г.

МОСКВА «НАУКА» 1990

10

СЕМЬЯ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕГИОНЕ

Обширный среднеазиатско-казахстанский историко-этнографический регион включает пять союзных республик, занимая территорию около 4 млн км ^{2}, с общей численностью населения свыше 40 млн человек [1]. Природная среда обитания народов региона разнообразна. В центральной и северной части Средней Азии расположена Узбекская ССР — самая населенная: по численности населения она стоит на третьем месте в стране, после РСФСР и Украины. Здесь на подгорных равнинах и в долинах рек (Сырдарьи, Зеравшана, Амударьи, Кашкадарьи и др.) находятся крупнейшие древние густозаселенные оазисы; северо-западную часть республики занимает пустыня Кызылкум; в дельте Амударьи — Каракалпакская АССР, входящая в состав Узбекистана.

На юго-востоке Средней Азии — две горные республики: Таджикская ССР, где горные хребты Памиро-Алая занимают 93 % площади; у таджиков-памирцев — жителей входящей в Таджикистан Горно-Бадахшанской АО — самые высокогорные в стране очаги земледелия. Киргизская ССР расположена в горах Тянь-Шаня; тут издавна развивалось кочевое скотоводство вертикального типа, с сезонным перегоном скота из долин в высокогорье, к альпийским лугам. Туркменская ССР простирается на западе Средней Азии от Амударьи до Каспийского моря: пустыня Каракум занимает почти 90 % ее территории, лишь на юге и северо-востоке пески окаймляются оазисами. Казахская ССР занимает огромную, вторую по площади после РСФСР территорию. Север ее находится в зоне степей и лесостепи, где ныне освоены обширные массивы целинных земель, на юго-восточных и восточных окраинах республики — хребты Алтая, Джунгарского Алатау, Тянь-Шаня.

Жители оазисов и горных долин, предки таджиков и узбеков, издревле были оседлыми земледельцами. У степных племен — казахов и горных скотоводов — киргизов, у туркмен, каракалпаков преобладало кочевое скотоводство или полукочевое скотоводческо-земледельческое хозяйство.

На разных этапах истории подвижные, воинственные кочевники нередко вторгались в соседние оазисы и города с целью захвата добычи, но эти нападения были эпизодическими. В основном же кочевники-скотоводы были тесно связаны экономически с городским и сельским населением земледельческой зоны. Торговля, обмен продукцией скотоводства, земледелия и ремесла способствовали постоянному общению степняков с крестьянами и горожанами, установлению хозяйственных, культурных и бытовых контактов кочевников и земледельцев.

Большое значение для изучения семейного быта имеют данные о преобладании во всех республиках региона, кроме Казахстана, сельских жителей над городскими. Ни в одной из республик региона доля городского населения пока не достигла среднего для СССР уровня (1979 г. — 62 %) [2]. Коренное население Средней Азии отличается сильной ориентацией

на сельскую жизнь и медленно вовлекается в индустриальные сферы труда. При этом доля городских жителей в составе коренных национальностей значительно ниже, чем общая по многонациональным республикам. Так, в сельской местности живет 83 % общего числа национальных киргизских семей, 76 % таджикских, 73 % узбекских семей; лишь у туркмен и казахов доля сельских семей не достигает 70 % (составляя соответственно — 68 и 69 %) [3]. В пустынных областях Туркмении и Казахстана, неблагоприятных по своим природным условиям для сельского хозяйства, бóльшая доля населения сосредоточена в городах — промышленных центрах. Сравнительно более низкий, чем в других союзных республиках, уровень урбанизации, малая доля местных национальностей в составе городского населения и в числе представителей рабочего класса существенно отражаются на социально-экономическом развитии региона, на его общественно-политической жизни, а также на некоторых сторонах семейного быта, условиях труда, уровне образования, материальной и духовной культуре.

Современный этнический состав населения республик Средней Азии и Казахстана (табл. 1) сложился в итоге его многовековой истории и национальных процессов, происходивших в послереволюционный период. Помимо шести основных наций, имеющих национальную государственность, в Средней Азии и Казахстане обитают разнообразные малые этносы и этнические группы, частью тоже аборигенные (например, памирцы

Таблица 1

Численность основных национальностей в республиках Средней Азии и Казахстана по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в тыс. человек

Национальность	Узбекская ССР		В том числе Каракалпакская АССР		Таджикская ССР		Киргизская ССР		Туркменская ССР		Казахская ССР	
Все население	15 389	100 %	906	100 %	3806	100 %	3523	100 %	2765	100 %	14 684	100 %
В том числе:												
узбеки	10 569	68,7	285	31,5	873	22,9	426	12,1	234	8,5	263	1,8
казахи	620	4,0	244	26,9			27	0,8	80	2,9	5289	36,0
таджики	595	3,9			2237	58,8	23	0,7				
киргизы	142	0,9			48	1,3	1687	47,9				
туркмены	92	0,6	49	5,4	14	0,4			1892	68,4		
каракалпаки	298	1,9	282	31,1								
русские	1666	10,8	21	2,3	395	10,4	912	25,9	349	12,6	5991	40,8
украинцы	114	0,7			36	0,9	109	3,1	37	1,3	898	6,1
белорусы											181	1,2
татары	649	4,2			80	2,1	72	2,0	40	1,5	313	2,1
уйгуры							30	0,8			148	1,0
дунгане							27	0,8			22	0,2
корейцы	163	1,1									92	0,6
белуджи									19	0,7		
армяне									27	1,0		
азербайджанцы	60	0,4							24	0,9	73	0,5
евреи	100	0,6			15	0,4						
немцы					39	1,0	101	2,9			900	6,1
лезгины									7,6	0,3		
другие	321	2,2	25	2,8	69	1,8	109	3,0	51	1,8	514	3,6

Источник: *Брук С. И.* Население мира: Этнодемогр. справочник. М., 1981. С. 210—212, 215.

и ягнобцы в Таджикистане). В регионе много выходцев из западных районов страны — русские и украинцы, татары и другие группы народов Поволжья, переселенцы из Северного Кавказа, Закавказья. В разные периоды истории в Среднюю Азию и Казахстан переселились из соседних стран Востока арабы, белуджи, курды, цыгане, среднеазиатские евреи, уйгуры, дунгане, корейцы и др., а также там живут национальные группы немцев, особенно многочисленные в Казахстане и Киргизии.

Во всех республиках региона в условиях их полиэтничности при развитии национальных языков русский стал языком межнационального общения не только с русскими жителями, но и с другими, знающими его национальностями.

Становление традиционных форм семьи народов Средней Азии и Казахстана происходило в тесной связи с их социально-экономической, этнической, культурной историей.

Истоки этногенеза народов региона восходят к древним племенам I тыс. до н. э., узловые этапы — к средневековью. Уже в IX — XII вв. складывались основы их языков, этнические территории, этнографическая специфика хозяйственного уклада, образа жизни, культуры. В этот период формированию оседло-земледельческих этносов — таджикского и узбекского — способствовало образование в Средней Азии двух могущественных политических объединений — государства Саманидов и сменившего его государства Караханидов. В XIII—XIV вв. на этногенетические процессы в регионе сильно повлияли массовые миграции с востока тюркомонгольских племен. В XV—XVI вв. в степных и горных районах края продолжались передвижения кочевников и полукочевников-скотоводов, связанные с бурными политическими событиями. Войны, вторжения завоевателей, переселение из соседних стран больших групп пришлого населения, нарушение устойчивых связей кочевников с земледельческими районами и городами тормозили процессы консолидации. Завершающий этап этногенеза казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков, на этническом составе которых более всего отразились миграции позднефеодального времени, историки относят к XV и XVI вв.

Тесные взаимовлияния и взаимосвязи, развивавшиеся на протяжении всей многовековой этнической истории народов региона, обусловили многие черты регионального сходства в их культуре и быте наряду со спецификой этнографического облика каждого этноса. Помимо этнического родства, общности исторических судеб и экологических факторов, возникновению общерегиональных черт способствовала близость языков большей части коренного населения и единство конфессиональной принадлежности: узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены говорят на языках тюркской группы алтайской семьи; язык таджиков, потомков древнейших аборигенов, принадлежит к иранской группе индоевропейской семьи. Их общей религией был ислам суннитского толка.

На протяжении длительного периода, предшествовавшего присоединению к России, Средняя Азия неоднократно находилась в состоянии политического и культурного упадка. В XVI—XVIII вв. здесь сложились три феодальных ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское, возглавлявшиеся узбекскими династиями. Это были монархии с типичными чертами восточных феодальных деспотий. Ханы полновластно распоряжались жизнью всех своих подданных, лично вершили суд и расправу. Трудовое население было бесправно. Постоянные войны и распри беков и хакимов, правителей главных городов и областей, подрывали экономическую жизнь, опустошали целые районы, разоряя крестьян и горожан-ремесленников.

Социально-экономический строй ханств был феодальным. Социальная дифференциация достигала значительных размеров, особенно в наиболее

экономически развитой земледельческой зоне. Еще в середине XIX в., до присоединения к России, открыто существовали рабство и работорговля; в Хиве, Бухаре и других городах ханств находились невольничьи рынки. У скотоводов кочевников и полукочевников сохранилось родо-племенное деление и многие пережитки патриархально-родового быта. Эксплуатация имевшей мало и совсем не имевшей скота бедноты владельцами крупных стад, распорядителями пастбищ и водопоев маскировалась под разными видами родовой помощи.

После завершения присоединения Средней Азии и Казахстана к России во второй половине XIX в. на основной территории края было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. При всех отрицательных последствиях колонизаторской политики царского правительства объективным ходом истории на этой отдаленной окраине империи сложились предпосылки для некоторого сдвига в социально-экономическом развитии. Установление твердой политической власти прекратило феодальные войны и междоусобицы. С проникновением капитализма оживилась экономика, появились железные дороги, росла торговля, развивались товарно-денежные отношения. В оазисах стало преобладать товарное хлопководство, а в кочевых районах — товарное скотоводство. Однако господствующей формой производственных отношений по-прежнему оставались докапиталистические. Политика царизма консервировала феодальные и патриархально-феодальные основы общественного строя.

Подчинив Бухарский эмират и Хивинское ханство, царское правительство не затронуло систему внутреннего управления этих вассальных владений; средневековый режим деспотизма феодальных правителей сохранялся там в неприкосновенности до 1920 г.[4]

Глубокая социальная дифференциация общества сочеталась с широко бытовавшими патриархально-общинными традициями в общественной жизни, быту, идеологии. Реликты патриархально-родового строя, как и раньше, ярко проявлялись в социальной структуре, семейных и родственных отношениях. У казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и части узбеков сохранялась родо-племенная структура с присущими ей традициями обособленности разных родовых группировок, стойкими родовыми пережитками в сельской водоземельной и скотоводческой аульных общинах. Множество патриархальных обычаев соблюдалось также горожанами — в жизни квартальных общин, в цеховых организациях ремесленников. Наряду с малыми семьями были широко распространены многопоколенные большие патриархальные семьи и возникавшие по мере их распада семейно-родственные группы — патронимии. Царизм не запрещал здесь многоженство, сохранялся и патриархальный обычай уплаты выкупа за невесту, обычаи левирата, сорората; у казахов, киргизов, каракалпаков был устойчив обычай родовой экзогамии. Почти повсеместно бытовали и разные формы обычая избегания.

У всех народов региона глубокой патриархальностью отличались устои семейного быта. Если у узбеков и таджиков семейный и общественный быт регламентировался главным образом традициями большесемейной общины и догмами мусульманского права — шариата, то в скотоводческих районах, где ислам распространился на несколько столетий позднее, преобладало влияние обычного права. Это проявлялось в различии некоторых обычаев, например в праве наследования [5] и в положении женщин. Хотя и по адату женщины были неполноправны, но у казахов, киргизов, каракалпаков они не знали затворничества, не закрывали лица, не были изолированы в узкоженской среде, как этого требовали предписания корана и шариата. Строже всего затворничество соблюдалось у узбеков и таджиков, особенно в городах и в состоятельных сельских семьях. В домах и усадьбах выделялась запрет-

ная для посторонних обособленная женская половина — ичкари. Выйти из дома узбечки и таджички уже с 9 лет могли только в накинутой на голову длинной и широкой паранджи, скрывавшей всю фигуру. Лицо скрывала черная, сплетенная из конского волоса сетка — чачван. В кишлаках не имевшие паранджи женщины накрывались халатом, наброшенным на голову. У туркменок платок повязывался особым способом (яшмак), закрывая рот и нижнюю часть лица. Вся жизнь женщины протекала в узком, замкнутом домашнем кругу семьи и близких родственников.

При господстве ислама большую роль в повседневном быту семьи играли архаичные доисламские верования и обряды.

Мусульманские законы, правила шариата оказывали всеобъемлющее влияние не только на идеологию, но и на весь образ жизни общества и семьи. В шариате сведены в единую систему законы, регулирующие хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, определяющие поведение верующих, подробно излагаются запреты, порицаемые и дозволенные, одобряемые поступки правоверного мусульманина. По замыслу мусульманских законоведов, шариат и его законы должны были охватывать жизнь и деятельность мусульманина от колыбели до могилы [6]. Сила этого влияния отмечалась и дореволюционными наблюдателями быта населения Туркестана. «Стараясь столь мелочно регламентировать по возможности все явления человеческой жизни, — писал В. П. Наливкин, — шариат подчиняет себе эту жизнь, проникает в ее самые интимнейшие уголки и этим путем закабаляет не только деяния, но даже мысль и воображение верующего мусульманина» [7].

После победы Октябрьской революции в результате мероприятий Советского государства происходило постепенное изменение феодально-патриархальных устоев семьи — ее экономической базы, основанной на частно-семейной собственности, и всей семейно-бытовой сферы жизни народов. Уже первые декреты Советского государства установили во всей стране полное равноправие женщин и мужчин в обществе и семье, равную с мужчинами оплату женского труда; были узаконены гражданский брак и равные права супругов на расторжение брака, охрана материнства и детства. Особенно большое внимание партия и правительство уделяли раскрепощению женщин Востока.

Поскольку уклад жизни, власть традиций прошлого усложняли борьбу за раскрепощение женщин в условиях Средней Азии, правительство Туркестанской АССР в дополнение к общероссийским законам издало ряд специальных декретов, отражавших специфику местных условий семейного быта и положения женщины [8]. Так, в 1921 г. был издан декрет ЦИК Туркестанской АССР, установивший минимальный брачный возраст для женщин в 16 лет (вместо 9 лет по шариату), запрещавший многоженство, калым, принудительную выдачу замуж. Таким образом, отменялись нормы шариата и адата, касавшиеся брака. В дальнейшем в образовавшихся после национально-государственного размежевания республиках Средней Азии и в Казахстане продолжало развиваться местное законодательство, способствовавшее становлению новой семьи.

Главной задачей было добиться практического проведения в жизнь новых законов и прав женщин, провозглашенных Советской властью. На этом пути предстояло много трудностей и жертв. Приверженцы патриархального быта при поддержке реакционно настроенного духовенства создавали всевозможные преграды вплоть до проведения террористических актов против женщин. Переломным периодом этой борьбы стали 1927—1928 гг., когда была организована агитационно-разъяснительная кампания «Худжум» — «Наступление» (на старый быт), получившая широкий отклик у населения. Это было массовое движение, женщины местных

национальностей выходили на демонстрации, митинги, на площадях городов сбрасывали символ затворничества — паранджи и чачваны, сжигали их на кострах. С активизацией движения усилился террор, поплатились жизнью за свою свободу немало замечательных женщин — первых общественниц, учительниц, артисток. Однако борьба за новую жизнь продолжалась. Женщины вовлекались в общественное производство — работу в колхозах и совхозах, трудовых артелях, на промышленных предприятиях. Учитывая многовековую изоляцию полов, присущую мусульманским обществам, в эти годы во всех республиках широко практиковались организации специально женских производств и культурных учреждений: разнообразных кустарных артелей — ковроткацких, швейных, по пошиву халатов, одеял, тюбетеек, вышивальных и других, использовавших традиционные трудовые навыки женщин. Их вовлекали и на промышленные предприятия с преобладанием женского труда — шелкомотальные, прядильные, ткацкие фабрики. Ликбез и культурно-просветительная работа велись в женских клубах, а в скотоводческих районах — в кочующих вместе с аулами красных юртах. Во всех республиках были основаны женские учебные заведения, курсы, педагогические институты. Проводились делегатские собрания, съезды трудящихся женщин. Большой политической, воспитательной работой среди женщин повседневно руководили женотделы, с 1919 г. действовавшие при всех партийных организациях, на предприятиях, в учреждениях культуры.

В годы Великой Отечественной войны жены и вдовы фронтовиков, став главами семей, заменили мужей в тяжелом труде на колхозных полях, промышленных предприятиях, освоили многие мужские профессии и внесли большой вклад в победу над фашизмом.

В настоящее время, когда страна вышла на новые исторические рубежи и находится на историческом этапе революционной перестройки, обновления всех сторон жизни социалистического общества, совершенствование советской семьи, как и всей семейно-бытовой сферы образа жизни советских людей, стало актуальной задачей. «Наши достижения в становлении новой, социалистической семьи бесспорны», — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии [9]. Вместе с тем был отмечен ряд трудностей, негативных явлений и проблем, с решением которых связано дальнейшее прогрессивное развитие семьи. В свете этих задач приобретают большую актуальность и научно-практическое значение разносторонние исследования проблем современной семьи у народов СССР, в том числе и у народов среднеазиатско-казахстанского региона.

* * *

Вопросы семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана изучались издавна. В 1960-е годы известный исследователь Н. А. Кисляков впервые собрал, систематизировал и обобщил накопившиеся в дореволюционной и советской литературе и источниках сведения по истории и традиционным формам брака и семьи у этих народов (экзогамные нормы, брачные обряды, семейно-брачные запреты и т. д.) [10]. В его книге «Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана» основное место занимают извлечения из работ авторов XVIII—начала XX в. Наряду с этой и другими работами Н. А. Кислякова, имеющими общерегиональный характер [11], в послевоенные годы вышли в свет и монографии (или крупные главы монографий) целого ряда этнографов, посвященные дореволюционной семье отдельных народов региона [12].

Этнографическое изучение советской семьи, развивавшейся в период социалистического строительства и в условиях социализма, началось еще в 20-е годы и было тесно связано со становлением главного направления

советской этнографии — исследованием современного быта, современных этнических и этнокультурных процессов. Новые материалы послевоенного этапа исследований (50-е годы) были включены в два тома серии «Народы мира», посвященные народам Средней Азии и Казахстана, а также в серию коллективных монографий о колхозном крестьянстве республик региона, изданных в 50—60-е годы [13], в многочисленные статьи и монографии отдельных авторов [14]. В 70-е годы накопившийся материал по социалистическому преобразованию семьи и семейного быта народов региона обобщался О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой — авторами обширной главы «Семья — микросреда этнических процессов» капитального коллективного труда «Современные этнические процессы в СССР» [15]. Наиболее изученной на этом этапе была сельская семья.

Городская семья изучалась лишь несколькими авторами и только в связи с исследованием быта рабочих, другие группы горожан не затрагивались. Так, в 60-е годы появились книги о быте рабочих-нефтяников Туркмении, узбекских рабочих семей, шахтеров и рабочих горнорудной промышленности Киргизии и др.[16] С конца 70-х годов стал накапливаться новый материал по проблемам семьи; на этом этапе этнографические исследования совершенствовались, была разработана единая для региона программа — «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана». Эта тема разрабатывалась Институтом этнографии АН СССР в течение 5 лет в тесном сотрудничестве с этнографами академий наук республик Средней Азии и казахстанскими этнографами.

В каждой из пяти союзных республик региона и в Каракалпакской АССР были выбраны для изучения несколько колхозных и совхозных сел, где систематически велись полевые этнографические работы. Большинство этих сел было охвачено и анкетным опросом, инструментарий к которому подготовлялся с участием этносоциологов Института этнографии. В программе, в опросных листах охватывались основные аспекты исследования семейно-бытовой сферы образа жизни народов региона. В процессе работы широко использовались также данные переписей населения, материалы местной статистики, похозяйственные книги сельсоветов, отчеты правлений колхозов, сведения, извлеченные из архивов местных загсов и статистических управлений.

Авторский коллектив узбекистанских этнографов имел возможность воспользоваться также материалами всесоюзного этносоциологического исследования, проведенного в 70-е годы коллективом социологов Института этнографии по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития наций в СССР», в которой большое место занимали блоки вопросов, связанных с семьей и семейными отношениями [17]. В период проведения этих исследований в Узбекистане в них участвовали и сотрудники сектора этнографии АН УзССР и другие узбекистанские этнографы. В завершающих это исследование трудах этносоциологов [18] полученные выводы представляют большой научный интерес и широко используются в новейших этнографических работах, в том числе и в настоящей главе.

При выборе сел для этнографических станционаров учитывалось экономико-географическое районирование республик, историко-этнографические области, издавна сложившиеся на их территории, этнический состав населения и характер его расселения, а также уровень урбанизированности избираемых областей и районов (близость городов, промышленных и культурных центров, транспортные условия и др.). В общей сложности работа велась в эти годы в 28 сельских поселках, расположенных в разных экологических зонах региона: в древних земледельческих оазисах долин и предгорий (Ташкентский оазис, Ферганская, Зеравшанская, Гиссарская долины), в высокогорье Тянь-Шаня и Прииссыккулье, в предгорьях Копет-

дага, на орошенных и освоенных в годы Советской власти целинных землях Вахшской долины и др. Изучалась семья у народов с разными хозяйственно-культурными традициями и разным социально-экономическим укладом в прошлом: у исконных оседлых земледельцев — ирригаторов, у потомков скотоводов кочевников и полукочевников со скотоводческо-земледельческим хозяйством и др. Разнообразна и современная специализация хозяйств, на территории которых расположены изучавшиеся села. В число последних были включены объекты как с моноэтническим составом населения, так и с национально-смешанным.

Собранный авторскими коллективами в результате этих работ богатый этнографический материал лег в основу коллективного труда Института этнографии, подготовляемого к печати, — «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана», а также ряда уже готовящихся к изданию в республиках трудов, посвященных современной семье у отдельных народов (монографии по узбекской, таджикской, туркменской, киргизской, казахской семье). В период полевой работы в селах-стационарах и городах публиковались статьи участников исследования, содержащие новейшие материалы [19]. Комплексная методика полевого исследования с привлечением статистического материала, анкетных опросов в сочетании с непосредственным этнографическим изучением конкретных семей применялась и авторами вышедших в 80-е годы работ по городской семье [20].

Таков основной фонд источников и литературы, привлеченный для написания главы по быту народов Средней Азии и Казахстана в настоящей коллективной монографии. Поскольку не все указанные выше работы, подводящие итоги исследований последних лет, вышли в свет, в некоторых местах главы с разрешения авторов в тексте используются их рукописные материалы с соответствующими ссылками. При характеристике городской семьи приводится много материалов Л. Ф. Моногаровой, собранных ею в последние годы в городах Таджикистана.

[1] Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 13, 14, табл. 3.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 288, 300, 312, 314, 318, табл. 52.
[4] История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971. С. 12—48.
[5] *Кисляков Н. А.* Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX—начало XX в.). Л., 1977. С. 10—14.
[6] *Керимов Г. М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 3.
[7] *Наливкин В. П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 42—44.
[8] *Аминова Р. Х.* Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 75—76.
[9] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 51.
[10] *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. Книге предшествовала обзорная историографическая статья: Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов // СЭ. 1967. № 5. С. 92—104.
[11] *Кисляков Н. А.* Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX—начало XX в.) и др.
[12] *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков // Тр. Ин-та этнографии. 1959. Т. 44; *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Сталинабад, 1953. Вып. 1 (посвящен семье и семейной обрядности); *Аргынбаев Х. А.* Семья и брак у казахов. Алма-Ата, 1973. На каз. яз.; *Абрамзон С. М.* Брак и семья // Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; и др.
[13] *Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954; *Сухарева С. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955; Быт колхозников киргизских семей Дархан и Чичкан / С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева и др. М., 1958; Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969; и др.
[14] *Бикжанова М. А.* Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959; *Джумагулов А.* Семья

и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960; *Винников Я. Р.* Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР // Тр. Ин-та этнографии. 1954. Т. 21; *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; *Бекмуратова А. Т.* Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970; *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; *Лобачева Н. П.* Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975; и др.

[15] Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 460—483.

[16] *Аннаклычев Ш.* Быт рабочих-нефтяников Небитдага. Ашхабад, 1961; *Он же.* Быт и культура рабочих Туркменистана. Ашхабад, 1969; *Мембеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, 1963; *Курбангалиева К.* Быт и культура рабочих-узбеков шелковой промышленности Маргелана: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Ташкент, 1966; *Арипов Ф.* Быт и материальная культура рабочих Узбекистана. Ташкент, 1978. На узб. яз.; и др.

[17] См.: *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Этносоциология: Цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 66—68, 224—242.

[18] Социально-культурный облик советских наций: По результатам этносоциологического исследования. М., 1986. С. 105—179; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 150—182; и др.

[19] *Мирхасилов С. М.* Современная семья сельского населения Узбекистана // Обществ. науки Узбекистана. 1977. № 6; *Он же.* Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана // СЭ. 1979. № 1; *Люшкевич Ф. Д.* Новое в развитии современной семьи и внутрисемейных отношений у узбеков и таджиков Бухарского оазиса // Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980; *Кочкунов А.* Традиции и инновации в современной киргизской сельской семье: (По материалам Иссык-Кульской и Нарынской областей) // СЭ. 1985. № 5; *Толстова Л. С.* Национально-смешанные браки у сельского населения Каракалпакской АССР // СЭ. 1985. № 3; *Ташбаева Т.* Свадебная обрядность узбеков: Традиции и современность // Обществ. науки в Узбекистане. 1986. № 8; *Савуров М. Д.* Некоторые вопросы участия узбекской сельской семьи в общественном производстве // Там же. № 7; и др.

[20] *Каракеева С. И.* Современная киргизская городская семья. Фрунзе, 1981; *Кауанова Х. А.* Образ жизни и быт рабочих семей: (На материалах Казахстана). Алма-Ата, 1982; *Моногарова Л. Ф.* Структура современной городской семьи таджиков: (По материалам городов Ура-Тюбе и Исфары) // СЭ. 1982. № 3; и др.

БРАК

Воспроизводство общества осуществляется через институт брака, официальное вступление в который означает создание семьи. Эти два взаимосвязанные института издавна пользовались вниманием общества. Среднеазиатская традиционная этнография, в частности обрядовые действия во время семейных и общественных праздников, сохранила множество примеров этого. Даже в мусульманскую эпоху, когда исламская догматика закрепила разницу в социальном положении мужчины и женщины, отведя последней второстепенное, подчиненное место в жизни, лишив ее множества прав, обязав к затворничеству, утвердив авторитарно-патриархальные нормы в области семейно-брачных отношений, допускались совместные встречи мужской и женской молодежи, потенциально необходимые для выбора брачного партнера. Пережитки древнего культа природы в реликтовых праздниках цветов, зафиксированные на территории древнеземледельческих цивилизаций Средней и частично Передней Азии в начале XX в., ритуал которых предусматривал молодежные гулянья со значительной свободой общения между юношами и девушками, немыслимой в обыденной жизни мусульман Средней Азии, свидетельствуют о чрезвычайной древности и важности в сознании людей и в общественном мнении идеи продолжения человеческого рода.

Ослабление закона женского затворничества на свадьбах наблюдалось в прошлом даже в районах ортодоксального ислама среди городского таджикского и узбекского населения [1], особенно строго соблюдавшего исламские установления. У казахов были обязательным элементом новогод-

них гуляний молодежные игры, в которых видны отголоски свободных встреч и массовых совместных развлечений молодежи в весенние дни возрождения природы [2]. Свадебные игры казахов, киргизов [3], каракалпакские посиделки (отырыспа) [4], встречи молодежи у узбеков на народных гуляньях во время праздников (сайль, хаит), сопровождавшиеся выполнением просватанной девушкой и ее подружками определенных обрядовых действий на встрече с женихом и его товарищами (например, «лаган ёсаш», «олма отиш» — у узбеков Хорезма) [5], — все это примеры совместного времяпрепровождения молодежи, имеющего эротическую направленность и освященного традицией, одобряемого обычаем.

Смысл, предназначение обрядовых действий в традиционном свадебном комплексе всех народов среднеазиатско-казахстанского региона, как, впрочем, и всех народов мира, заключается в стремлении обеспечить благополучие брачного союза, создание многодетной семьи. Идея плодородия и защиты новобрачных от какого-либо вреда составляет центральную тему религиозно-магической практики в свадебной обрядности. А идеал семейного благополучия выражен известной всем народам региона пословицей: «Дом с детьми — базар, дом без детей — мазар» (т. е. дом с детьми полон радости и веселья, а без них — как на кладбище — тоска, уныние). Из сказанного не вытекает, однако, что мусульманская религия была против брака и семьи, ее отношение к семье выражается по сей день, например, в решительном осуждении религиозными людьми сознательного планирования рождаемости.

В среднеазиатско-казахстанском регионе вплоть до Октябрьской революции господствовали патриархально-феодальные отношения, сохранялись общинно-родовые пережитки. Институт брака здесь был подчинен обычному праву и исламским установлениям.

Авторитарная семья с патриархальными устоями, осложненными исламской догматикой (особенно сильно она проявлялась в районах расселения таджиков и узбеков), влияла на брачный выбор следующим образом: он осуществлялся родителями, в первую очередь отцом семейства, матери отводился лишь совещательный голос. Обязательно в этом участвовала семейно-родственная группа (в том числе и материальными затратами на свадьбу) и даже община в лице своих выборных представителей. Роль молодых людей в выборе спутника жизни была минимальна, хотя формально о согласии вступить в брак спрашивали даже девушку во время религиозного обряда бракосочетания. Вступающие в брак нередко впервые видели друг друга только на свадьбе. Бóльшая свобода в этом отношении наблюдалась у степных скотоводческих народов.

Ислам допускал многоженство (до четырех жен). Практически этим правом пользовались лишь состоятельные круги общества. Среди рядового населения обычно встречалось лишь двоеженство, большей частью в силу обычая левирата или из-за отсутствия детей у первой жены.

У ряда сохранявших пережитки родо-племенной структуры народов — казахи, киргизы, каракалпаки — брак был экзогамным, причем у каракалпаков запрет вступления в брак в пределах рода был полным, у казахов, киргизов он ограничивался седьмым коленом, хотя в некоторых районах поколенная экзогамия достигала 12—13-го колена. Не возбранялись и родственные браки, если брачующиеся принадлежали к разным родам, в частности кузенные браки по материнской линии [6]. У туркмен широко практиковались кузенные браки, экзогамных запретов не существовало [7]. У полукочевых узбеков с пережитками родо-племенных делений экзогамные запреты к началу XX в. были изжиты. А среди таджикского и узбекского населения без родовых делений кузенные браки были наиболее распространенными, причем местами предпочтительными были браки

между двоюродными братьями и сестрами по отцовской линии [8], хотя выдавали замуж и на сторону, в другие общины.

Существовали брачные ограничения и сословно-религиозного характера: например, у всех народов региона не практиковались браки между лицами «священного происхождения», особо почитаемыми этноконфессиональными группами (ходжа и др.), и остальным населением. Представители группы ходжа иногда брали себе жен из других социальных или этнических групп населения, но никогда не выдавали своих девушек замуж вне своей группы. У туркмен, кроме запрещения браков с представителями групп овляд (также якобы «священного» происхождения), считались нежелательными и даже запрещались обычным правом браки между группами туркмен, относимыми к чистокровным (иг — происходящие от брака туркмена с туркменкой) и нечистокровным (кул — происходящие от брака туркмена с рабыней). Мужчины из игов изредка вступали в брак с женщинами из кулов, но девушек из игов замуж за кулов не выдавали. Среди туркмен считались нежелательными браки с представителями других народов и даже разных туркменских племен.

Брак у всех народов и слоев населения Средней Азии и Казахстана осуществлялся через уплату калыма, правда, у таджиков к концу XIX в. выкуп за невесту носил менее выраженный характер, изживался. Невеста должна была принести в дом приданое (в основном предметы домашнего обихода), на которое (как и на «мехр» — полагавшееся по шариату обеспечение ее за счет мужа) она имела право в случае расторжения брака. Оформлялся брак народным обычаем в виде свадебного церемониала и мусульманским обрядом бракосочетания (никах), без которых он не считался действительным. Поселение сочетавшихся браком полагалось в доме отца молодого. Исключительные случаи поселения зятя в доме отца жены в целом не одобрялись общественным мнением и имели всегда объяснение (единственная дочь у престарелых родителей или бедность зятя — причина очень непрестижная).

В дополнение к общегосударственным мероприятиям Советской власти, направленным на утверждение новых принципов жизни семьи, для среднеазиатско-казахстанского региона имели большое значение непосредственно связанные с проблемой брака законы о регистрации и расторжении брака, поскольку прежде гражданского оформления этих актов здесь не существовало, и особенно законодательное запрещение калыма, многоженства, принудительных и ранних браков (впервые учрежденное декретом ЦИК Туркестанской АССР от 14 июня 1921 г.). Позднее эти запреты нашли отражение в уголовном кодексе союзных республик Средней Азии и Казахстана.

В советское время в республиках региона произошли значительные изменения в сфере брака и семьи, обусловленные общим прогрессом, урбанизацией, повышением культурного уровня населения. Однако и по сей день здесь сохранились глубоко традиционные ориентации на высокую и относительно раннюю брачность, крепость семейных уз и многодетность.

В республиках Средней Азии и Казахстане специальные социологические исследования по состоянию семейно-брачных отношений не проводились, однако некоторые стороны этого процесса освещают показатели переписей населения.

Материалы переписи 1979 г. о распределении населения по состоянию в браке, представленные в целом по республикам, не дают возможности выделить особенности брачности у отдельных народов среднеазиатско-казахстанского региона. Впрочем, если проанализировать цифры переписи о разводах (хотя и эти таблицы составлены по тому же принципу), то

можно заметить, что они свидетельствуют как о крепости брачных уз, так и об изменении положения среднеазиатской женщины в вопросах брака. По данным переписи, число разошедшихся в расчете на 1000 человек соответствующего пола в рассматриваемом регионе в сравнении с некоторыми другими республиками невысоко [9].

В среднеазиатско-казахстанском регионе показатели разводимости по городу значительно выше, чем по селу, где живут преимущественно представители основных наций республик, у которых разводы реже. Этот показатель в Среднеазиатских республиках ниже общегосударственного и особенно в сравнении с данными по Латвийской и Эстонской ССР, где самый высокий показатель неустойчивости брака, однако уступает Азербайджанской и Армянской ССР — республикам с наименьшей разводимостью.

В изучаемом регионе исключение составляют лишь Казахская и Киргизская республики, в которых и на селе высокий показатель разводимости; это объясняется тем фактом, что здесь и в сельских местностях некоторых областей население по своему национальному составу сильно смешанное, что отражается на общереспубликанских показателях разводимости.

Интересно распределение количества разведенных по социальному и половому признакам: преобладающее количество их наблюдается у женщин из городской среды. Даже учитывая, что в городах разводы преобладают у русских и женщин других неместных национальностей, следует считать, что в числе расторгнувших брак все же есть и женщины коренных национальностей, по желанию которых произошло расторжение брака. В прошлом в силу религиозных предубеждений, а главное — из-за своей зависимости от мужа — экономической (следовало возвратить калым) и моральной (дети, по обычаю, оставались в семье мужа) — женщина не могла легко решиться на развод.

Характеризуя состояние разводимости браков у таджиков, Л. Ф. Монгарова подчеркивает стабильность их семьи: если в столице республики Душанбе в 1979 г. на 1000 человек всего населения города приходилось 4,5 развода, то у таджикского населения Душанбе — всего 2,5. Господствует традиционное негативное отношение к разводам, родственники и друзья обычно стараются примирить супругов [10].

Установку на сохранение, устойчивость семей в Средней Азии демонстрируют и результаты этносоциологических исследований, проведенных в Узбекистане. Так, 84 % опрошенных узбеков полагают, что, если у мужа или жены появилось новое сильное чувство, семья при наличии детей не может быть разрушена [11].

Как результат политики Советского государства, направленной на установление юридического и общественного равенства всех народов, мужчин и женщин, на выравнивание их социально-экономического и культурного уровня, а также под воздействием советских законов уже в период социалистического строительства у всех народов региона возникли новые явления в сфере семейно-брачных отношений. Раскрепощение женщины, получившей личную свободу, свободу выбора мужа, право на имущество и детей, право на образование, участие в общественно полезном труде и даже на участие в управлении государством, сыграло очень большую роль в вопросах семьи и брака. Молодежь, получающая образование, работающая на производстве и в сельском хозяйстве, стала более широко и свободно общаться между собой. Особенно расширилось общение юношей и девушек в городах, где развивалась промышленность, урбанизировался быт, предоставлялись в большей мере условия для культурного времяпрепровождения (кино, театры, библиотеки, выставки и др.).

Эмансипация горожан влияла на сельское население, с которым постоянно поддерживались родственные связи. Молодежь стремилась к свободе при выборе брачного партнера. К настоящему времени у всех народов региона основным мотивом вступления в брак стали не расчеты родителей и старые брачные порядки (хотя и последние в большей или меньшей мере еще живы), а взаимная склонность молодых людей, проявляющих в этом вопросе упорство вплоть до пренебрежения прежними традициями. Это отмечают все исследователи современного состояния семейно-брачных отношений у народов Средней Азии и Казахстана. Как общие явления следует отметить следующие: 1) изменившееся отношение к браку молодежи, проявляющей самостоятельность в выборе брачного партнера, но не пренебрегающей при этом и мнением старших (родителей, родственников); 2) большие перемены в отношении к браку детей со стороны самих родителей, считающихся теперь с привязанностями и склонностями молодежи, но желающих, чтобы дети вступали в брак, посоветовавшись с ними. Еще встречаются случаи, когда родители подбирают сыну или дочери достойную, с их точки зрения, пару, учитывая возраст, образование, традиционные представления о возможности брачного союза, нравственные качества семьи. Родители предварительно знакомят сына или дочь и, если он или она не выражают желания продолжать знакомство с целью дальнейшего вступления в брак, считаются с этим [12], прекращая переговоры о сватовстве. Характерно также, что мотивом несогласия родителей с детьми в отношении их будущих брачных партнеров обычно служат не социальные, национальные или религиозные препятствия, а дурной характер человека, недобрая молва о семье партнера [13].

Приведем некоторые показатели, связанные с выбором брачного партнера. Исследования 1984—1985 гг. Х. А. Аргынбаева и А. Б. Калышева в Казахстане (Талдыкурганская и Алмаатинская области) свидетельствуют, что на вопрос: «Как вы относитесь к браку детей?», от 90 до 100 % респондентов высказались за то, чтобы дети сами выбирали себе супруга(у), но с согласия родителей. Среди узбеков 88 % считают, что брак должен заключаться с согласия родителей [14], хотя возможен и самостоятельный выбор. У малой народности Средней Азии дунган (по материалам М. Савурова) около 90 % считают, что при самостоятельном выборе брачного партнера вопрос о браке необходимо согласовать с родителями. А этносоциологические исследования в городах Каракалпакии (Нукус, Бируни, Чимбай) в 70-е годы показали, что у 85—90 % опрошенных выбор невесты происходил без вмешательства родителей [15].

Социальные и культурные преобразования сказались на изменении всех традиций, связанных с браком и созданием семьи: на свободе выбора брачного партнера, на брачном возрасте, на отношении к прошлым социальным, национальным и религиозным ограничениям и предпочтениям, на формах заключения брака и даже на способах знакомства молодежи.

Для всех народов Средней Азии и Казахстана в прошлом была характерна известная сдержанность в отношениях между мужской и женской молодежью. Особенно скованны в своем поведении были девушки районов распространения ортодоксального ислама, в первую очередь городов Узбекистана и Таджикистана. По мусульманским законам девочкам с 9 лет разрешалось вступать в брак и с этого времени им предписывалось ношение паранджи при выходе на улицу; считалось предосудительным выходить из дома без сопровождения старших; наступало время изоляции от общества мальчиков-сверстников. Степная периферия Средней Азии не знала паранджи, но другие установления мусульманства действовали и здесь, хотя большее значение имели все-таки нормы обычного права.

Казахские, киргизские, каракалпакские девушки и юноши пользовались большей свободой, имели возможность встречаться на свадьбах, праздниках, во время ритуальных игр, спортивных соревнований, состязаний в игре на музыкальных инструментах и т. д. На посиделках типа каракалпакских отырыспа встречи молодежи сопровождались чаепитием и проходили в веселом словесном состязании на находчивость, острословие, импровизацию. На такие собрания женская и мужская молодежь, обычно сверстники, приходила в сопровождении особых руководителей и посредников между молодежью. Юношами руководил жигит (йигит)-агасы, а девушками женге (янга).

В связи с этим следует упомянуть о реликтовых формах былой половозрастной организации у народов Средней Азии и Казахстана, которые можно встретить даже теперь в виде особых собраний мужчин. Еще в начале XX в. они организовывались по возрастному принципу и существовали, очевидно, у всех народов региона, но изучены наиболее полно лишь у узбеков и таджиков (зиафат, гап, гаштак, джура и др.) [16]. Судя по материалам из Киргизии, существовали и женские возрастные объединения (баштан). Их наличие у других народов позволяют предположить материалы об узбеках Хорезма и о таджиках долины Хуф [17]. Женские объединения чак-чак были также, по сообщению А. Жумаева, в Бухарском оазисе.

Воздействие возрастной организации проявлялось во время значительных семейных и общественных событий, например свадеб и т. п., когда сверстникам родителей, и особенно самих вступающих в брак отводилась совершенно определенная роль в проведении свадебных церемоний. Одной из функций мужских объединений, зафиксированной у узбеков Хорезма (известной и у других народов), было воспитание молодежи, осуществляемое членами зияфата старших возрастных ступеней. В деятельности руководителей мужской и женской молодежи на тоях, посиделках и т. п., во время гуляний на больших общественных и религиозных праздниках, видимо, и следует видеть одно из проявлений этой роли древней возрастной организации.

Общение понравившихся друг другу юношей и девушек у казахов, киргизов, каракалпаков происходило через их женге (у девушек это жена старшего брата или дяди по матери, у юноши — жена брата). Между тем необходимо отметить, что все формы отношений молодежи этих народов зиждились на имевших силу закона принципах экзогамии.

Молодежь древнеземледельческих районов, где влияние мусульманских запретов было сильнее, также имела некоторую возможность общаться друг с другом во время различных праздничных гуляний, куда она приходила группами ровесников в сопровождении своих наставников [18]. Тем не менее развлекались юноши и девушки по отдельности.

Традиция поддерживать знакомство между девушкой и юношей через третье лицо (через женге, друга, подругу) живет и сейчас у всех народов региона. Если раньше у киргизов, каракалпаков преподнесение понравившейся девушке небольшого подарка, букетика цветов служило символом расположения, любви [19], теперь первое место в ухаживании заняла переписка. Инициатива знакомства принадлежит обычно юноше. Письма передают через посредников или посылают по почте. При последующих свиданиях, происходящих в домах родственников или знакомых, молодые люди обмениваются подарками. Такие знакомства часто заканчиваются браком.

В городе сочетаются элементы национальных и заимствованных, особенно от русской молодежи, традиций. В отличие от сельских сверстников молодые люди в городе знакомятся и встречаются открыто, к пере-

писке прибегают редко, свободное время проводят вместе. Юноши и девушки знакомятся в процессе совместной работы, учебы, в театрах, кино, на танцах, на днях рождения и т. д. Интересный материал по этой теме дают этносоциологические исследования в городах Каракалпакии. На предложенный вопрос, где впервые познакомились супруги, 33 % опрошенных указали места культурно-массовых развлечений, 38 % — различные высшие и средние специальные учебные заведения, а также места своей работы, 24 % ответили, что познакомились у друзей и родственников, 2 — в средней школе, 3 % — в кружках самодеятельности и различных спортивных организациях [20].

Одним из критериев в оценке девушки-невесты у всех народов региона было ее целомудрие, нарушение которого давало право жениху отказаться от брака и требовать возвращения калыма. В свете таких представлений на первый взгляд кажутся непонятными обычаи «тайных встреч» сговоренных, как их называют исследователи семейно-брачных отношений в Средней Азии и Казахстане, а в народе носящих названия «игра с невестой», «хождение за пазуху» и т. п., фиксированных в XIX в. у ряда народов — казахов, киргизов, каракалпаков, горных таджиков, некоторых групп узбеков. Очевидно, эти обычаи были распространены шире в этом регионе, просто их стали изучать на стадии глубокого изживания. Суть их заключается в том, что жених и невеста еще до свадьбы, но после официальной помолвки вопреки обычаю избегания, известному всем народам региона, кроме припамирских народностей, встречались друг с другом с ведома матери невесты и с помощью посредницы (янга, женге). Встречи эти могли кончиться рождением ребенка, так как сроки между помолвкой и свадьбой бывали длительными из-за подготовки калыма, который у большинства народов следовало уплатить до свадьбы. У каракалпаков такого ребенка передавали родителям невесты, которые его растили, он носил фамилию деда по матери. Эти обычаи, к XIX в. трансформировавшиеся в одну из церемоний брачно-свадебной обрядности, являются пережитками более ранних форм и этапов как заключения брака, свадебного церемониала, так и поселения брачной пары [21]. (В таких случаях целомудрие невесты проверялось на первой из «тайных встреч».) К настоящему времени обычай добрачных встреч исчез, лишь местами сохранившись в виде посещения женихом дома родителей невесты. У казахов он переменил даже название, вместо прежнего «урын бару» (первый приезд) стал называться «коржин апару», что означает доставку женихом подарков семейству невесты в переметной суме (коржин) из домотканой шерстяной или ковровой ткани [22].

Брачный возраст у народов региона также претерпел изменения. В Средней Азии и Казахстане, где наблюдалась традиция ранних браков, женихи и невесты «повзрослели». Об этом свидетельствуют данные переписи населения 1959 и 1970 гг. В республиках Средней Азии в 1959 г. от 31,8 до 44,2 % женщин в возрасте 16—19 лет уже были замужем, а в 1970 г. — от 19,1 до 24,9 % [23]. Общая тенденция изменения — выравнивание брачного возраста, сокращение разницы в возрасте супругов. Возраст вступления в брак девушек по региону повысился, а юношей — стабилизировался, ликвидирована разница в брачном возрасте мужчин разных социальных прослоек, существовавшая в прошлом и обусловленная у необеспеченных слоев населения отсутствием средств на калым. Конкретная же обстановка у каждого народа, даже в различных социальных средах, и в этом вопросе может быть своеобразной. Например, у каракалпаков прежде распространенным явлением было вступление в брак в 15—17 лет. А вот в городах в силу специфики городской жизни (обучение ремеслам и т. п.) и большей зажиточности населения брачный возраст у этого народа коле-

бался от 18 до 22 лет. Теперь в городе он повысился у мужчин до 23—30 лет, у девушек до 18—23, что объясняется стремлением молодежи получить образование, приобрести специальность [24], а затем уже обзаводиться семьей.

У припамирских народностей брачный возраст, по обычаю, для девочек наступал в 11—12 лет, хотя фактическое замужество осуществлялось обычно в 15 лет; 16—17-летняя невеста считалась «перестарком». Юношей женили с 15-летнего возраста. Неравные браки, когда за 40—50-летнего мужчину выдавали девочку 12—13 лет, были редким явлением. В настоящее время ранние браки у памирских таджиков встречаются очень редко. Обычный брачный возраст девушек — от 19—20 до 26—27 лет, у мужчин наибольшее число браков заключается в возрастах от 22—23 до 35—36 лет [25].

Динамику брачного возраста у киргизов есть возможность проследить с начала 20-х годов. Хотя советским законодательством того периода брачный возраст был определен для женщин в 16 лет, а для мужчин в 18 лет, данные переписи населения 1926 г. свидетельствуют о том, что в 20-е годы обычай ранней выдачи замуж сохранялся. Процент 15-летних замужних женщин в Киргизии был самым высоким по стране — 29,2 (у славянских народов процент 15-летних женщин, состоящих в браке, колебался от 0,07 до 0,08). Из всего числа киргизок 16-летнего возраста больше половины (60 %) также были замужними. Количество 15—16-летних женатых мужчин в 1926 г. было значительно меньшим — соответственно 2 и 5 %. К 20 годам подавляющее число киргизок (97,6 %) и женщин других среднеазиатских народов уже состояли в браке, в то время как у представительниц славянских народов к этому возрасту в брак вступало немногим более половины всех женщин (у русских — 53,9 %, украинцев — 54, белорусов — 42,1 %). Процент же мужчин, состоявших в браке в возрасте 20 лет, у среднеазиатских народов был значительно ниже (у киргизов — 25, у туркмен — 25,7), чем у русских (36,5), у украинцев (32,4). По переписи 1926 г., наибольший процент состоящих в браке мужчин у киргизов составляли лица в возрасте 35—39 лет (93,9 % от общего числа мужчин этой возрастной группы), а женщин — 20—29 лет (почти 99 % от общего числа женщин данной возрастной категории) [26].

Анализ данных переписей населения 1959 и 1970 гг. свидетельствует о повышении брачного возраста среди киргизов. При этом в 1970 г. число замужних женщин 16—19 лет более чем в 10 раз превышало количество мужчин такого же возраста, состоящих в браке (в расчете на 1000 человек данного пола [27]), т. е. традиционный разрыв между сроком вступления в брак женщин и мужчин все же сохранялся.

Исследования 1984—1985 гг. в Казахстане дают возможность проследить изменения в данном вопросе по сегодняшний день. Они констатируют разницу брачного возраста у различных поколений. Так, старшему поколению (1924 г. рождения и старше) свойственны значительные вариации возраста вступления в брак: у мужчин 23—27 лет и выше (81,3 %), у женщин в 18 лет и моложе (около 70 %). Встречались браки, заключенные и ранее 16 лет.

Брачный возраст мужчин среднего поколения (1935—1949 гг. рождения) понизился до 19—26 лет (73 %). Одновременно произошло повышение брачного возраста женщин, наибольший процент падает на 18—22 года (83 %). Для молодого поколения казахов обоего пола указанный брачный возраст примерно стабилизировался: он зафиксирован в молодых семьях у 94,8 % мужчин и у 70,1 % женщин.

Произошли изменения в возрастной разнице между супругами. У лиц старшего поколения наблюдается большее разнообразие в возрастной

шкале, она распределена равномерно в интервале 1—5, 6—10, 11 лет и выше. Отмечены случаи, когда муж старше жены на 20—30 лет.

У среднего и молодого поколений муж старше жены обычно на 1—5 лет (соответственно 57,2 и 65,3 %). Обычай, согласно которому возраст жениха на несколько лет выше, чем невесты, в середине 80-х годов широко действовал. У молодежи 1957 г. рождения и моложе имеются отличительные черты: значительно число браков, где нет разницы в возрасте супругов (их доля 26,2—22,4 %), и наблюдаются изредка случаи, когда жена даже немного старше мужа [28].

Сходные изменения происходили и в городах. Исследования Х. А. Кауановой в Центральном Казахстане в рабочей среде показывают, что у казахов-рабочих брачный возраст мужчин был в 70-е годы значительно выше брачного возраста женщин (24—29 и 18—20 лет). Однако у молодого поколения рабочих отмечается выравнивание брачного возраста: у мужчин и женщин он был в пределах 18—22 лет [29].

Социальный и образовательный уровни вступающих в брак могут быть как одинаковыми, так и разными. Отношение к этому вопросу характеризуют в какой-то мере материалы по Казахстану. По данным Х. Аргынбаева и А. Калышева, на вопрос об отношении к образовательному уровню супругов при заключении брака были получены следующие ответы: среди казахов от 55,2 до 64,7 %, а среди русских от 70,4 до 93,3 % считают, что этот вопрос не имеет значения при заключении брака, хотя примерно треть респондентов ответила, что лучше, если супруги будут одного образовательного уровня. Но в целом данный аспект требует дальнейшего изучения.

У всех народов региона предпочтительными являются однонациональные, внутринациональные браки, несмотря на существование и национально-смешанных. О числе национально-смешанных браков приближенно можно судить по данным о национально-смешанных семьях, однако с той поправкой, что таких семей сохраняется меньше, чем заключается браков.

Число национально-смешанных семей, как и браков, в Среднеазиатских республиках сравнительно невелико. Согласно данным переписи 1979 г.[30], в трех Среднеазиатских республиках (в среде всего полиэтничного населения) доля национально-смешанных семей оказалась ниже их доли по СССР в целом (14,9 %): это Узбекистан (10,5 %), Таджикистан (13,0 %) и Туркмения (12,3 %); близка к среднему по стране уровню Киргизия (15,5 %); в Казахстане с его многонациональным населением доля смешанных семей наиболее высока (21,5 %), она близка к показателям по Украинской и Белорусской ССР. Среди коренных национальностей региона эта доля ниже, особенно в селах. Так, в результате исследований Л. Ф. Моногаровой в городских и районных загсах, проведенных в 1980 г. в семи городах и шести сельских районах Таджикистана, выявилось, что брачных пар, в которых муж или жена таджики, а второй супруг другой национальности, в городах только от 7 до 12 % (в среднем — 9,6 %), а в сельских районах от 2,5 до 8,3 % (в среднем около 6 %) от всех зарегистрированных браков. Близкие данные были получены в 1982 г. в результате массового анкетного обследования таджикских семей в тех же городах и 12 кишлаках: в городах национально-смешанных семей у таджиков было обнаружено в среднем 10,6 % от общего числа обследованных, а в кишлаках — 4,8 % [31].

Предпочтительность однонациональных браков выявлена исследователями А. Калышевым и Х. А. Кауановой у казахов, Л. С. Толстовой — у каракалпаков [32]. Приверженность к бракам в среде своей национальности связана с такими этнопсихологическими факторами, как общность языка и национального характера, а также с общим пониманием особенностей своего народа — обычаев, традиций, родственных связей и т. д. Определен-

ную роль играют и этнические оценочные критерии при выборе брачного партнера. Например, в казахской среде в представлении об идеальной невесте важны такие ее качества, как скромность и почтительность к старшим, знание национального этикета [33]. Эти критерии применимы и ко всем народам Средней Азии. Что касается характеристики идеального жениха, то она обычно сводится к тому, что юноша должен быть трудолюбивым, умным, вежливым и скромным, общительным и смелым и т. п. Как установили этносоциологи, среди важнейших факторов, влияющих на динамику межнациональной брачности, помимо совместимости этнических норм внутрисемейного общения, следует назвать национальный состав населения, распространенность двуязычия, сходство социально-профессионального состава контактирующих национальностей и др.[34]

Исследования национального состава семей, проведенные в 80-е годы в многонациональных целинных районах Узбекистана, свидетельствуют о том, что в этой республике (наиболее устойчивой в приверженности к однонациональным бракам) происходят значительные сдвиги в отношении населения к межнациональным бракам. В 1983 г. в Сырдарьинской и Джизакской областях из общего числа браков соответственно 13,9 и 9,6 % были национально-смешанными.

Т. У. Салимов отмечает, что межнациональные браки 80-х годов существенно отличаются от таковых в 30—40-е годы. Если в довоенные годы смешанные браки заключались преимущественно между представителями тюркоязычных и ираноязычных народов, теперь встречаются браки и с выходцами из европейской части СССР. Межнациональные браки русских с узбечками в Сырдарьинской области зарегистрированы в 9 случаях (1983 г.), в 14 русские женились на татарках, а в Джизакской области таких браков было 15 [35].

Таким образом, наблюдаются сдвиги в наиболее трудно преодолимых национально-религиозных барьерах: брак узбечки с русским в прошлом общественном мнении считался невозможным не только в силу принадлежности к разным конфессиям, а еще и потому, что ребенок принимает религиозную принадлежность отца, и мусульманская семья теряет ребенка, если его отец исповедует не ислам, а другую религию. Эти предубеждения живы и сегодня, но постепенно и они изживаются.

Об учащении по сравнению с прошлым случаев национально-смешанных браков свидетельствуют данные исследования, проведенного среди городского населения Каракалпакии. Почти все опрошенные жители городов отметили, что в их семьях или семьях их родственников встречаются межнациональные браки (в Нукусе — 98 %, в Чимбае — 94, в Бируни — 88 %) [36].

Национально-смешанные браки участились даже в сельской местности. Об этом говорят полевые исследования 1980—1983 гг. в киргизских селениях Иссык-Кульской и Нарынской областей. Если киргизско-казахские браки можно объяснить давними традиционными связями этих народов, то корейско-киргизские, русско-киргизские и др., отмеченные последними исследованиями, — явление новое [37]. Интересно наблюдение А. Оразова, сделанное среди туркмен: в смешанные браки вступают в первую очередь вдовцы.

Сведения о смешанных браках у малочисленных народов отражают в целом ту же тенденцию. Так, среди дунган в Ташкенте и Ташкентской области в 1982 г. 14 % от общего числа заключенных браков были национально-смешанными (дунгано-узбекские, дунгано-татарские, дунгано-уйгурские). До 70 % браков второго поколения из национально-смешанных семей также национально-смешанные. А в Ферганской долине смешанные браки среди дунган составляют до 40 %. Такое же положение отмечается

и для уйгуров. При этом до 70-х годов XX в. более характерным было вступление в смешанный брак мужчин, чем женщин [38].

Национально-смешанные браки, число которых хотя и медленно, но увеличивается, свидетельствуют о постепенном преодолении национально-религиозных запретов. Это положение распространяется на все народы региона.

В формах заключения брака также произошли значительные изменения: у всех народов Средней Азии и Казахстана отошли в прошлое сговоры неродившихся и малолетних детей, левиратные и сороратные браки; традиционные браки по сватовству или так называемые «похищением» претерпели значительную трансформацию. У всех без исключения народов региона церемония сватовства стала носить формальный характер, поскольку молодые люди, как правило, сами выбирают себе спутника жизни, а если в этом им помогают родственники, то все равно знакомство будущих жениха и невесты происходит вопреки старым обычаям заранее, задолго до свадьбы. Но сватовство как этап свадебного церемониала со всеми или почти со всеми обычаями и обрядами соблюдается, при этом у разных народов в ритуале сватовства сохраняются свои особенности, в частности в свадебной символике. На этом этапе происходит более близкое знакомство роднящихся сторон и гласное объявление предстоящего брака.

Исследователи брачно-семейных отношений у казахов Х. Аргынбаев и А. Калышев, подводя некоторые итоги изучения этой проблемы на уровне 80-х годов, свидетельствуют, например, о том, что у казахов бракосочетание молодежи осуществляется в основном в двух вариантах: в первом случае путем выполнения церемонии сватовства с устройством свадьбы как у родителей невесты (узату тойы), так и у родителей жениха (келин тусиру тойы), что соответствует народной традиции, хотя в этом церемониале произошли существенные сдвиги в сторону сокращения или совмещения, переосмысления старинных обычаев [39]. Согласно указанным исследователям, вторым вариантом является брак путем «умыкания» невесты (алып кашу), происходящего с ее согласия и обычно с ведома родителей с последующим празднеством только у родителей жениха, в чем явно видится тенденция к сокращению (и удешевлению) громоздкого свадебного церемониала. Аргынбаев и Калышев обращают внимание на тот факт, что фиктивное «алып кашу» становится преобладающей формой заключения брака [40]. Такая форма в настоящее время бытует также среди киргизов и каракалпаков. У этих народов, характеризовавшихся в прошлом экзогамным браком, традиция экзогамных запретов не изжита, хотя ныне встречаются существенные отклонения от прежних норм: сокращается число поколений, на которые распространяется запрет [41]. Старая традиция заключения эндогамных родственных браков у узбеков, таджиков, туркмен (с особенностями для каждого из народов) поддерживается и сейчас.

По-прежнему в рассматриваемом регионе вступление в брак, как правило, сопровождается выплатой калыма (калын). Суть его маскируется иногда другими наименованиями. Так, у узбеков его представляют как «плату за молоко матери», а у киргизов сейчас вместо слова «калын» часто употребляют слово «тартуу» (подношение). У последних калым и «плату за молоко матери», как в прошлом, так и в настоящее время не отождествляют. Средства, полученные в качестве калыма, родители невесты употребляют на приданое, а средства, данные женихом как «плату за молоко матери», остаются в доме родителей невесты [42]. Стало модным давать большое приданое дочери-невесте. Ее родители, помимо полученного калыма, вкладывают в приданое и свои немалые средства. Суть калыма сегодня изменилась. Он утрачивает древнюю функцию выкупа за невесту и имеет

теперь в основном престижный характер. Так его воспринимают обе стороны, в том числе сама невеста.

Хотя обычно внесенные семьей жениха средства, за исключением расходов на проведение свадебного «тоя», реализуются в хозяйстве молодой семьи (родители невесты их как бы возвращают в виде приданого), этот пережиток брачного выкупа следует рассматривать как негативное бытовое явление. Как бы ни называли этот обязательный брачный платеж, сама необходимость уплаты оговоренной при сватовстве суммы, измеряемой несколькими тысячами рублей, служит условием заключения брака и нередко при несостоятельности жениха препятствует свадьбе, разрушая счастье молодой пары. С другой стороны, этот пережиток в его современных формах чрезвычайно вреден и в нравственном отношении, став одним из индикаторов чуждых социалистическому обществу явлений — роста меркантилизма, мещанской помпезности, ложного понимания престижности и искаженного представления о морально-нравственных ценностях людей.

Кроме калыма и приданого, больших средств требует и традиционный свадебный дарообмен между семьями молодых и их многочисленных родственников, сопровождающий все этапы брачных церемоний и также принявший гиперболизированные формы. Эти явления современного быта, казалось бы свидетельствующие о материальном достатке, на самом деле на долгие годы создают бреши в семейных бюджетах породнившихся семей, обременяют их долговыми обязательствами. Кроме того, это сказывается и на моральных устоях молодого поколения, привыкающего к иждивенчеству, материальной зависимости, поскольку сравнительно ранний возраст брачующихся не позволяет им возмещать все средства, затраченные на свадьбу, своими заработками.

У всех народов региона действует законодательное оформление брака, принятое в Советском государстве, т. е. происходит официальная регистрация брака в загсе, часто в торжественной обстановке; однако встречаются случаи регистрации не перед свадьбой, а после рождения ребенка (это сказывается, в частности, на показателях о брачном возрасте, завышая его). Приверженность религиозному наряду с гражданским оформлению брака сохраняется в разной мере у всех народов региона, хотя всеми восприняты и современные советские формы проведения бракосочетания.

Интересны материалы Л. Ф. Моногаровой по этому вопросу. Она сообщает, что еще недавно совершившие в свое время мусульманский свадебный обряд «никох» супруги-таджики регистрировали свой брак в загсе или кишлачном совете позднее, иногда уже имея одного и даже нескольких детей. В этих случаях после официальной регистрации брака супругам приходится обращаться в Управление актов гражданского состояния с заявлением об установлении отцовства, после чего ребенку выписывают свидетельство о рождении. В обследованных в 1975 г. Л. Ф. Моногаровой четырех кишлачных советах при регистрации браков от 36 до 59 % супружеских пар таджиков имели детей. Сейчас таких случаев, свидетельствующих о предпочтении религиозного брака гражданскому, стало меньше. Очевидно этому способствует введение в обязанность муллам совершать «никох» лишь после регистрации супругами брака в загсе.

Свадебные торжества, проведение которых по традиции считается обязательным, значительно отличаются от прошлого, даже если это и не комсомольская свадьба, а обрядовая церемония с соблюдением многих традиционных ритуалов (излюбленный вариант проведения свадьбы у всех народов региона). Жених и невеста теперь присутствуют за свадебным столом не только на специальном «вечере» для молодежи, устраиваемом в общесоветских традициях, часто в ресторанах и других местах, но даже

вопреки обычаю раздельного обрядового церемониала для новобрачных часто при старших мужчинах и женщинах, которые тоже не всегда теперь сидят на свадебном «тое» в разных помещениях. Родители молодых людей присутствуют не только при регистрации брака в загсе, но и на тое, особенно на комсомольских свадьбах. Традиция, согласно которой мать не провожала дочь-невесту при перевозе ее в дом жениха, сохранявшаяся у ряда народов, тоже интенсивно изживается. Все это говорит о значительной свободе в общении участников торжества, об угасании былого обычая избегания.

Селятся молодые семьи по традиции очень часто в доме отца супруга, где им выделяется отдельное помещение (комната), но скоро выделяются, если женился не последний сын в семье, который, по обычаю, часто остается жить с родителями. Существует практика и поселения новобрачных сразу после заключения брака отдельно от родительской семьи, чаще это случается в городе. Примачество и теперь не считается престижным, но резко отрицательное отношение к нему смягчается.

В заключение следует остановиться на современной роли древних по происхождению институтов, причастных к жизни семьи и так или иначе традиционно участвующих в подготовке брака и свадебном празднестве. Речь идет о семейно-родственных группах и пережиточных формах общины, а также о возрастных объединениях или группах. Эти вопросы у разных народов недостаточно равномерно исследованы к настоящему времени, но институты эти вымирающие, поэтому есть смысл изложить хотя бы то немногое, что известно нам об их участии в семейных событиях, связанных с браком.

В последнее десятилетие наблюдается значительная трансформация функций семейно-родственной группы, сужение ее влияния, сокращение самого родственного коллектива, причастного к жизни семьи. По информации А. С. Кочкунова, в Киргизии даже в среде сельского населения роль семейно-родственных групп, очень действенных в прошлом в обрядовой жизни, теперь ослабевает; сократились их функции, в частности, в области родственной взаимопомощи. В наши дни последняя проявляется главным образом в похоронных церемониях; все члены родственной группы обязательно должны внести определенную сумму денег в помощь семье умершего; в то же время на свадьбу вносят деньги уже только по возможности, обычно в семейно-родственной группе на свадьбу денег не собирают; затраты несут родители, участвуют в них лишь женатые дети и самые близкие родственники.

Однако трансформация этого института у разных народов Средней Азии имеет свои особенности. Так, по сведениям, собранным Л. Ф. Монгаровой, у таджиков и сейчас руководит деятельностью каума — семейно-родственной группы — ее старейшина (аксакал), который вместе с хозяином семейного праздника распределяет роли и функции участвующих в нем родственников, устанавливает сроки его проведения. Материальная взаимопомощь членов семейно-родственной группы практикуется при проведении всех основных традиционных праздников, связанных со свадьбой, рождением детей, обрезанием, похоронами и поминками. Но возникшие в советское время торжественные события в жизни семьи, такие, например, как проводы в армию и возвращение с военной службы, отмечаемые в семьях, в материальном отношении не касаются родственников. Такие тои устраиваются исключительно на средства семьи, члены каума материально в их устройстве не участвуют, а лишь присутствуют на них в качестве гостей. В Бухарском оазисе, по сообщению А. Жумаева, семейно-родственные группы материально в семейных событиях теперь также не участвуют.

Что же касается пережиточных форм общины у народов региона, то проявление их выражается в том, что события жизненного цикла человека до сих пор у всех народов отмечаются всем селением или кварталом. Отдельные представители общины участвуют в переговорах о браке и организации свадебного торжества. Новым в этом обычае является приглашение на свадьбу производственных коллективов брачующихся, приглашение на «маслахат», «кенгаш» (совет по организации свадьбы) не только уважаемых в селении стариков, но и председателей колхоза, руководителей производства, т. е. при сохранении идеи причастности общества к такому важному событию, как создание семьи, состав коллектива организаторов празднества, его участников существенно меняется по сравнению с традиционным.

Интересна трансформация и таких пережиточных институтов, как возрастные объединения. В Таджикистане до сих пор сверстники (джура) хозяина, т. е. члены его возрастной группы, наравне с родственниками оказывают ему помощь при семейных торжествах и их организации и проведении. Джура отца девушки наравне с представителями каума приглашаются на «фотиха» (помолвку) — важный этап в брачных церемониях, происходящих в доме отца невесты.

Этнографические материалы 50-х годов свидетельствуют, что у узбеков возрастные группы жениха и невесты также несли определенные обязанности на свадьбе, участвуя в хозяйственных и обрядовых действиях [43].

Таково взаимодействие нового и традиционного в быту современной семьи народов Средней Азии и Казахстана на этапе вступления молодежи в брак.

[1] См.: *Сухарева О. А.* Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX—начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 44; и др.

[2] См.: *Кармышева Дж. Х.* Земледельческая обрядность у казахов // Там же. С. 51—52.

[3] См.: *Аргынбаев Х.* Семья и брак у казахов: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1975. С. 87; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 232, 234.

[4] *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975. С. 48 и др.

[5] «Лаган ёсаш» (букв. блюдо, украшенное яствами) — преподнесение блюда со сладостями и подарками; «олма отиш» — перебрасывание яблоками. См.: *Лобачева Н. П.* Свадебный обряд как историко-этнографический источник: (На примере хорезмских узбеков) // СЭ. 1981. № 2. С. 41, 48.

[6] См.: *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // Тр. Хорезмской археол.-этногр. экспедиции. М., 1952. Т. 1. С. 544; *Аргынбаев Х.* Указ. соч. С. 81; *Абрамзон С. М.* Указ. соч. С. 216, 217; *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 44.

[7] *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 263—265.

[8] *Сухарева О. А.* Традиция семейно-родственных браков народов Средней Азии // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 120 и сл.

[9] Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 219, табл. 47.

[10] *Моногарова Л. Ф.* Современная городская семья таджиков. Рукоп. 1986. С. 23—25, табл. 8 и 9.

[11] *Дробижева Л. М., Тульцева Л. А.* Свадебная обрядность в общественном мнении: (По материалам этносоциологических исследований у народов СССР) // СЭ. 1982. № 5. С. 35.

[12] *Ташбаева Т. Х.* Свадебная обрядность узбеков: Традиции и современность // Обществ. науки в Узбекистане. 1986. № 8. С. 21.

[13] См.: *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 40.

[14] *Дробижева Л. М., Тульцева Л. А.* Указ. соч. С. 36.

[15] *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 48.

[16] См.: *Снесарев Г. Н.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 7. С. 155—205; *Рахимов Р.* Традиционные мужские объединения и некоторые вопросы общественного быта таджиков (конец XIX—начало XX вв.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1977; и др.

[17] См.: *Симаков Г. Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX—начале XX в. Л., 1984. С. 170; *Сазонова М. В.* О женских возрастных группах в Южном Хорезме // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978. С. 12; *Андреев А.* Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. Вып. 1. С. 130.

[18] См.: *Лобачева Н. П.* Указ. соч. с. 48; *Она же.* Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 121.

[19] См.: *Абрамзон С. М.* Некоторые стороны быта киргизской молодежи (XIX—XX вв.) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. С. 110 и сл.

[20] *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 49.

[21] См.: *Лобачева Н. П.* К истории сложения института свадебной обрядности: (На примере свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. С. 144 и сл. (в этом же издании см. библиографию по истории вопроса).

[22] *Аргынбаев Х.* Семья и брак у казахов: Автореф. дис. . . .д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1975. С. 117—118.

[23] *Брук С. И.* Население мира: Этнодемогр. справ. М., 1986. С. 138.

[24] *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 40—41 и др.

[25] *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 129—130.

[26] *Каракеева С. И.* Современная киргизская городская семья. Фрунзе, 1981. С. 13—14. Данные по славянским народам см.: *Урланис В. Ц.* История одного поколения. М., 1968. С. 148, 153.

[27] *Каракеева С. И.* Указ. соч. С. 26.

[28] Материалы обследований казахских семей Х. Аргынбаева и А. Калышева.

[29] *Кауанова Х. А.* Образ жизни и быт рабочих семей: (На материалах Казахстана). Алма-Ата, 1982. С. 27—28.

[30] Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 98, 99.

[31] *Моногарова Л. Ф.* Современная городская семья таджиков. С. 13, табл. 3; С. 15, табл. 5а; С. 21, табл. 6; С. 22, табл. 7.

[32] *Калышев А.* Межнациональные браки в сельских районах Казахстана: (По материалам Павлодарской области, 1966—1979) // СЭ. 1984. С. 73; *Кауанова Х. А.* Указ. соч. С. 46—47, табл. 13; *Толстова Л. С.* Национально-смешанные браки у сельского населения Каракалпакской АССР // СЭ. 1985. № 3. С. 65.

[33] См.: *Кауанова Х. А.* Указ. соч. С. 29—30.

[34] Социально-культурный облик советских наций: (По результатам этносоциологического исследования). М., 1986. С. 154.

[35] *Салимов Т. У.* Современные этнические процессы в целинных районах Узбекистана: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1986. С. 15—16.

[36] *Атамуратов Т. Ж.* Народные традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1976. С. 15.

[37] *Кочкунов А. С.* Традиции и инновации в современной киргизской сельской семье // СЭ. 1985. № 5. С. 82.

[38] *Савуров М. Д.* Этнокультурные процессы в семьях дунган Ташкентской области // Обществ. науки в Узбекистане. 1984. № 3. С. 31—32; *Он же.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1986. С. 15.

[39] См.: *Аргынбаев Х.* Семья и брак у казахов. Алма-Ата, 1975. С. 117 и сл.

[40] *Аргынбаев Х., Калышев А.* Брак и свадебная обрядность казахов Семиречья. Рукоп. 1986.

[41] *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч.

[42] Устное сообщение А. С. Кочкунова.

[43] См.: *Лобачева Н. П.* Свадебный обряд. . .; *Она же.* Хивинская свадьба // Этнография Таджикистана: Сб. ст. Душанбе, 1985. С. 121. Это относится и к Бухарскому оазису (по сообщению А. Жумаева).

СЕМЬЯ

В XIX—начале XX в. в Средней Азии наряду с издавна распространенными здесь малыми семьями широко бытовала большая патриархальная семья в разных ее пережиточных формах. У таджиков и узбеков она нередко преобладала, особенно в отсталых, находившихся под протекторатом России Бухарском и Хивинском ханствах. Там устойчиво сохранялись феодальные и патриархально-феодальные отношения. Наиболее архаичные варианты большой семьи были близки к ее классической форме, они отлича-

лись основными признаками, свойственными, по определению Ф. Энгельса, большесемейной общине, восходящей ко времени разложения первобытно-общинного строя. Эта община «охватывает несколько поколений потомков общего отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним домом, сообща обрабатывают поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода» [1].

Просуществовавшие у таджиков до начала XX в. большие патриархальные семьи архаического облика изучались советскими этнографами еще в 30—40-е годы в горном Таджикистане: Дарвазе, Каратегине, в бассейне реки Хингоу; на Памире — в верховьях Пянджа, труднодоступных долинах горных рек Ванча, Язгулема [2]; в высокогорной долине реки Ягноб — притока Зеравшана и др.[3] Такие семьи, часто полигамные, состояли обычно из нескольких супружеских пар старшего поколения — стариков братьев (родных и двоюродных) с женами, их сыновей с женами, неженатых сыновей и незамужних дочерей, внуков — также частью женатых — и правнуков. Число членов подобных семей достигало нескольких десятков человек. До Октябрьской революции на Памире были зафиксированы семьи, даже превышающие 100 человек [4]. В пору этнографических исследований Н. А. Кислякова материальными памятниками нераздельного проживания больших патриархальных семей были сохранившиеся главным образом в восточной части горного Таджикистана — в Каратегине, Дарвазе и припамирских районах — «огромные дома весьма массивной постройки», в которых каждой супружеской паре отводилась часть помещения [5]. В Ягнобе большая семья жила в примыкающих друг к другу помещениях под одной крышей.

Основой существования больших семей, обычно зажиточных, было неразделенное хозяйство — общесемейное владение землей. Земля, как правило, обрабатывалась членами семьи, продажа отдельных участков и выделы женатых сыновей в больших семьях не практиковались. В народе о них говорили: «Огонь один был, хлеб один был, хозяйство одно было». Земля, урожай, рабочий скот, весь сельскохозяйственный инвентарь являлись коллективной собственностью семьи. Молочный скот, полученный от невесток в виде приданого, считался их личным имуществом («моли мирос»), но молочные продукты, шерсть от него поступали в общее пользование семьи, как и побочные заработки ее членов (от продажи продукции домашних промыслов и ремесел и др.).

Главу семьи называли «калонтари хона» (старейшина, старший в доме), он распоряжался семейной собственностью, власть его была деспотичной, все повиновались ему беспрекословно. Однако в наиболее отдаленных и замкнутых районах Бухарского ханства оставались отголоски древнего демократизма семейной общины — были случаи выборности старейшин из среды женатых братьев после смерти отца, существовали пережитки общесемейных советов [6].

У узбеков большие семьи бытовали повсеместно; много их сосредоточивалось в южных бекствах Бухарского ханства (нынешние Кашкадарьинская и Сурхандарьинская области Узбекистана) [7] и в Хивинском ханстве (нынешняя Хорезмская область). У южнохорезмских узбеков большие семьи детально изучила М. В. Сазонова, сочетавшая полевые исследования (фиксация жилища, расспросные данные) с работой над архивными документами (архив хивинских ханов XIX в.) [8]. Жилые дома — хаули — больших семей хорезмских узбеков были своеобразны, они имели облик крепостей с массивными глинобитными стенами, ложными зубцами на фасаде и ложными башенками; внутри располагались помещения для отдельных супружеских пар, для приема гостей, а также скотный двор, хозяйственные и другие постройки. По данным, собранным М. В. Сазоновой,

в больших семьях Хорезма хозяйство было целостным, личной собственности члены семьи не имели, даже калым, получаемый за выданную замуж девушку ее отцом, поступал в общие доходы.

Таким образом, по признаку высокой степени интеграции семейной собственности эти семьи, как и памирские, можно причислить к архаическим вариантам. Пища готовилась в общем котле, хлеб выпекали в общесемейном тандыре. Замкнутость, косность быта поддерживалась авторитарным строем семьи, подавлением воли и достоинства младших ее членов старшими, властью главы семьи [9].

От рассмотренного варианта большой семьи отличался другой, распространенный в экономически более развитых районах — не столько в отсталых вассальных ханствах, сколько в Туркестанском крае. Там после присоединения к России стали развиваться товарно-денежные отношения, проникали элементы капитализма, усилилась классовая дифференциация и получала все большее развитие частная собственность. В этих условиях быстрее разрушались социально-экономические устои больших патриархальных семей с их натуральным хозяйством. Была поколеблена и сама их основа — единство хозяйственной деятельности, общность семейной собственности и всех доходов. Начала практиковаться неполная отдача взрослыми членами семьи своих заработков в общий бюджет, особенно когда они работали вне семьи — на отходных промыслах, в торговле, батрачили в хозяйствах баев или нанимались рабочими на появившиеся в Туркестане в конце XIX—начале XX в. промышленные предприятия.

Вопреки традиции появились случаи выдела женатых сыновей при жизни отца (у узбеков и таджиков в больших патриархальных семьях такие выделы считались недопустимыми, «позорящими родителей»). Хотя эти выделы обычно были неполными (земля оставалась в общей семейной собственности и обрабатывалась по-прежнему совместно), выделившаяся малая семья тем не менее получала свою долю урожая, имела отдельное жилище, небольшое количество скота в личной собственности, утварь, в том числе котел (казан) для приготовления пищи, бывший своего рода символом самостоятельности семьи. Все вышесказанное определяло общую тенденцию разрушения большесемейных традиций. В большой семье становилось меньше брачных пар, представителей разных поколений, уменьшались и ее размеры. Именно к такой пережиточной большой патриархальной семье стало применяться в этнографии Средней Азии название «неразделенная семья». В этой форме с ее «урезанной», менее громоздкой структурой, но с сохранением нераздельности базы семейного хозяйства (земли) и многих патриархальных устоев в быту и внутрисемейных отношениях большая семья дожила до советского времени [10].

Все перечисленные особенности, свойственные переходному, пережиточному этапу существования этого типа семьи, дают основание многим авторам применять распространенный в этнографической литературе термин «неразделенная семья» и к современной сложной среднеазиатской семье, уже значительно модифицированной. Трансформация ее продолжается, теперь уже под воздействием не капиталистических, а социалистических политических, социально-экономических и культурных факторов [11].

Неразделенные семьи были и у полукочевников, сочетавших в своем хозяйстве земледелие со скотоводством (туркмены, каракалпаки, полукочевые группы узбеков и др.) [12]. Помимо традиции, это было обусловлено и хозяйственными интересами. При комплексном хозяйстве семья из двух и более брачных пар была экономически целесообразна, облегчая разделение труда: например, в «отцовской» неразделенной семье обычно старшая супружеская пара кочевала, выпасая скот на отгонных пастбищах

и заготовляя молочные продукты, а женатый сын со своей семьей обеспечивал уход за посевами. Продукция и доходы в том и другом случае поступали в общий семейный котел. Таким же образом распределяли труд в общем семейном хозяйстве женатые братья в «братской» неразделенной семье.

Малая семья в Средней Азии и Казахстане тоже имеет глубокие исторические корни. Существовавшее у некоторых исследователей мнение о том, что в земледельческих областях стран Востока малая семья — сравнительно недавнее явление, теперь опровергается историческими и археологическими данными. Исторические источники свидетельствуют, что в культурных центрах сасанидского Ирана, особенно в городах, уже в середине I тыс. н. э. большая семья стала вытесняться малой [13]. Есть исторические данные о том, что этот процесс происходил и в наиболее развитых центрах соседнего с Ираном Среднеазиатского междуречья. Накопилось немало археологических свидетельств существования в средневековье в оазисах Средней Азии малой семьи. Например, к такому выводу пришла Е. Е. Неразик, анализируя материалы своих раскопок хорезмского жилища XII—XIV вв. Наряду с явно большесемейными прототипами хорезмских хаули ею были обнаружены и другие усадьбы. Расположение в них построек и прилегающих к ним участков орошаемых земель, небольшие размеры домов и их планировка (очаги, помещения для продовольственных запасов семьи и др.) свидетельствуют о существовании «отпочковавшихся» от большой семьи индивидуальных малых семей, имевших свое имущество и долю воды для орошения поля, но, очевидно, тесно связанных с родственными патронимическими группами [14].

У кочевников-скотоводов региона малая семья была распространена шире, чем у земледельцев. В X—XII вв. в степях Средней Азии и Казахстана она уже преобладала [15]. Это было обусловлено давним переходом скота в частную (семейную) собственность, а также своеобразием хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов степей, пустынь и гор. Специфике этого хозяйства, организации сезонных перекочевок, кочевому образу жизни, устройству зимовок больше соответствовала малая семья.

Одно время считался дискуссионным вопрос о том, была ли вообще большая семья у кочевников, даже в отдаленные исторические времена? Это предположение оспаривал, в частности, С. М. Абрамзон. Он полагал, что зафиксированное этнографами множество пережитков большесемейного уклада у давно живущих малыми семьями казахов и киргизов убедительно свидетельствует о бытовании у их предков большесемейных общин [16]. Некоторые авторы, специалисты по проблемам кочевничества, утверждают, что подлинно кочевые общества, например общества бедуинов Аравии, туарегов Сахары, не знали и не знают семейной общины. Однако у тех же арабов, но полукочевников, особенно в состоятельных семьях, она широко засвидетельствована [17].

Исследователь истории семьи у казахов Х. Аргынбаев на основании анализа родословных и опроса по специальной анкете большого числа стариков—знатоков казахской старины — установил глубокую давность обычая выдела женатых сыновей и несомненное господство у казахов в XVII—XVIII вв. малой индивидуальной семьи. При этом Аргынбаев выявил у них и множество бытовых пережитков большой патриархальной семьи, например роль отцовского очага и отцовской юрты (улкен уй, кара шанрак), считавшихся священными и почитавшихся всеми членами семейно-родственных групп [18].

Вместе с тем неразделенные семьи все же бытовали у казахов и киргизов, особенно в районах, где они в XIX—начале XX в. наряду со скотоводством занимались земледелием и постепенно переходили к оседлому образу жизни [19]. У кочевников также широко практиковались неполные

выделы сыновей, например причитавшаяся в надел сыну вместе с другими видами скота доля лошадей обычно оставалась у отца, который не хотел распылять свои табуны (специфика содержания лошадей у кочевников требовала во все времена года табунного выпаса) [20]. Это ограничивало самостоятельность ведения хозяйства выделившимся сыном. Особенностью неразделенных семей у скотоводов-кочевников (а иногда и полукочевников) было обитание супружеских пар семьи не в общем доме, а в юртах, группировавшихся возле юрты главы семьи — деда или отца. У полукочевых групп (туркмен, каракалпаков и др.) жилищем служили и юрты и дом.

Очень важным обстоятельством для последующего развития семьи стало отношение к свободе выдела женатых сыновей. У казахов, киргизов и каракалпаков он был издавна узаконен обычным правом. Определялся даже обязательный состав надела (енши), в который, кроме разных видов скота, входила юрта для молодых (отау), приданое невестки и т. д. В районах же интенсивного поливного земледелия (у узбеков, таджиков и др.), как отмечалось выше, выделы сыновей до начала XX в. даже осуждались. Родители им всячески препятствовали. Выдел участка земли с оросительной сетью подрывал общесемейное хозяйство, нарушал севооборот и был настолько затруднителен, что именно эта специфика хозяйства, по мнению некоторых исследователей, обусловила распространение у названных народов близкородственных браков. Эти браки освобождали семью от необходимости выдела женатых сыновей и раздела земельного участка [21].

Начавшийся еще накануне Октябрьской революции процесс нуклеаризации среднеазиатской семьи в советский период получил новые стимулы и существенно усилился. Главными факторами этого процесса стала аграрная и социальная политика Советского государства. По земельно-водной реформе каждая трудовая семья была обеспечена участком орошаемой земли. В годы коллективизации были созданы условия для перехода к оседлости кочевавших хозяйств казахов, киргизов и других скотоводческих народов. Передача пахотных земель и пастбищ в социалистическое общественное хозяйство колхозов, вовлечение в общественное производство всех взрослых членов семей в корне изменили экономические основы жизни семейных коллективов.

Укреплению хозяйственной самостоятельности и росту материальной обеспеченности оседавших семей способствовало предоставление приусадебных участков каждой колхозной семье, помощь в постройке новых домов, в обзаведении личным скотом. Все это побуждало молодые семьи стремиться к выделу; число малых семей возрастало. В регионе начал изживаться консерватизм патриархально-феодальных форм семьи и появилась ведущая, общая для всей страны тенденция ее развития — процесс нуклеаризации, характерный для современного периода научно-технического прогресса и урбанизации.

В настоящее время показатели распространенности нуклеарных семей в республиках Средней Азии и в Казахстане близки к общесоюзным. По данным 1979 г., доля таких семей (из одной брачной пары с детьми и без детей) в среднем в СССР — 66,1 %, а в Узбекской ССР — 59,5, в Таджикской ССР — 59,7, в Туркменской ССР — 60,1, в Киргизии и Казахстане — свыше 60 % [22]. В городах нуклеарных семей лишь незначительно больше, чем в сельских местностях. В Узбекистане их доля среди горожан и сельских жителей почти одинакова (соответственно 59,5 и 59 %) [23]. Эти данные относятся ко всему населению республики, без дифференциации по национальностям, но примечательно, что в материалах этнографических исследований 80-х годов, относящихся к коренному населению, цифры мало отличаются от средних по республикам.

Так, в семи изучавшихся Л. Ф. Моногаровой городах Таджикистана, по данным ее опроса, оказалось городских семей этого типа от 50 до 78 %. Среди сельских семей в трех колхозных селах Узбекистана (в Ташкентской, Андижанской и Самаркандской областях) нуклеарных узбекских семей выявлено более 60 %. В 12 обследованных кишлаках Южного Таджикистана (Гиссарская и Вахшская долины, Кулябская область) — 56,7 % от общего числа таджикских семей. В Туркмении в древнем туркменистанском ауле Дурун, ныне крупном колхозном селе, также около 60 %. В трех изучавшихся этнографами селах Киргизии (Иссык-Кульская, Нарынская и Ошская области) — от 50 до 65 %; несколько меньше — в Каракалпакии, где в четырех обследованных колхозных селах их было выявлено от 40 до 49 % [24]. Такая общность тенденций развития семьи и выравнивание удельного веса нуклеарных семей с общесоюзными показателями имеют большое значение как одно из свидетельств становления общесоветского типа семьи у народов региона. Закономерность развития простой двухпоколенной семьи в городе и на селе, по мнению социологов, наиболее соответствует современному образу жизни народов СССР, хотя для Средней Азии это спорно.

Бытуют несколько подтипов малой семьи, некоторые из них выделены и демографами в переписях населения.

1. Брачная пара с не вступившими в брак детьми — типичная нуклеарная семья, наиболее массовая и «ведущая» в перспективе форма семьи.

2. Брачная пара без детей — обычно молодожены или пожилые супруги, взрослые дети которых обзавелись семьями и выделились, однако поддерживают связь с родительской семьей, в сельских условиях — иногда и хозяйственную (обработка приусадебного участка родителей-колхозников или пенсионеров и другая помощь). Бездетные супруги среднего возраста в Средней Азии редки, ориентация супругов на бездетную семью для коренного населения региона не характерна.

3. Неполная малая семья — из матерей или отцов с детьми. Удельный вес таких семей во всех республиках региона ниже общесоюзного (11,8 %) и тем более ниже, чем в республиках, занимающих первые места в стране по числу разводов, — Латвии (где число неполных семей — 14,9 %) и Эстонии (15,6 %). Меньше всего неполных семей в Таджикистане и Узбекистане (8,6 и 9,1 %), в Туркмении и Киргизии немного больше (9,8 и 10,3 %), в Казахстане их доля приближается к средней по СССР (11,3 %).

У горожан неполных семей значительно больше, чем у сельского населения (например, в Узбекистане соответственно 12,1 и 6,5, в Таджикистане — 12,7 и 5,6 %). Это различие связано с преобладанием в селах коренного населения, для которого неполные семьи не характерны [25]. По материалам этнографических исследований 80-х годов, у жителей обследованных сел доля неполных семей была в узбекских семьях 4—7 %, в таджикских — 6,5, в киргизских — около 10 % [26]. Как отмечают участники обследования, среди неполных семей преобладают состоящие из матери с детьми, их примерно четыре пятых. Большей частью это вдовы, которые в прошлом, по обычаю левирата, обязаны были оставаться в семье мужа. Обычное право узаконяло брак вдовы с братом или другим ближайшим родственником умершего мужа, и она вынуждена была подчиняться обычаю, так как в случае ухода (например, к своим родителям) ей приходилось расставаться с детьми. Дети считались безусловно принадлежащими семье мужа.

Советское законодательство освободило женщин от указанного патриархального обычая, как одного из видов принудительного брака, обеспечило вдовам возможность трудиться в общественном хозяйстве, иметь свой заработок и приусадебный участок, самостоятельно воспитывать детей,

быть главой своей семьи. Неполных семей из женщин с детьми, состоящих в разводе, мало. Некоторые авторы (Л. Ф. Моногарова и др.) относят также к неполным семьям зафиксированные в большинстве сел семьи дедов и бабушек с внуками, что связано иногда с практикующимся до сих пор обычаем усыновления внуков дедами [27], а в других случаях и простой родственной помощью старшего поколения многодетным семьям своих сыновей и дочерей: деды берут под свой присмотр и на воспитание одного или нескольких внуков, иногда временно. Нередко семья поселяет своих детей-подростков с престарелыми родителями, чтобы внуки оказывали повседневную помощь старикам в их хозяйстве. Среди неполных семей встречаются и осиротевшие дети во главе со старшим братом или сестрой.

4. Малая расширенная (по терминологии Я. С. Смирновой, усложненная) семья — из одной брачной пары с детьми и одного из родителей мужа или жены. Отнесение этих трехпоколенных семей к малым (простым) условно, их можно причислить и к неполным сложным однолинейным семьям, но обычно авторы ориентируются при классификации на то, что такая семья включает лишь одну супружескую пару и к тому же вдовый представитель старшего поколения по своему статусу большей частью зависим от сына — главного кормильца и фактического главы семьи. Генезис этой формы семьи у народов региона связан с широко распространенным в прошлом обычаем минората. По этому обычаю в обязанность младшему сыну, который не должен был выделяться из родительской семьи и наследовал ее жилище и имущество, вменялось содержание престарелых родителей и забота о них. Младший сын должен был хоронить стариков согласно традиционному ритуалу и справлять в соответствии с обычаем многочисленные поминки.

В настоящее время этот обычай отчасти изменился. Овдовевший родитель не обязательно живет в семье младшего сына (который нередко уезжает из села на учебу или работу в город), а у других взрослых детей, причем не только сыновей, но и дочерей, которые также берут на себя все заботы о родном человеке и выполняют все установленные обычаем обязанности. Эта форма трехпоколенной семьи (с одним из родителей) выделяется и демографами при анализе переписей населения. Доля таких семей, по данным официальной статистики, в среднем по СССР — 8,2 %, а по республикам региона — от 7,5 до 8 %.

Вместе с тем, по материалам полевых исследований, в среде коренных национальностей региона сельских семей с одним из родителей супругов значительно больше: например, у таджиков — около 16 %, у узбеков — 24,5, у каракалпаков — 23 % [28]. По более ранним данным этносоциологического обследования, проводившегося в Узбекистане Институтом этнографии АН СССР, в 33,5 % узбекских сельских семей, помимо супругов и их детей, живут родители мужа или жены [29]. Новым для Средней Азии явлением стало то, что теперь нередко в семье живет один из родителей жены, а не мужа. Это один из показателей изживания патриархальных устоев.

Помимо одного из родителей, в семьях с одной брачной парой часто живут и другие родственники старшего поколения, например неженатые братья отца или их вдовы с детьми, племянниками и т. д.

Что же представляют собой в современных условиях сложные, неразделенные семьи? Как уже отмечалось, их доля в семьях народов среднеазиатского региона наивысшая в стране. Это отражают и данные переписей населения, и полевые материалы. В среднем по СССР таких семей, соответствующих демографическому типу «из двух и более брачных пар, их детей и других родственников» всего 4,3 % (1979 г.), а в среднем по Узбекской ССР — 10,6 %, Таджикской ССР — 12,2 %, Туркменской — 9,9 %;

традиционно меньше по Киргизии — 6,2 % и по Казахстану — 4 %[30]. В городах их значительно меньше, чем у сельских жителей, например в Таджикистане у горожан — 7 %, в селах 15,8 %. Еще большая доля неразделенных семей выявляется при этносоциологических и этнографических полевых исследованиях в среде коренных национальностей. В числе сельских семей, учтенных этнографами в изучавшихся селах-стационарах, оказалось сложных семей у узбеков от 25 до 35 %, у таджиков — 21, у киргизов — 19,5, у каракалпаков — 20,5 %[31]. Массовое этносоциологическое обследование сельского населения Узбекистана выявило, что неразделенные семьи у узбеков на селе составляют треть всех семей, а в городе — около четверти[32].

По этим источникам, более всего сложных семей у узбеков; однако следует учесть, что проведенное в 80-е годы обследование у таджиков не охватило основной район бытования таких семей в прошлом — Памир. У памирских таджиков Горно-Бадахшанской автономной области обследование семей было проведено Л. Ф. Моногаровой в 1966—1967 гг. в трех колхозах: у ваханцев, шугнанцев и рушанцев. В те годы в кишлаках Вахана неразделенных семей оказалось 59,3 %, у колхозников Шугнана — 59,5, в рушанском колхозе — 19 %[33]. Более новых сведений по этим селениям нет. В настоящее время число таких семей, очевидно, сильно уменьшилось, однако показательно, что, по общим данным переписи 1979 г., в Горно-Бадахшанской АО среди сельского населения свыше 23 % семей очень велики — они состоят из 10 человек и более.

Некоторые авторы собрали сведения и о соотношении в современных сложных семьях их двух основных подтипов: отцовского (однолинейного) и братского (многолинейного). Как правило, преобладает первый. Так, в изучавшихся трех селах Киргизии из числа 453 учтенных сложных семей отцовских было 439 — около 97 %, а братских только 14 (3 %). В Южном Таджикистане из учтенных 311 сложных семей 267 (85,9 %) — отцовские, 40 (свыше 12 %) — братские, остальные сложные семьи состоят из других категорий родственников — прямых и боковых[34]. У памирских таджиков Горно-Бадахшанской АО в недавнем прошлом было много братских сложных семей: в обследованных Моногаровой кишлаках Вахана они преобладали над отцовскими, а в Шугнане и Рушане составляли около половины[35].

Население объясняет большую распространенность отцовских семей влиянием и авторитетом представителя старшего поколения, главы семьи — отца, обычно старающегося не допустить создания конфликтной ситуации; в братских же семьях якобы постоянно происходят конфликты как между самими братьями, так и особенно между их женами, что способствует распаду сложных семей. Вероятно, причины этого глубже и требуют еще изучения, однако факт более быстрого исчезновения в современных условиях братских сложных семей подтверждается.

Чтобы выяснить причины специфичной для региона распространенности неразделенных сложных семей, недостаточно указать на пережитки прошлого и традиции, ведь они не только сохраняются, но и возникают вновь, несмотря на коренные преобразования в социалистических республиках Средней Азии отсталой экономики и социальной структуры общества. Очевидно, большая семья, модифицируясь, адаптировалась в современных условиях. Причины ее стабильности объясняются, вероятно, материальными и социальными факторами. Задача выявления этих причин была поставлена перед участниками регионального этнографического исследования сельской семьи в 1980 г.[36]

Несомненно, одна из причин — это этническая традиция, другая — материальная заинтересованность и целесообразность. И наконец,

третья — недостатки в социально-бытовой сфере жизни села. О традиционности большой семьи было сказано много. Вторая причина также существенна. Для многодетных сельских семей народов Средней Азии особое значение имеют приусадебные участки, обеспечивающие сельскую семью традиционной в природных условиях региона пищей (овощи, бахчевые, фрукты, виноград и др.). Кроме того, реализация излишков продукции дает существенный дополнительный доход семейному коллективу. Поэтому семья женившегося сына заинтересована в объединении своего участка с участком родителей. Иногда таким образом объединяются и три участка (если в семье два женатых сына); часть земли используется под возделывание культур, необходимых для обеспечения питания семьи, а часть — под товарные культуры, предназначаемые для продажи на колхозных базарах в близлежащем городе (например, табак в Ошской области Киргизии, посадки лимона в Южном Таджикистане, цветы и т. д.).

Однако выделение двух участков одной семье, даже при наличии в ней двух брачных пар, законом не предусмотрено. Женившийся сын может получить землю только при условии выдела из отцовской семьи. Поэтому при сопоставлении данных похозяйственных книг сельсоветов с реальными семьями, состав которых изучался этнографами, во всех республиках выявилось расхождение сведений. Большинство сложных семей, согласно книгам, расчленены и показаны как простые, индивидуальные, что позволяет молодым семьям, получив из земельных фондов колхоза участки, затем неофициально объединиться с родителями для ведения общего семейного хозяйства. Практикующихся фиктивных выделов молодой семьи из семьи отца и других нарушений законодательства можно, очевидно, легко избежать путем узаконения семейной хозяйственной кооперации.

Предстоящие изменения в законодательстве в связи с перестройкой аграрно-промышленного комплекса, принятием нового колхозного устава, переходом колхозов и совхозов к хозрасчету, распространением арендного и семейного подряда и новых форм кооперации, вероятно, будут способствовать разрешению этой проблемы.

Третья причина, на значении которой особенно настаивают этнографы Узбекистана, — недостаток свободной орошенной земли в колхозных фондах у хозяйств, расположенных на ограниченной территории земледельческих оазисов и в настоящее время отличающихся наибольшей в стране плотностью населения. К ним относятся области Узбекской ССР, находящиеся в Ферганской долине, Ташкентская область и др. Там колхозы часто не могут обеспечить каждую молодую семью не только приусадебным участком, но и участком для постройки нового дома. В этих условиях молодожены остаются на больший или меньший срок в доме и хозяйстве родителей мужа. При слабой мобильности населения региона, известном факте приверженности его к сельской жизни и нежелании менять место жительства (например, переселяться в город или в неблагоустроенные районы нового освоения) такое объяснение существования части нынешних сложных семей представляется убедительным, хотя эта причина не повсеместна и действует главным образом в районах особо плотной заселенности.

Есть и еще одна причина, которая ассоциирует с дореволюционными особенностями хозяйственной жизни полукочевников. В республиках региона еще не утратило своего значения традиционное отгонно-пастбищное животноводство. Поэтому в животноводческих районах сохраняется целесообразность разделения как производственного, так и домашнего труда семьи. Взрослые члены неразделенной семьи (один из женатых сыновей или родители), занятые работой на животноводческих фермах колхоза или совхоза (чабаны, табунщики, верблюдоводы), на длительный

срок уходят со своими женами, иногда и детьми, на отгонные пастбища; другая часть семьи остается в селении и трудится в полеводческих бригадах, на строительстве, в сфере услуг и др., а также обрабатывает приусадебные участки семьи, обеспечивает уход за оставленными дома детьми. Неразделенные семьи с такой структурой производственной и семейной жизни зафиксированы в Самаркандской области у животноводов-узбеков (в прошлом — полукочевых), а также в Киргизии, Туркмении, Каракалпакии [37].

Помимо экономических факторов, имеет большое значение и социальный, связанный с преимуществами, которые создают семейный коллективизм в быту многочисленной семьи. Это взаимопомощь женщин в приготовлении пищи, стирке белья, выпечке хлеба (традиционных лепешек), участие старших детей во всех видах домашней работы, в уходе за множеством детей младшего возраста, а также возможность освободить от домашних обязанностей работающих женщин, женщин-общественниц и другие выгоды от жизни в большом семейном коллективе.

Однако, помимо хороших традиций семейного коллективизма, совместного труда и взаимопомощи, в нынешних неразделенных семьях сохраняются и консервативные бытовые традиции, унаследованные от устоев большой патриархальной семьи. В малых семьях они тоже живучи, но легче изживаются. К ним относятся пережитки замкнутости близкородственного семейного круга, сохранение многих черт патриархальности во внутрисемейных отношениях, бóльшее влияние на быт старинных шариатских установлений и, конечно же, в значительно большей мере проявляющаяся атмосфера авторитарности, моральной зависимости среднего и младшего поколений от главы семьи, в руках которого к тому же и сейчас порой сосредоточиваются основные доходы членов семьи.

Немало таких неразделенных таджикских семей, большей частью переселенных из отдаленных высокогорных кишлаков Дарваза и Припамирья, встретились Л. Ф. Моногаровой и И. Мухиддинову на землях нового освоения в селах Вахшской долины и Куляба [38]. Однако их все же меньшинство. В основном современные неразделенные семьи имеют совсем иной облик.

Известная своей тонкой наблюдательностью этнограф Е. М. Пещерева еще в 1950—1953 гг. при изучении таджикских колхозных семей в Северном Таджикистане отметила интересную черту новых неразделенных семей. «Встречаются даже сейчас семьи, — отмечала она, — где женатые сыновья не выделяются из общего хозяйства с отцом или имеющие свои семьи братья живут и хозяйствуют вместе, но смысл их совместного сожительства стал иным. Глубочайшие преобразования, происшедшие за годы существования Советской власти... не могли не отразиться на внутренней организации таких сложных семей. В результате ведение общего хозяйства в них приобрело скорее характер добровольной кооперации, где все взрослые члены семьи имеют право на известную долю зарабатываемых ими и вносимых в хозяйство средств, которые они могут тратить на свои личные нужды, по своему усмотрению. Вследствие этого и лицо, ведущее хозяйство, является теперь не единственным хозяином в доме, а своего рода семейным казначеем» [39].

Именно хозяйственная кооперация и взаимопомощь в семейном коллективе становятся основными стимулами существования многих современных семей, нередко социально неоднородных, включающих супружеские пары разных профессий, но объединенных взаимными интересами, совместным трудом в семейном хозяйстве и традиционно прочными семейными узами, не исключающими материальной независимости каждой малой семьи, которая живет в составе сложной.

Приведем для примера основные черты таких таджикских современных неразделенных (сложных) семей, изучавшихся в 70-х годах в Бухарской области Ф. Д. Люшкевич: там их было в те годы немало, жили они чаще всего в усадьбах старого бухарского типа, делившихся на внешнюю хозяйственную часть и внутреннюю — жилую, в последней каждая семейная ячейка имела свой дом, примыкающий к домам других братьев и родителей.

В составе семьи обычно, кроме пожилых родителей, насчитывалось две или три семьи женатых братьев с их детьми; общее число детей в семье бывало очень велико (15 и больше), и размеры ее достигали 20—25 человек. Во внутренней части усадьбы находилась общая зимняя кухня, хлебная печь — тандыр — для выпечки лепешек, летние очаги. Приусадебные участки объединялись. Утром и днем питались обычно в каждой семье отдельно, в зависимости от расписаний занятий школьников и времени обеденного перерыва взрослых, а вечером трапеза бывала общей, на ней обсуждались события и новости дня, семейные дела. Взрослые члены изучавшихся Ф. Д. Люшкевич семей имели разные профессии: рядовые колхозники, шоферы, ирригаторы, бухгалтеры, медицинские работники и др.

Источники семейного дохода соответственно были тоже различны; деньгами распоряжались братья сообща, хотя главой семьи являлся один из них, или их отец, или мать-вдова. Однако в бюджет семьи на общие нужды (продукты питания) братья выделяли лишь часть своей зарплаты, основная сумма оставалась в распоряжении каждой семьи, которая самостоятельно покупала себе одежду, предметы личного обихода и др. На общие расходы шли также денежные пособия, получаемые от государства многодетными матерями, и деньги, вырученные от продажи шелковичных коконов. Шелководством занимались женщины и старшие дети весной каждого года, на усадьбе имелись для этого специальные общие хозяйственные помещения. Когда возникала необходимость крупных затрат — на свадьбу, на капитальный ремонт (был, например, случай постройки семьей новой гостиной (мехманхона) с застекленной верандой, убранной дорогими коврами) или на приобретение предметов общего пользования (большого телевизора, смотреть который собиралась в гостиной вечером вся семья), из бюджета каждой малой семьи выделялись дополнительные взносы в общую кассу. Так же собирались деньги на лечение, на путевки в санатории, дома отдыха членам семьи [40].

Внутрисемейные отношения в сложных семьях будут освещены ниже. Важно, что их общий облик, экономическая база, социальный статус членов совершенно изменились в современных условиях, т. е. в процессе становления социалистического образа жизни, при сохранении национальной специфики быта.

Вопрос о дальнейших судьбах разных подтипов, переходных форм сложных семей в значительной степени предрешен. Видимо, семья типа «неразделенной», определяемая как последняя стадия большесемейной общины с ее патриархальными устоями, находится у народов региона на пути к изживанию. Уже бытует и постепенно заменяет ее сложная семья другого типа, возникающая в процессе регенерации — на основе малой семьи, в которой по разным конкретным причинам не произошел (или временно задерживается) выдел молодой пары. Очевидно, в перспективе сложные семьи в среднеазиатском регионе (как это произошло в европейской части страны) уступят место нуклеарной семье. Этому будут способствовать дальнейший рост урбанизации и культуры, сельское жилищное строительство, повышение доходов сельских жителей и их материального благосостояния, новые формы кооперирования, совершен-

ствование сферы бытовых услуг и другие экономические и социальные факторы, а также новые традиции.

Объединению малых семей вокруг родительской семьи скорее всего будут способствовать морально-нравственные факторы: тесное родственное единство, привязанность друг к другу и постоянная взаимопомощь — черты, которые отличают все народы региона и относятся к их лучшим семейным духовным традициям. Эти связи проявляются даже в условиях проживания родственных семей в разных населенных пунктах, разных селах и городах.

Ведущие социологи не отрицают возможности формирования в будущем «межсемейных коллективов». А. Г. Харчев одну из глав своего капитального труда «Брак и семья в СССР» посвятил проблеме будущего семьи. По его мнению, и при территориальном разделении супругов и их родителей «укрепление и обогащение нравственных связей между старшими и младшими супружескими семьями может привести к созданию устойчивых семейных групп, включающих по нескольку брачных пар, которые живут раздельно, но образуют коллектив с определенным минимумом своих внутренних интересов и традиций»[41]. Харчев полагал, что возникновение таких межсемейных объединений было бы явлением прогрессивным, положительно влияющим на воспитание детей, на рост помощи родственного коллектива при решении семейных дел. Глубоко изучавший современную узбекскую семью этнограф С. Мирхасилов в одной из работ утверждал, что подобные семейно-родственные отношения нового типа уже существуют у узбеков; при этом значительно расширяется и круг близких друзей, товарищей по работе, по учебе как узбекской, так и других национальностей[42].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 21. С. 62.

[2] *Кисляков Н. А.* Большая патриархальная семья у таджиков долины Ванджа // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936; *Он же.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиоболо // Тр. Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР. 1936. Т. 10. Несколько позднее большая семья изучалась в долине реки Язгулем. См.: *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1959. Т. 2. С. 58—62.

[3] *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.; Л., 1940. Т. 3, вып. 1.

[4] *Андреев М. С., Половцов А. А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук, 1911. Т. 1, вып. 9. С. 20—21.

[5] *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков: (По материалам конца XIX—начала XX в.). М.; Л., 1959. С. 32—33.

[6] Там же. С. 34—36; *Кисляков Н. А.* Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в. М.; Л., 1962. С. 154—156.

[7] *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки: (Ист.-этногр. очерк). Ташкент, 1964. С. 137—138; *Буриев А.* Большая семья у узбеков на рубеже XIX—XX вв.: (На этнографическом материале южных областей Узбекистана): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1985; *Борозна Н. Г.* К вопросу о формах семьи у полукочевых узбеков: (На материалах узбеков-дурменов) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 41—54; и др.

[8] *Сазонова М. В.* К этнографии узбеков Южного Хорезма // Тр. Хорезмской экспедиции. М., 1952. Т. 1. С. 301—310. (Далее: ТХЭ).

[9] Там же.

[10] Определение см.: *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955. С. 173—175; *Бикжанова М. А.* Семья в колхозах Узбекистана: (На материалах Наманганской области). Ташкент, 1959. С. 23—26; *Пещерева Е. М.* Колхозная семья // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954. С. 163; *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 103, 105—106; *Она же.* Структура современной городской семьи таджиков // СЭ. 1982. № 3. С. 13; и др.

[11] В этой связи представляет большой интерес предложение Я. С. Смирновой ввести в характеристики типов семьи помимо признаков, определяющих ее структуру (число брачных

пар и др.), также и показатели, связанные с другим критерием: степенью локального и хозяйственно-бытового единства, выраженные терминами: «неразделенная» и «полуразделенная» семья.

[12] См., например: *Васильева Г. П.* Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. Т. 1. С. 183—188; *Овезбердыев К.* Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX—начале XX в. // Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965; *Бекмуратова А. Т.* Быт и семья у каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970. С. 6—13; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа: (Ист.-этногр. исслед. на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. С. 303—305; и др.

[13] *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи. . . С. 14. Автор приводит результаты анализа М. М. Дьяконовым сасанидского судебника, содержащего статьи, касающиеся имущественного и семейного права, и полагает, что и в экономически развитых районах соседней с Ираном Средней Азии большая семья также стала в тот период постепенно уступать место малой.

[14] *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.): Из истории жилища и семьи: Археолого-этнографические очерки // ТХЭ. М., 1976. Т. 9. С. 205—234, 237—238; *Она же.* Поселения и жилище Хорезма как источник для исследования семьи в I—XIV вв. н. э. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 5—26.

[15] *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 212.

[16] *Абрамзон С. М.* К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // Крат. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1957. Вып. 28.

[17] *Першиц А. И. Хазанов А. М.* Община у кочевых скотоводов // Народы Азии и Африки. 1979. № 2. С. 52—53.

[18] *Аргынбаев Х.* Семья и брак у казахов: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1975. С. 23—26.

[19] См., например: *Джумагулов А.* Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960. С. 14—20.

[20] *Аргынбаев Х.* Указ. соч. С. 28—29.

[21] *Сухарева О. А.* Традиция семейно-родственных браков у народов Средней Азии // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 118—131.

[22] Численность и состав населения СССР. С. 252—283, табл. 51.

[23] Там же. С. 260.

[24] Материалы полевых исследований этнографов: Т. Ташбаевой и М. Савурова (АН УзССР); Л. Ф. Моногаровой (ИЭ АН СССР) и И. Мухиддинова (АН ТаджССР); А. Джикиева (АН ТуркмССР); А. Кочкунова (АН КиргССР); Х. Есбергенова (Каракалп. фил. АН УзССР). См. также: *Моногарова Л. Ф.* Современная городская семья таджиков. Рукоп. 1987. С. 29, табл. 13. (материалы представлены Институту этнографии АН СССР для использования в подготовляемом к печати коллективном труде «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана»).

[25] Численность и состав населения СССР. С. 252—283, табл. 51.

[26] По материалам этнографов, указанных в сноске 24.

[27] См., например: *Наумова О. Б.* Новое и традиционное в культуре современной казахской семьи // Полевые исследования Института этнографии, 1980—1981. М., 1984. С. 73—74.

[28] По материалам этнографов, указанных в сноске 24.

[29] *Мирхасилов С.* Социально-культурные изменения и их отражение в современной семье сельского населения Узбекистана // СЭ. 1979. № 1. С. 9.

[30] Численность и состав населения. С. 252—281, табл. 61.

[31] По материалам этнографов, указанных в сноске 24.

[32] *Мирхасилов С.* Указ. соч. С. 8.

[33] *Моногарова Л. Ф.* Изменение семейного уклада припамирских народностей за годы социалистического строительства. М., 1973. С. 11—12. См. также: Численность и состав населения. . . С. 250—251, табл. 50.

[34] Полевые материалы этнографов А. Кочкунова и Л. Ф. Моногаровой.

[35] *Моногарова Л. Ф.* Изменение семейного уклада. . . С. 11—12.

[36] Наиболее ценными для изучения этого вопроса были материалы и выводы Л. Ф. Моногаровой и А. Кочкунова. См., например: *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное в структуре киргизской сельской семьи: Рукоп. канд. дис. М., 1986. С. 73—77.

[37] См., например: Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 196.

[38] См. статью этих авторов, предоставленную для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи у народов Средней Азии и Казахстана» (рукопись).

[39] *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954. С. 163.

[40] Подробнее см.: *Люшкевич Ф. Д.* Новое в развитии современной семьи и внутрисемейных отношений у узбеков и таджиков Бухарского оазиса // Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980. С. 155—159.

[41] *Харчев Д. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979. 2-е изд. С. 358.

[42] *Мирхасилов С.* Указ. соч. С. 8.

СОСТАВ СЕМЬИ

Состав семьи народов Средней Азии и Казахстана имеет общие черты с составом семьи других народов страны, но у него есть и специфические региональные особенности. К ним относятся в первую очередь значительные размеры семьи и многодетность.

При среднем размере семьи в СССР (по данным 1979 г.) — 3,5 человека средний размер ее у узбеков-горожан — 5,8, у сельских жителей — 6,3; у таджиков соответственно — 6 и 6,8; у туркмен — 5,9 и 6,5; несколько меньше семья у киргизов (4,8 и 5,8) и казахов (5 и 5,7 человека) [1]. В отличие от других республик только в Средней Азии средний (по республике) размер семьи в период между переписями 1970 и 1979 гг. не уменьшился, а возрос как в городе, так и особенно в селе, где преобладают жители коренных национальностей. Например, у сельского населения Узбекистана он вырос с 5,8 до 6,2 человека, Таджикистана — с 6 до 6,6, Туркмении — с 6 до 6,5, Киргизии — с 5,1 до 5,3 человека. Многонациональный Казахстан имел такую же закономерность, как и вся страна, — средний размер семьи снизился [2].

Социологические и полевые этнографические исследования, проведенные во второй половине 70—80-х годов в моноэтнической среде региона, еще ярче отражают эту особенность семьи. Детализируя сведения официальной статистики, они дают возможность выявить различия размеров семьи тех или иных ее типов — простых и сложных — у разных социальных и территориальных групп населения. Во многих случаях эмпирический материал дает еще более высокие показатели размеров семей. По данным этносоциологического исследования Института этнографии АН СССР (1974—1976 гг.), для узбеков в сельских местностях наиболее типичен размер семьи 6—7 человек, но есть и семьи в 11—12 человек [3]. Социологами проблемной лаборатории народонаселения Ташкентского государственного университета в 1978 г. было проведено в Узбекистане выборочное обследование 1360 сельских семей путем сплошного опроса попавших в выборку кишлаков с однонациональным узбекским населением. Обследование установило, что средний размер узбекской сельской простой семьи 6,7 человека, сложной — 9,5 человека [4]. Материалы этнографической экспедиции Института истории АН Узбекской ССР, относящейся к 80-м годам, показали, что средний размер обследованных узбекских семей в колхозах Ташкентской области — 8 человек, в Андижанской — 6,3 человека. По данным Л. Ф. Моногаровой, в 12 таджикских кишлаках Южного Таджикистана, объектах стационарного исследования 80-х годов, основная часть таджикских семей включает 6—10 человек и более, но встречаются и семьи (обычно сложные) из 20—22 человек. Сведения этнографов Киргизии показывают, что в изучавшихся ими трех селах Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областей 66 % киргизских семей состоят из более чем 6 человек. В числе последних доля семей из 10 человек и более составляет 21 % [5].

Такие крупные семьи — региональная особенность народов Средней Азии. Она обусловлена не столько социально-экономическими факторами, имеющими общее значение для всего населения страны, сколько многими бытовыми традициями, сложившимися здесь на протяжении веков: относительно широкой распространенностью сложных семей, исключительной многодетностью, обычаем включения в семью многих боковых родственников, сохранением обычая усыновления внуков и других детей родственников и, наконец, общей традиционной приверженностью к жизни большими семейными коллективами. Устойчивость всего этого комплекса семейно-бытовых традиций зависит от таких решающих региональных

факторов, как сравнительно невысокий уровень урбанизации, преобладание населения, живущего в сельской местности, и хорошо известная в демографии сравнительно слабая его подвижность, низкий уровень миграции сельских жителей региона в города, в другие районы своих республик и за их пределы.

В современной семье у всех народов Средней Азии сохраняется традиционная многодетность. По этому признаку демографы выделяют республики региона в особую группу со сходным типом воспроизводства населения, который характеризуется высокой неконтролируемой рождаемостью [6]. Казахскую ССР относят к другой группе (общей с республиками Закавказья, Молдавии), поскольку для ее населения последнее время стало характерным значительное снижение рождаемости.

Многодетность — древняя традиция. Существует мнение, что еще в первобытном обществе возникло стремление к поддержанию высокой плодовитости (закономерная реакция на очень высокую смертность). Многодетность уже тогда была условием самого существования семьи, рода, племени, от численности которых зависела их безопасность и престиж в обществе [7]. При социально-экономической отсталости феодальной Средней Азии даже после ее присоединения к России во второй половине XIX в. не только у кочевого, но и у оседлого земледельческого населения все еще сохранялись патриархально-феодальные отношения; широта родственных связей и многочисленное потомство играли при этом большую роль и в значительной степени определяли общественное положение, авторитетность, влияние семьи, семейно-родственной и родо-племенной группы в общине и за ее пределами. Как и у других народов с патриархальными традициями, особенное значение придавалось сыну — наследнику, продолжателю рода и генеалогии семьи.

Значение у народов региона детей в семье и отношение к бездетности, которая осуждалась общественным мнением и родственной средой, отражены в фольклоре — в исторических эпосах, песнях, сказках, пословицах и поговорках. Бесплодие женщин часто служило причиной развода или вторичной женитьбы — полигиничного брака. О бедствиях бездетной узбечки дореволюционный автор писал так: «И религия, и народный ум видят в потомстве одну из ближайших наград за человеческие добродетели. По той же причине женщина неплодная, не родящая детей, на каждом шагу слышит нарекания и сетования мужа на отсутствие потомства. Название неплодной чуть не равносильно названию поганой» [8].

Исследователь реликтов древних домусульманских верований Г. П. Снесарев пишет, что представления и обряды, связанные с женским бесплодием, в Средней Азии были столь многочисленны и разнообразны, что как бы переросли в самостоятельную область верований и культов, пронизывая весь быт женщин. При изучении широко распространенного в Средней Азии почитания мазаров Снесарев убедился, что «большинство паломниц к могилам святых и другим объектам культа составляли бесплодные женщины» [9]. В прошлом очень высокая детская смертность поражала в первую очередь семьи бедняков. Большее, чем у бедняков, число детей в состоятельных семьях объяснялось также распространением среди них многоженства.

В условиях социалистического общества созданы предпосылки для реализации стремления народов региона к многодетности; отношение к детям как к одной из главных ценностей жизни сейчас отчетливо проявляется в Средней Азии у всех национальностей. Республики отличаются очень высокими показателями среднего числа детей моложе 18 лет в семье: по СССР этот показатель 4,1 (1979 г.). Ниже общесоюзного он в ряде республик, особенно в Латвии (3,7) и Эстонии (3,6). В Узбекистане же,

Туркмении и Таджикистане он максимальный (соответственно 6,1; 6,1; 6,3). В Киргизии (5,3) он приближается к показателям детности в Армении (5,3) и Азербайджане (5,7) [10]. Этнические показатели высокой рождаемости в регионе более отчетливы при сравнительном рассмотрении данных, относящихся собственно к народам, а не к общему населению республик. В 1979 г. число рожденных детей в возрасте 15 лет и старше на 1000 женщин по СССР в целом выразилось в цифре 1963; значительно ниже этого уровня показатель рожденных детей у русских женщин — 1773; меньше всего он у латышек — 1495. У женщин же среднеазиатского региона показатель рождаемости наивысший среди национальностей страны: у узбечек — 3293, туркменок — 3299, киргизок — 3363, казашек — 2587, таджичек — 3700 [11].

Как показала перепись 1979 г., доля женщин, имеющих 7 детей и более, в среднем по СССР составляет 4,3 % (у русских — всего 2,7 %, у латышей — 1,2 %), а у таджичек — 25 %, узбечек — 19,6, туркменок — 20,7, киргизок — 20,8, казашек — 16,5 % [12]. С этими данными переписи интересно сопоставить эмпирические материалы социологических и этнографических исследований, проведенных за последнее десятилетие в Средней Азии среди разных национальных и социальных групп коренного населения. Этносоциологические исследования экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории АН Узбекской ССР в 70-е годы в Узбекистане показали, что половина сельских узбекских семей имеют там 4 детей и более: в возрастной группе матерей 30—39 лет к средне- и многодетным матерям относятся 67,7 % узбечек, а в старшей возрастной группе (40—49 лет) — 80,5 %. Женщин, имеющих 3 детей, оказалось 12,6 %, 2 — 10,2 %, 1 — 8,3 % [13].

Этнограф А. С. Кочкунов, собирая материал по структуре современной киргизской семьи в селах трех областей республики (Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской), пришел к выводу, что большинство семей в них многодетны, причем в колхозах среднее число детей в семье (свыше 5) больше, чем в совхозе (4,1), расположенном в более урбанизированной и многонациональной Иссык-Кульской области. В совхозе «Оргочор» доля семей, имеющих 10 детей и более, всего 2,1 % (от общего числа опрошенных 463 семей), а в мононациональном, «чисто» киргизском колхозе «Джаны-Талап» их 7,9 % (от 542 семей), в колхозе «Россия» 6,5 % (от 1216 семей) [14]. Убедительны и результаты социологического опроса, выявляющие репродуктивные установки разных возрастных групп семей этих сел Киргизии: на вопрос о желаемом числе детей большинство респондентов в возрасте 20—24, 25—29, 30—39 лет ответили, что хотят иметь 6 детей, а у старшей группы респондентов — 40—49 лет — преобладает установка на 10 детей и более [15]. Таким образом, старшее поколение стремится к многодетности в семье решительнее, чем молодые супружеские пары с более высоким уровнем образования и большей занятостью в разных сферах трудовой деятельности и общественной жизни колхозов и совхоза.

Этнографические исследования 80-х годов в Таджикистане, Туркмении, Каракалпакии зафиксировали столь же высокий (наивысший в стране) уровень детности сельских семей [16].

В результате упомянутого выше социологического опроса сельского населения, организованного в 1978 г. проблемной лабораторией народонаселения Ташкентского государственного университета, выяснилось, что только 1,8 % опрошенных узбечек (в возрасте 18—47 лет) считали идеальным иметь 2—3 детей, 31 % высказались за 4—5 детей, 39,9 % — за 6—10 детей, около 27 % дали «прочие» ответы, преимущественно типа «чем больше, тем лучше» [17].

Многодетностью гордятся, дети всегда желанны. В наши дни широко бытует и часто приводится в беседах узбекская пословица: «Унта булса урни бошка», что в переводе на русский язык означает: «Если и десять — каждому будет место» (в смысле — «каждый дорог») [18]. Даже бедная семья считалась счастливой, если в ней было много детей. В современных условиях устойчивое сохранение многодетности не приходится объяснять одними лишь традициями народа, хотя они, безусловно, еще играют в этом главную роль. Например, большое значение имеют традиции раннего замужества, не утрачена престижность многодетных родителей в общественном мнении окружающей национальной среды, сохраняется, даже у работающих женщин, глубокая приверженность к сфере внутрисемейной жизни; продолжает сильно действовать нравственный фактор чадолюбия. Наряду с этим сегодня еще не полностью преодолено и психологическое влияние религиозных мусульманских представлений о бездетности как «наказании» женщине свыше, а многодетности как «награды» за ее добродетели.

В наши дни большое значение имеет социальная и демографическая политика партии и Советского государства, направленная на прочность семьи и поддержку высокой рождаемости, забота об улучшении положения женщины-матери, материальное и моральное поощрение многодетности.

В одном лишь Узбекистане свыше 2 млн многодетных матерей имеют почетное звание «Мать-героиня», награждены орденами «Материнская слава» и «Медалью материнства».

Между тем на современном этапе развития социалистического общества под воздействием таких мощных факторов, как урбанизация и научно-технический прогресс, определяющих социальное развитие, устойчивость установок на многодетность стала колебаться и в республиках Средней Азии. Начался процесс постепенного снижения в них рождаемости у городского населения, где она значительно ниже, чем у сельского, из-за меньшей доли там коренного населения, общения его с представителями других национальностей, большего, чем в селах, участия женщин-горожанок в общественном производстве, более высокого уровня их образования и культуры. В городах раньше, чем в сельской местности, стали применять средства контрацепции.

Демографы полагают, что население республик Средней Азии находится на грани перелома в своем отношении к многодетности. Под влиянием городского населения и в среде сельских жителей уже прослеживаются тенденции к ограничению рождаемости и ее планированию. Социологи ведут специальные исследования репродуктивного поведения коренного населения городов и сел региона [19]; эта проблема имеет большое значение в свете задач демографической политики.

Интересно одно из таких исследований, проведенное в 1983 г. социологом и этнографом Ш. Кадыровым (АН Туркменской ССР). Он опросил по специальной анкете 130 туркменок в возрасте до 35 лет, состоящих в браке и имеющих детей, — жительниц двух сел, расположенных недалеко от Ашхабада (на территории совхоза «Геокча» и колхоза «Совет Туркменистани»). Итоги опроса показали, что у этих женщин установка на желаемое число детей — не выше 7, что свидетельствует о сохранении пока стремления к многодетности. Но семьи с 10 детьми опрошенные (особенно более молодые женщины) считают чрезмерно многодетными. Оказалось, что отношение мужей к желаемому числу детей превосходит желания их жен: они желают иметь больше 7 детей. Руководитель исследования делает вывод, что у туркмен «инициатором внесения поправок в традиционное репродуктивное поведение является женщина» [20]. Особенно

важно, что только 12,6 % опрошенных женщин выразили негативное отношение к планированию рождаемости.

Существует много свидетельств появления тенденции к снижению рождаемости и отступлению от идеалов многодетности у всех народов региона. Это убедительный показатель проникновения в быт женщин инноваций, ослабления пережитков патриархальных и религиозных (мусульманских) представлений в мировоззрении и поведении туркменки. Тем не менее Ш. Кадыров делает существенную оговорку: эта тенденция может рассматриваться как прогрессивная «лишь в рамках перехода от многодетной к среднедетной семье», так как «в настоящем и ближайшем будущем многодетная семья выполняет демографически важную и прогрессивную роль — не позволяет в особо острой форме проявиться негативным последствиям широко распространившейся в стране малодетности» [21].

«Многодетная семья, характерная для Средней Азии, на современном этапе развития общества играет прогрессивную роль, обеспечивая общесоюзное воспроизводство рабочей силы», — пишет У. Таштемиров. Он отмечает такие положительные черты многодетной семьи, как укрепление семейного коллектива, создание возможностей для кооперации домашнего труда, для лучшего воспитания детей, передачи им трудовых традиций и позитивных морально-нравственных устоев, поскольку в воспитании участвуют не только старшие поколения, но и молодежь — старшие дети [22]. В то же время всех исследователей тревожат многие проблемы и трудности, вызываемые многодетностью семей: при современном недостаточном уровне развития детских учреждений и бытовых услуг женщины-матери часто не могут работать вне дома; в результате большое число молодых женщин становятся домохозяйками, а среди них немало имеющих специальное образование и определенные профессии. Это задерживает установление их социального равенства, способствует сохранению традиционных взглядов на общественную и семейную роль женщины, ограничивает возможности духовного роста. Как социологические, так и этнографические исследования показывают, что именно в женской среде матерей-домохозяек, особенно в сельских местностях, чаще всего сохраняются религиозные и бытовые предрассудки. В настоящее время принимаются меры во всех республиках региона для создания оптимальных условий, облегчающих женщине возможность сочетания материнства с участием в трудовой и общественной деятельности; согласно решениям XXVII съезда КПСС, получают развитие разнообразные формы трудовой занятости женщин, планируется шире применять для них надомный труд, скользящий график работы, неполный рабочий день, сокращенную неделю. В то же время все более настаивают на сокращении в регионе чрезмерной многодетности врачи. В прессе стали часто появляться статьи, призывающие «во всеуслышание сказать об обратной стороне медали многодетности» [23]; почти ежегодные роды вызывают быстрое изнашивание женского организма, нервное истощение, преждевременное старение, а также отрицательно влияют на здоровье детей, часто рождающихся слабыми, физически недоразвитыми. Рекомендуется увеличивать интервалы между родами по крайней мере до 2 лет.

Вопрос о родственном составе современной семьи отчасти уже был освещен в разделе о ее типологии. В частности, рассматривались семьи, включающие представителей старшего поколения — родителей главы семьи (сложные, неразделенные) или одного из родителей (малые расширенные или малые усложненные). Однако кроме групп родственников, связанных прямым родством, в семьях народов региона обычно много боковой родни. Это характерно как для всех подтипов сложных семей, так и для малых

(с одной брачной парой), в составе которых нередко бывают боковые родственники. Так, в малых семьях, кроме родителей и детей, часто живут младшие братья и сестры мужа, иногда вдовы его братьев или вдовые сестры с детьми, которые в прежние времена обязаны были, по обычаю левирата, оставаться в семьях своих умерших мужей, вступая в брак с братом покойного.

В городах часто живут в семье дети сельских родственников — учащиеся. Все эти группы боковых родственников есть и в сложных семьях, но там нередко бывают и «дополнительные» представители старшего поколения — братья деда, а иногда их дети (племянники деда); в составе младшего поколения семей (внуков) не всегда только родные братья и сестры, так как еще сохраняется древняя традиция усыновления дедом внуков. Почти во всех обследованных селениях среди детей в семье нередко живут их двоюродные братья или сестры. Патриархальный обычай усыновления или удочерения детей своих сородичей не изжит, он бытует в некоторых местностях у казахов, каракалпаков, киргизов и др. Семья отдает ребенка на воспитание деду, и он усыновляет мальчика. Иногда этот обычай получает новое содержание: усыновляют детей неродственников и даже других национальностей.

Так, в годы Великой Отечественной войны в Среднюю Азию эвакуировали из прифронтовой полосы осиротевших или потерявших родителей детей и многие семьи в Узбекистане и других республиках региона взяли на воспитание детей-сирот разных национальностей, заменив им родителей. Это гуманное патриотическое движение символизирует памятник на одной из площадей Ташкента, изображающий интернациональную семью кузнеца Ахмеда Шамахмудова, усыновившего 12 детей, эвакуированных из Украины, Донбасса и Белоруссии.

По наблюдениям этнографов в родственном составе современных сельских семей появился новый компонент — представители свойственников, родичей жены. Выше уже отмечалось, что сейчас стали нередкими случаи, когда в семье живет не мать мужа, а мать жены — теща (если у мужа нет родителей); в прошлом это бывало исключительно редко. А. Кочкунов отмечает, что, хотя значение родства по отцу у киргизов сохранилось, теперь почти такое же значение придают и родству по матери. Тесный контакт семьи с родичами жены он считает существенной инновацией в киргизском семейном быту. Женщина часто ездит к родителям, помогает материально своим братьям и сестрам, иногда в ее семью, а не в семью мужа отдают на воспитание детей. Ее родители также приезжают к ней в семью в гости, на отдых. Вопреки старому обычаю свойственники теперь входят в дела зятя, во взаимоотношения супругов, высказывают свои суждения при решении семейных вопросов [24].

Еще одну инновацию в родственном составе семей этнографы обнаружили, наблюдая изменение отношения к «примачеству». В прошлом случаи проживания зятя в семье родителей жены считались позорными для мужчины, противоречившими обычаю и были очень редки. И. Мухиддинову говорили в таджикских кишлаках, что зять жил в семье родителей жены в том случае, если у нее не было братьев, а в хозяйстве требовались рабочие руки; в примаки (тадж. «хонадомод») обычно шли молодые люди из малоимущих или многодетных семей, где было много сыновей и семья уже разорилась, расходуя средства на многочисленные свадьбы. Переходящий в семью будущего тестя жених мог тратить на свадьбу значительно меньше средств, так как он часто работал в хозяйстве тестя и до женитьбы, «отрабатывая» невесту (так называемый «брак отработкой»). В настоящее время переход зятя в семью жены стал обычным явлением у народов региона и не вызывает осуждения даже в «общественном мнении» старшего поко-

ления. Таких семей становится все больше в узбекских кишлаках, как пишут этнографы. По их наблюдениям, между тещей и зятем устанавливаются дружелюбные отношения; «такие семьи даже более благополучны, чем некоторые из тех, где вместе живут свекровь и невестка» [25]. Случаи примачества — проживания мужа в доме родителей жены — зафиксированы и киргизскими этнографами в изучаемых ими селах. Там же выявлены семьи, в которых живут младшие братья жены — свояки [26].

Особенности социально-экономического развития среднеазиатско-казахстанского региона обусловили и некоторую специфику социального состава семей. Выше уже отмечалась неравномерность уровня урбанизации на территории указанного региона, обусловленная историческими причинами (в том числе особой отсталостью некоторых районов, входивших до 1920 г. в Бухарское и Хивинское ханства), географическими и социальными факторами. За годы социалистического строительства произошли глубокие изменения в социальной структуре коренного населения региона, однако до сих пор еще в Средней Азии сельское население преобладает над городским и приверженность к сельской жизни и сельскохозяйственному труду остается отличительной чертой большинства коренных национальностей. Во многих областях Узбекской, Киргизской, Туркменской и Таджикской республик, весьма благоприятных для сельского хозяйства, доля горожан не превышает двух пятых населения [27].

Эти особенности урбанизации сказываются на распределении занятого населения республик региона по общественным группам. Средние показатели соотношения этих групп в СССР (1979 г.) следующие: рабочие — 60 %, служащие — 28,9, колхозники — 11 %. Республики региона отличаются значительно большей долей колхозников, несмотря на то что за период между переписями 1970 и 1979 гг. их процент сильно снизился, в 1979 г. их доля была: в Узбекской ССР — 22,8 %, в Таджикской — 25,6, Туркменской — 31,8 %. В Казахстане доля рабочих выше общесоюзной — 65,5 %, а колхозников значительно ниже — 4,7 % [28]. Соответствующие данные о социальном составе семей также имеются в официальной статистике. Однако нельзя не согласиться с исследователями, полагающими, что деление современных семей на семьи рабочих, служащих и колхозников с учетом социальной принадлежности лишь главы семьи условно, в большинстве случаев оно не отражает их действительной структуры и динамики развития [29].

Важнейшее значение для изучения этого процесса имеют сведения о росте социальной неоднородности семей. Повышение доли таких семей происходит во всех республиках региона и становится все более эффективным фактором, влияющим на проникновение в быт семьи инноваций, на расширение круга ее общения, культурных интересов. Особенно благотворно влияет на внедрение в жизнь семьи новых норм быта и поведения, новых взглядов молодежь — учащиеся, студенты, представители интеллигенции, молодые специалисты. По данным статистики, республики Средней Азии не отстают от других республик СССР в росте семей, члены которых принадлежат к разным общественным группам; их доля здесь очень велика как в городе, так и на селе. В целом по СССР у всего городского и сельского населения она выражается в 33,4 %; близка к этой величине в Казахстане — 32,6 % и Киргизии — 34,6, в Узбекистане — 40,2, в Таджикистане — 38,7, Туркмении — 37,6 % [30]. Как и большинство материалов переписей, эти цифры относятся ко всему населению республик. Поэтому очень ценны материалы этнографических исследований 80-х годов, проведенных в республиках в национальной среде.

Они выявили разнообразное сочетание социальных групп и профессий в составе членов семей, у занятых в общественном труде взрослых мужчин

и женщин. Сегодня в среднеазиатском селе много квалифицированных специалистов различных профессий, преимущественно со средним и средним специальным образованием. Это имеющие профессиональную подготовку и опыт бригадиры хлопководческих, овощеводческих и других бригад, животноводческих ферм, агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи, инженеры, электрики, экономисты и др. Среди сельских профессий особенно выросла роль трактористов, комбайнеров, механиков, водителей автомашин и др., они становятся главной силой на селе в связи с индустриализацией сельского хозяйства республик региона. Сейчас механизация внедряется почти во все процессы производства в хлопководстве, свекловодстве, возрастает роль механизаторов и в животноводстве — заготовке кормов и др.

В 1985 г. по числу механизаторов (387,5 тыс.) Казахская ССР была на третьем месте после РСФСР и Украины, Узбекская ССР — на четвертом (255,8 тыс.) [31]. Среди рабочих колхозов и совхозов сохраняют также ведущее значение традиционные профессии хлопкоробов, чабанов, поливальщиков, доярок, виноградарей и др., совмещающих теперь многовековой трудовой опыт, унаследованный от своих предков, со знанием основ агрономии и зоотехники. Создаются благоприятные условия для роста гетерогенности членов сельских семей. Полевые этнографические материалы подтверждают это.

В изучавшемся Л. Моногаровой и И. Мухиддиновым колхозе «Рохи Ленин» (Вахшская долина) из 145 семей 84 (67 %) социально-смешанные. В кишлаке Тугарак (Кулябская область) их более 50 %. Все обследованные в Южном Таджикистане сельские сложные семьи, включающие несколько пар работающих мужчин и женщин и молодежь старших возрастов, оказались социально-смешанными [32]. В киргизских селах, обследованных этнографами, до 25 % социально неоднородных семей, причем их меньше в высокогорных селах Нарынской области (19,6 % в колхозе «Джаны-Талап») и больше в урбанизированной Ошской области (24,5 % в колхозе «Россия») [33]. Приводятся конкретные случаи, такие, например, как семья А. Мырзакметова (1900 г. рожд.) в колхозе «Россия». Сам он и его жена — пенсионеры, в прошлом колхозники; один из сыновей — рабочий, два других — шоферы районной автобазы в районном центре Наукат, снохи — колхозницы, остальные дети и внуки — школьники и дошкольного возраста. Другой пример — киргизская семья рабочего Ж. Тынаева (1935 г. рожд.). Он и его жена работают в совхозе чабанами; один из сыновей — студент педагогического института в г. Пржевальске, второй работает строителем, остальные семеро детей — ученики. В колхозе «Джаны-Талап» в семье К. Кожомолова (1932 г. рожд.) сам он и жена — чабаны-колхозники, женатый сын — шофер, сноха — воспитательница колхозного детского сада, остальные дети — школьники [34]. Множество подобных примеров содержится и в полевых материалах по Таджикистану и другим республикам региона.

Социальной неоднородности состава сельских семей способствует наблюдающаяся в современных селах маятниковая миграция глав семей и взрослых членов, выезжающих на работу в близлежащие города и поселки. Этот вопрос изучался таджикскими этнографами, которые отмечают как особенность сел Южного Таджикистана большое число маятниковых мигрантов, работающих водителями автомашин, что связано с малой ролью железных дорог и исключительным значением автомобильного транспорта в этом горном крае. В киргизском животноводческом совхозе «Оргочор» среди жителей села 45 человек шоферы, строители, медработники, бухгалтеры, зоотехники, продавцы и др. — выезжают на службу в областной центр г. Пржевальск, в районный центр село По-

кровка, в крупное соседнее русское село Светлая Поляна и др., а также в санатории курортной зоны Прииссыккулья. Этому способствует регулярное автобусное движение по окружающему озеро шоссе. В киргизском колхозе «Россия» Ошской области 143 маятниковых мигранта, из них 85 работают на угольном разрезе Алмалык в 15 км от центральной усадьбы шахтерами, машинистами-операторами, рабочими. Остальные (свыше 50 человек) ездят автобусами в райцентр Наукат, находящийся в 4 км от села, и там работают шоферами, строителями, служащими и др., возвращаясь домой в колхоз, где живут и трудятся их семьи [35].

Маятниковая миграция — прогрессивное явление, хотя она и незначительна, но отчасти восполняет очень низкую миграционную мобильность местного сельского населения, ставшую одной из этнодемографических особенностей региона: она в значительной степени зависит от устойчивого сохранения семейно-родственных связей, привязанности к родителям, к привычной социальной микросреде, традиционной бытовой обстановке. Этносоциологическое исследование Института этнографии АН СССР показало, что на это влияет и исторически сложившаяся ориентация на сельскохозяйственный труд. При выборочном опросе населения Узбекистана только 5 % представителей узбекской национальности высказали пожелание переехать в город [36]. По данным статистики, среди сельского населения лиц, проживающих в месте своего постоянного жительства с рождения, в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении от 81 до 86 % (в РСФСР — 58 %, в Эстонской ССР — 40,5 %) [37]. Разумеется, помимо традиций, существуют и объективные социальные причины слабой подвижности сельского населения региона, в частности миграции его в города: городские условия малоприспособлены для жизни многодетных семей (тесные квартиры, отсутствие личных приусадебных хозяйств, облегчающих снабжение семьи продуктами питания и др.).

Вместе с тем в жизнь кишлаков и аулов проникают городские нормы быта, что подрывает многие отживающие устои и облегчает прежде всего трудную адаптацию в городской среде. Этот процесс уже дает реальные результаты. Если в 1970 г., по свидетельству социологов и демографов, наиболее высокие показатели миграционной подвижности были характерны для русских, белорусов и народов Прибалтийских республик, то ныне в эту группу вошли также казахи и киргизы. Наиболее низкая интенсивность территориальных перемещений пока сохраняется (наряду с грузинами и азербайджанцами) у туркмен, узбеков и таджиков. По прогнозам демографов и у этих национальностей интенсивность миграций в ближайшие годы будет возрастать [38].

Один из главных факторов, способствующих социальному и культурному развитию семьи, — образование. Примечательно, что за последние годы уровень образования населения союзных республик все более выравнивается; это относится и к населению республик средреазиатско-казахстанского региона. Особенно высокие показатели роста образованности здесь у населения, занятого в народном хозяйстве: в Узбекистане, Туркмении, Казахстане они даже превышают общесоюзные. Так, в 1982 г. на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве и имеющих высшее и среднее образование, было в СССР в целом 846 человек, в Узбекской ССР 888, в Казахской ССР 848, в Туркменской ССР 867, в Киргизской ССР на равном уровне с общесоюзным — 846 человек и лишь в Таджикской ССР ниже этого уровня — 817 [39]. Подсчитано, что если в целом по СССР за период с 1939 по 1981 г. доля лиц с высшим и средним образованием (полным и неполным) среди работающих выросла в 7 раз, то в Таджикистане и Узбекистане — в 15 раз, в Туркмении — в 11 раз. У женщин в республиках Средней Азии за сорокалетие (1939—1979 гг.) число

имеющих высшее образование увеличилось в 50 раз, а имеющих среднее образование — в 33 раза [40]. Эти цифры говорят о многом: в них отражен и крайне низкий исходный уровень — массовая неграмотность и малограмотность населения региона к началу культурной революции, и невиданные в истории темпы преодоления унаследованной от прошлого культурной отсталости.

Однако при детальном рассмотрении охвата населения образованием выявляются некоторые различия не только по республикам, но и по социальным и возрастным группам коренного населения. Так, в городах больше, чем в селах, доля лиц с высшим образованием, а в селах больше, чем среди горожан, людей с начальным образованием, есть и малограмотные. Значительные различия в уровне образования мужчин и женщин, а также людей разных поколений показывают исследования социологов и этнографов. Например, выборочное обследование узбекских сельских семей, проведенное Ташкентским университетом, выявило следующую ситуацию в изучавшихся узбекских кишлаках (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования мужчин и женщин, % к опрошенным [41]

Образование	Мужчины	Женщины	Образование	Мужчины	Женщины
Высшее	13,5	3,3	Неполное среднее	14,8	19,4
Среднее специальное	10,8	2,3	Начальное	11,4	16,5
Среднее общее	35,0	40,4	Ниже начального	14,5	18,1

При явном отставании женщин от мужчин в области высшего и среднего специального образования доля их в числе имеющих среднее общее (полное и неполное) образование значительно выше, чем у мужчин, но, к сожалению, она высока еще и в группах, имеющих лишь начальное образование, и малограмотных. Участники этого же обследования обнаружили существенную разницу состояния образования в разных возрастах, особенно заметную в сложных семьях, где очень велик разрыв уровней образования у брачных пар старшего и младшего поколений: в изученных ими нуклеарных семьях сыновей, имеющих высшее образование, оказалось в 2,2 раза больше, чем отцов, а в сложных — в 6,3 раза [42].

Исследования состояния образования в киргизских сельских семьях провели и этнографы АН Киргизской ССР в изучаемых ими трех селах-стационарах; при сводке данных опроса члены семей были ими разделены на возрастные группы: старшее поколение (1905 г. рожд. и старше; 1906—1915 гг. рожд.); среднее поколение (1916—1935 гг. рожд.); молодое поколение (1936—1950 гг. рожд.) и младшее (1951 г. и моложе). В поколении 1905 г. рожд. и старше оказалось очень много неграмотных (до 60—80% у мужчин и 90—100% у женщин); в следующей группе — 1906—1915 гг. рожд. число неграмотных резко падает за счет роста доли малограмотных и имеющих начальное образование; в следующей возрастной группе — у родившихся в 1916—1935 гг. — во всех трех хозяйствах уже преобладают члены семей, имеющие неполное и полное общее среднее образование (среди мужчин — 48—64%, среди женщин — от 32 до 56%), и появляется прослойка — около 10% (в основном среди мужчин) — людей со средним специальным и высшим образованием. В возрастных группах 1936—1950 гг. рожд. и после 1950 г. неграмотные совсем отсутствуют, все имеют неполное и полное общее среднее образование,

при этом выросло число имеющих высшее образование (15—20 % у мужчин, от 6 до 26 % у женщин). Однако значительно меньший процент молодежи имеет среднее специальное образование (8—9 %).

При исследовании причин этого выяснилось, что среди учащихся профтехучилищ очень мала доля девушек. Родители объясняли это тем, что техническое образование важнее для мужчин, а для своих дочерей они предпочитают специализацию после окончания школы в вузах в области гуманитарных профессий или в профтехучилищах, готовящих швей-мотористок, поваров, специалистов по народному прикладному искусству. Так родители в семьях и ориентируют своих дочерей при выборе профессии [43]. В то же время уже совершенно исчезло наблюдавшееся еще в 50-х годах нежелание родителей обеспечивать девушкам возможность получить высшее образование: тогда нередко им не разрешали даже кончить школу, забирая из старших классов и торопясь выдать замуж. О глубине происшедших в этом перемен говорят многие конкретные примеры семей. Например, Т. Баялиева, изучавшая культурную жизнь киргизских сел, сообщает о киргизской семье одного из работников совхоза «Оргочор», имеющего 9 детей; четверо из них — школьники, а из пяти старших одна дочь закончила во Фрунзе педагогический институт и заведует районным отделом культуры; вторая училась в Пржевальске в педагогическом институте и работает учительницей в Оше; третья закончила во Фрунзе медицинское училище и получила профессию медсестры; четвертая учится на экономическом факультете сельскохозяйственного института; там же заочно учится и сын [44]. Таких образованных детей воспитывают теперь в большинстве семей региона. Примером может служить и изучавшаяся С. Мирхасиловым узбекская семья Ходжаевых, колхозников колхоза им. Муминова в Бухарской области. В ней было 11 детей, из них две старшие дочери и два сына — педагоги с высшим образованием, еще четыре сына — врач, геолог, фармацевт и экономист; две младшие дочери и сын были студентами Ташкентского государственного университета [45].

Таким образом, глубокие изменения в уровне образования у народов региона очевидны, хотя у сельского населения довольно слабо выражена тяга к техническому образованию. Между тем современный уровень индустриализации и интенсификации сельского хозяйства, создание крупных агропромышленных объединений требуют усилить подготовку кадров механизаторов, квалифицированных инженеров и других специалистов этого профиля. Для привлечения большего числа девушек к получению специального среднего образования, видимо, необходимо расширять в сельских местностях сеть ПТУ, готовящих средний медицинский персонал, работников бытовых услуг, мастериц народных художественных промыслов и др.

В начале главы был показан этнический состав населения союзных республик региона Средней Азии, убеждающий в том, что при преобладании основных национальностей каждой республики все они многонациональны. Не только в городах, но и во многих сельских местностях происходят постоянные межнациональные контакты в сфере производства — в трудовых коллективах, в учебных заведениях среди учащихся и в семейно-бытовой сфере при взаимоотношениях с соседями, знакомыми, друзьями.

В этих условиях в регионе все чаще заключаются межнациональные браки. Более всего их среди горожан; в городах обстановка более благоприятна для межнационального общения. Кроме того, городское население мозаичнее по этническому составу — круг общения с другими национальностями у горожан шире, многообразнее, чем на селе. Город-

ская среда облегчает адаптацию к нормам культуры и быта других народов. В противоположность городскому сельское население живет и трудится в основном в кругу лиц своей национальности и поэтому больше считается с мнениями, взглядами этой микросреды, с оценками ею своего поведения [46]. Горожане свободнее от такого общественного мнения; межнациональные отношения у них не так скованы предубеждениями и предрассудками, и связи устанавливаются легче и прочнее как в трудовых коллективах, так и в непроизводственной среде, при проведении досуга в культурных, спортивных учреждениях и др. Об этом свидетельствуют и данные статистики о национально-смешанных браках.

Они убедительно показывают, что рост числа национально-смешанных браков происходит главным образом в среде горожан [47]; особенно много их в молодых городах. По данным социологических исследований, проведенных в новых промышленных городах и в районах нового освоения целинных земель в Узбекской ССР, из зарегистрированных в течение одного года браков каждый третий был межнациональный [48]. У сельского населения Узбекистана за время с 1959 по 1979 г. процент таких браков не изменился, мало вырос он в Таджикистане и Туркмении, значительнее всего в многонациональном Казахстане и в Киргизии; обе последние республики по доле национально-гетерогенных браков в городах опередили общесоюзные показатели [49], а Казахстан и в сельской местности занимает одно из первых мест в стране.

Исследования этнографов, проводившиеся в 70—80-е годы, дают такую же пеструю картину; у жителей сел заключение межнациональных браков зависит от множества условий, в первую очередь от этнического окружения. По материалам Л. Ф. Моногаровой и И. Мухиддинова, из 12 обследованных таджикских кишлаков в пяти моноэтнических не оказалось национально-смешанных семей, в остальных семи их учтено 48, более всего в крупных многонациональных кишлаках Тангаи (24) и Тугарак (11). Это преимущественно узбекско-таджикские семьи, что естественно для географического расположения этих кишлаков (Гиссарская долина и Кулябская область) в зоне исторически сложившегося стыка узбекского и таджикского населения. Кроме того, и здесь, и в пяти других селах встречаются семьи таджикско-русские и единичные: таджикско-татарская, таджикско-армянская, таджикско-мордовская, таджикско-немецкая и др.[50]

В трех селах-стационарах Киргизии в одном высокогорном колхозном селении Джаны-Талап, где 96 % населения киргизы, а инонациональные жители преимущественно приезжие (строители, рабочие механизированной колонны, строители ирригационных сооружений и др.), не было обнаружено национально-смешанных семей. В колхозе «Россия» Ошской области, расположенной в непосредственном соседстве с Узбекистаном, оказалось 6 смешанных семей (5 киргизско-узбекских и 1 узбекско-киргизская). В совхозном селе Оргочор сосредоточены 37 смешанных семей, в которых один из супругов — киргизской национальности. Интересно сочетание в них киргизов и других национальностей, отражающее в известной мере неоднородность этнического состава как этого совхоза, так и всей Иссык-Кульской области. Из 37 семей 16 казахско-киргизские и киргизско-казахские, в четырех — супруги узбеки и киргизы, среди остальных — один из супругов киргизской национальности, другой (или другая) дунганской, корейской, калмыцкой, татарской, карачаевской и других национальностей. А. С. Кочкунов, анализируя эти сведения, пишет, что они подтверждают установленную для всего региона закономерность — предпочтительность заключения смешанных браков с представителями местного коренного населения, родственного по происхождению, языку,

а также бытовому укладу и обычаям, связанных в прошлом с их религиозной общностью (мусульманством). В браках с представителями европейских и кавказских народов также обычно выбор падает на партнеров, близких по языку, бытовым устоям и традициям (например, татары, карачаевцы) [51]. Но в городах эта предпочтительность менее заметна, там немало браков с русскими и другими нетюркоязычными жителями, широко развито национально-русское двуязычие.

Динамику межнациональных браков можно рассматривать в нескольких аспектах. Очевидно, в этом регионе смешанные браки не влияют на этнические процессы ассимилятивного типа (доля их в общем слишком невелика для этого). Однако значение их в идеологическом аспекте как одной из форм сближения наций и интернационализации их социальной жизни, мировоззрения трудно переоценить. В связи с этим очень интересны данные опросов населения об отношении к межнациональным бракам. Этносоциологический опрос Института этнографии АН СССР в Узбекистане показал, что число лиц, относящихся к таким бракам отрицательно, значительно меньше, чем имеющих к ним благоприятное отношение. Вместе с тем около 20 % опрошенных считают, что при этом необходимо сохранять уважение к национальным традициям каждого супруга. При опросе жителей кишлаков Южного Таджикистана (746 человек) больше половины респондентов (54 %) ответили, что относятся к таким бракам положительно или что национальность не имеет значения, если супруги любят и уважают друг друга. Таким образом, у них отношение к смешанным бракам лишено предубеждений. 11 % опрошенных признали, что национальность не играет роли в семейной жизни при условии, если супруг другой национальности придерживается «наших» (таджикских) обычаев; 35 % считают национально-смешанные браки нежелательными [52]. Таким образом, массовые опросы выявили прогрессивные тенденции в установках народов Средней Азии на национально-смешанные браки, в прошлом считавшиеся недопустимыми, — им препятствовал адат, против них выступало мусульманское духовенство [53]. Даже при незначительном числе таких браков (как, например, в Таджикистане) преобладание установок на их допустимость и в целом благожелательное к ним отношение — показатель проникших в идеологию и духовную жизнь народов Средней Азии традиций социалистического интернационализма.

Следует подчеркнуть, что установку на межнациональные браки нельзя отождествлять с установкой на интернациональные связи вообще — при негативном отношении к таким бракам у тех же людей часто устанавливаются самые лучшие дружеские связи с представителями других национальностей на производстве, учебе и т. д. Этносоциологические исследования в Узбекистане показали, что на селе от 80 до 90 % людей с образованием выше 7 классов считают, что национальность не имеет значения при деловом общении (если знают языки друг друга), а среди опрошенных с образованием до 4 классов (преимущественно старшее поколение) согласно с этим мнением 60—70% [54].

При анкетном опросе, проведенном Л. Ф. Моногаровой в 1982 г. в кишлаках Южного Таджикистана, на вопрос: есть ли среди друзей мужа лица другой национальности, ответили утвердительно 69,5 % опрошенных, а среди друзей жены — более 40 %. Разница в числе друзей другой национальности у мужа и жены объясняется меньшей занятостью женщин в общественном производстве и меньшей долей их участия в маятниковой миграции [55]. Таким образом, можно сделать вывод, что малая доля смешанных браков еще не доказательство национальной замкнутости.

[1] Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. С. 298—317, табл. 52.
[2] Там же. С. 222—227, табл. 49.
[3] *Мирхасилов С.* Современная семья сельского населения Узбекистана // Обществ. науки Узбекистана. 1977. № 4. С. 39.
[4] *Катанов И., Каштаненкова И.* Семейно-брачные отношения // Население Средней Азии. М., 1985.
[5] *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное в структуре киргизской сельской семьи: Дис. ... канд. ист. наук. С. 190, табл. 8.
[6] *Гришаев И. А.* Современная этнодемографическая ситуация в республиках Средней Азии и Казахстана. Статья, представленная для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана» (рукопись).
[7] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969. С. 140—141.
[8] *Наливкин В., Наливкина И.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 168.
[9] *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 245.
[10] Численность и состав населения... С. 354, табл. 54.
[11] Там же. С. 358, табл. 58.
[12] Там же.
[13] Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа. Фрунзе, 1983. С. 541; *Мирхасилов С.* Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана // СЭ. 1979. № 1. С. 9.
[14] *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное... С. 192, табл. 9.
[15] Там же. С. 193, табл. 10.
[16] Полевые материалы Л. Ф. Моногаровой, А. Джикиева, Х. Есбергенова.
[17] *Катанов И., Каштаненкова И.* Указ. соч. С. 26.
[18] *Мирхасилов С.* Указ. соч. С. 39.
[19] *Бондарская Г. А.* Рождаемость у народов СССР // Сто наций и народностей СССР. М., 1985. С. 19—30 (автор привлекает значительный материал по Средней Азии).
[20] *Кадыров Ш.* Из прошлого и настоящего многодетной семьи у туркмен: (Этнодемогр. очерк). Статья для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи...» (рукопись).
[21] Там же. Полярно противоположное отношение к деторождению наблюдается сейчас в Прибалтике (см. раздел М. Я. Устиновой в настоящей работе).
[22] *Таштемиров У.* Современная социалистическая семья и тенденции ее развития: (Из опыта республик Средней Азии). Ташкент, 1982. С. 34.
[23] *Гафаров Э.* Драматические женские судьбы // Правда Востока. 1988. 6 янв. См. также: *Пасевьев И.* Семья-то большая... // Лит. газ. 1988. 27 янв. и др.
[24] *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное... С. 159.
[25] *Шаниязов К., Савуров М.* Внутрисемейные отношения в современной узбекской сельской семье. Статья для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи...» (рукопись).
[26] *Кочкунов А. С.* Традиции и инновации в современной киргизской сельской семье // СЭ. 1985. № 5. С. 82.
[27] *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986. С. 131.
[28] Численность и состав населения... С. 156, табл. 40.
[29] *Таштемиров У.* Указ. соч. С. 39—40.
[30] Численность и состав населения... С. 322, табл. 53. С. 330, 332, 344, 346, 350.
[31] Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. ежегодник. М., 1985. С. 334.
[32] *Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И.* Сельская семья таджиков Южного Таджикистана. Статья для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи...» (рукопись).
[33] *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное... С. 197, табл. 15.
[34] Там же. С. 88—89.
[35] Там же. С. 90.
[36] *Субботина И. А.* Этнические аспекты миграции // Сто наций и народностей СССР. С. 37; о негативном влиянии патриархальных пережитков см.: *Бромлей Ю. В.* О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности // СЭ. 1983. № 6. С. 15.
[37] Численность и состав населения... С. 360—363, табл. 59.
[38] *Субботина И. А.* Указ. соч. С. 31—39.
[39] Население СССР: Справочник. М., 1983. С. 117.
[40] Там же. С. 118, 122.
[41] *Катанов И., Каштаненкова И.* Указ. соч. Табл. 3.
[42] Там же. С. 27.
[43] *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное... С. 95—97.
[44] *Баялиева Т.* Культурная среда и культурная жизнь киргизской сельской семьи. Статья для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи...» (рукопись).
[45] *Мирхасилов С.* Указ. соч. С. 15.

[46] *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР. М., 1981. С. 199.
[47] Население СССР: Справочник. С. 99.
[48] *Мулладжанов И.* Национально-этнические особенности населения республик Средней Азии // Население Средней Азии. М., 1985. С. 17.
[49] Там же.
[50] *Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И.* Указ. соч.
[51] *Кочкунов А. С.* Новое и традиционное. . . С. 104. Следует учесть, что при этом обследовании не учитывались межнациональные браки некиргизского населения: русских, украинцев, дунган и др., если их партнерами были не киргизы.
[52] *Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И.* Указ. соч. Табл. 7. См. также публикации о новейших исследованиях межнациональных браков в Средней Азии и Казахстане: *Калышев А. Б.* Межнациональные браки в сельских районах Казахстана: (по материалам Павлодарской области. 1966—1979 гг.) // СЭ. 1984. № 2; *Толстова Л. С.* Национально-смешанные браки у сельского населения Каракалпакской АССР: (К вопросу о современных этнических процессах) // СЭ. 1985. № 3.
[53] См. об этом: *Абрамзон С. М.* Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана // СЭ. 1962. № 3; *Борзых Н. П.* Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // СЭ. 1984. № 3. С. 110.
[54] *Мирхасилов С.* Указ. соч. С. 14.
[55] *Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И.* Указ. соч.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Внутрисемейные отношения едва ли не наиболее трудная область исследования семьи; методика их изучения еще мало разработана, однако несомненно, что при этом особенно большое значение имеют этнографические методы: во внутреннем строе семейной жизни сосредоточены многие черты этнической специфики народа. Для теоретического изучения ряда проблем семьи характер внутрисемейных отношений является основным источником [1].

Структура семьи большинством авторов, социологов и этнографов определяется именно как «организация связей, взаимоотношений входящих в нее людей» [2].

При изучении развития советской семьи, становления ее социалистического типа главная задача — выяснение авторитарности или эгалитарности отношений в семье, точнее, степени их демократизации и преодоления авторитарных устоев. Как уже отмечалось выше, у народов региона вследствие некапиталистического пути их развития к социализму этот процесс происходил замедленно и до настоящего времени в формах общения членов семьи разных категорий, возраста и родства наблюдаются некоторые консервативные традиции и нормы поведения, характерные для дореволюционного быта с его жесткой регламентацией семейных отношений обычным правом — адатом и религиозными законами шариата. Особенности внутрисемейных отношений у народов региона выявляются при сопоставлении их с классификацией современных бытующих структур семьи, данной социологом З. А. Янковой по признаку эгалитарности и с учетом того обстоятельства, что в них еще «сохраняются в том или ином выражении элементы старой структуры» [3].

Из четырех выделенных ею типов структур семьи для народов Средней Азии и Казахстана уже не характерен первый тип (авторитарные семейные нормы и соответствующий им характер взаимоотношений); еще не установился окончательно (особенно в сельской местности) у этих народов и четвертый тип (полное соответствие норм фактическим отношениям равенства); более распространен второй тип (сохранение авторитарных норм при уже определившемся равенстве фактических отношений), и особенно широко бытует третий тип — переходный, для которого специфично формирование равенства фактических отношений, но сохраняются и некоторые пережитки традиционных, авторитарных в своей основе

отношений; при этом часто глава семьи и ее фактический лидер не совпадают [4].

Среди социально-экономических факторов, влияющих на демократизацию отношений в семье у народов Средней Азии и Казахстана, особенное значение имеет изменение положения женщин в обществе и семье.

Как уже отмечалось, регион восточных республик страны отличался в прошлом особой сложностью женского вопроса, разрешению которого в годы социалистического строительства уделяли огромное внимание Коммунистическая партия и Советское государство. Путь к раскрепощению женщин в республиках Советского Востока отражен во многих специальных исследованиях [5].

В дореволюционном прошлом положение женщин в семьях народов региона не было однозначным, степень их угнетенности зависела от многих условий — от различий социальной среды (в богатых и бедняцких семьях, в городах и у сельского населения), от хозяйственно-культурных различий образа жизни (у кочевников-скотоводов или у жителей земледельческих оазисов, особенно подверженных влиянию ислама), от типа семьи (большой патриархальной или малой), а также от возраста женщин и их статуса в семье (старшая в семье женщина — мать мужа; жена и мать; дочь; молодая невестка, а при многоженстве — старшая и младшие жены) и, наконец, от этнической принадлежности семьи, исторически сложившихся этнических традиций народа. Несмотря на те или иные различия в положении, все женщины были юридически неполноправны и материально полностью зависели от отца или мужа, всецело распоряжавшихся их судьбами.

Реализация установленного советскими законами равноправия женщин осуществлялась прежде всего путем вовлечения их в общественный труд и производственную жизнь трудовых коллективов. В настоящее время в республиках Средней Азии и Казахстана женщины почти сравнялись с мужчинами в своей трудовой активности. По данным 1984 г., доля женщин в общем числе рабочих и служащих (в целом, без учета национальности) при средней по СССР в 51 % достигает в Узбекистане 43 %, в Казахстане и Киргизии 49, в Туркмении 41, а Таджикистане 39% [6]. Занятые в общественном хозяйстве колхозов женщины составляют в республиках Средней Азии от 44 до 50 % среднегодовой численности всех колхозников [7]. И в городе и в селе женщины осваивают многочисленные профессии и специальности. Так, в Узбекистане на их долю приходится свыше 58,5 % всех работников народного образования, 61 — сферы культуры, свыше 70 % — здравоохранения и социального обеспечения [8].

Много женщин коренных национальностей в научных учреждениях, среди работников искусств, они занимаются работой в партийных, советских, общественных организациях республик региона. Новое положение женщины в Средней Азии и Казахстане глубоко преобразовало всю систему внутрисемейных связей — главенство в семье, отношения между супругами, между родителями и детьми, между старшими и младшими поколениями. Это едва ли не столь же важный преобразовательный фактор семейно-бытовой сферы жизни в условиях Средней Азии, как изменение экономических основ существования семьи.

На современном этапе для региона характерно также довольно большое число неработающих на производстве трудоспособных женщин коренных национальностей. По данным социологов, относящимся к 70-м годам, в узбекском селе примерно 26,4 % замужних женщин не заняты в общественном труде [9]. К концу 80-х годов их число не уменьшалось в селах и городах. В значительной степени это связано с многодетностью

семей и трудоемкостью ухода за маленькими детьми. Участие многих женщин в общественном хозяйстве ограничивается лишь сезонными работами (шелководство, работа во время страды в хлопководстве, во время окота овец на животноводческих фермах и т. д.). «Многие тысячи женщин еще вынуждены сидеть дома, — пишет в статье о женщинах Узбекистана известный историк Р. Х. Аминова, — ибо детских учреждений не хватает, а их строительство ведется низкими темпами» [10]. В республиках региона особенно актуальна поставленная XXVII съездом КПСС задача создания благоприятных условий женщинам-матерям для сочетания материнства с активным участием их в трудовой и общественной деятельности (строительство в сельских местностях предприятий легкой промышленности, организация надомничества и др.).

Главенство мужчин в семье и теперь преобладает как в городе, так и на селе; например, в Узбекистане в 1970 г. у 83,4 % сельских семей главой были мужчины, у 16,6 % — женщины; в городе доля женщин, являющихся главой семей, была выше — 22% [11]. Однако это средние данные по многонациональной республике. В результате массового опроса, проведенного в таджикских кишлаках, оказалось, что из общего числа опрошенных полных семей от 88 до 96,5 % их возглавляют мужчины и лишь от 0,6 до 3,5 % — женщины. Последние обычно возглавляют неполные семьи (мать — вдова или разведенная с детьми), или семью из одной брачной пары с детьми и овдовевшей матерью мужа (или жены), которую традиционно считают старшей в семье. Бывает, что в похозяйственных книгах записаны как главы семей женщины-колхозницы, у которых мужья работают вне колхоза (а приусадебный участок выделяется только работающим в данном хозяйстве). Встречаются, особенно в городах, семьи, считающие главой обоих супругов, — это новое явление для народов региона. Так, в результате проведенного У. Таштемировым анкетного опроса городских узбекских семей выяснилось, что в сложных семьях у 98,5 % главой был отец (или дед), а в индивидуальных семьях у 91,3 % глава — муж, у 1,8 % —жена, а 4,5 % респондентов отрицали наличие у них главы семьи (в большинстве своем это были молодые супруги) [12].

Существенно изменилась роль главы семьи: исчезла его традиционная функция единоличного распорядителя бюджета семьи, доходная часть которого включает заработки всех работающих членов семьи, в том числе его жены. Немало семей, в которых заработок жены даже выше заработка мужа: по данным этносоциологического исследования, в 20 % узбекских сельских семей женщины теперь зарабатывают больше мужей [13]. Соответственно и бюджетом ведает уже не только глава семьи, но и его жена, у которой обычно хранятся внесенные в общую кассу деньги семейного коллектива. Очень часто жена осуществляет повседневные расходы, а при необходимости сделать крупные покупки или другие расходы (например, на свадьбу, поминки, на материальную помощь родственникам и др.) глава семьи советуется с ней и со всеми взрослыми членами семьи.

У главы семьи сохраняется функция ответственного юридического ее представителя. На имя хозяина двора в колхозах и совхозах в сельсовете записаны дом, подворье и приусадебный участок. Однако основная роль главы — организация семейного коллектива; он все более выступает как руководитель и воспитатель членов семьи. За счет ослабления его экономических функций, как пишет У. Таштемиров, растут моральные, поскольку многое зависит от личных качеств, жизненного опыта, авторитета, хозяйственных способностей главы семьи. Именно в связи с этим возникает такое новое для последнего времени явление, как «двойное

лидерство». Наряду с традиционным главой — старшим в семье, иногда уже стариком-пенсионером, — фактическим главой ее становится и признается женатый сын или другой член семьи, работающий, авторитетный в семье и в трудовом коллективе.

Изменения функций и статуса главы семьи свидетельствуют о демократизации ее структуры и постепенном отмирании авторитарных устоев. Это отмечают в своих материалах все авторы, проводившие этнографические исследования семьи народов региона в 70—80-е годы. В колхозе «Большевик» (Ашхабадская область Туркменской ССР), как пишет этнограф А. Джикиев, нередко главой туркменской семьи значатся престарелые люди 70—80 лет, но фактическим главой является обычно женатый сын. Таким образом, традиция стала нарушаться. «Для семьи выгодней, когда во главе ее стоит энергичный, более молодой человек. Современная жизнь предъявляет большие требования — обучение и воспитание детей, участие в общественной жизни аула; это не под силу старикам и они с пониманием относятся к нарушению традиций» [14].

Исследователь Ф. Арипов, анализируя семейный быт рабочих-металлургов Узбекистана, также сделал вывод, что сегодняшний глава семьи — советчик, воспитатель. В большинстве случаев он решает все семейные вопросы, советуясь с женой и взрослыми членами семьи. Если раньше он единолично распоряжался семейным бюджетом, то теперь в ежедневных покупках участвуют все члены семьи. Как выяснил Ф. Арипов, кое-где встречаются старики, которые по традиции считаются главой семьи, но это главенство носит формальный характер (дань уважения к людям преклонного возраста), фактически же главой семьи является тот, кто имеет авторитет и содержит семью [15].

По материалам А. Кочкунова, в киргизских селах главой семьи продолжает считаться старший в доме мужчина. Но реально функции главы семьи в одинаковой степени выполняют оба супруга, причем в молодых семьях часто решающее значение имеет влияние жены на мужа. Самое характерное для современной нуклеарной семьи то, что при главенстве мужа семейным бюджетом распоряжаются оба супруга сообща. При этом «кассиром» является обычно жена, лучше знающая повседневные нужды семьи; на мелкие хозяйственные и продовольственные покупки она сама расходует деньги; вопросы о крупных расходах решают вместе [16]. В неразделенных семьях изживание авторитарных традиций главы семьи выступает не так заметно. Там еще нередко его роль в распоряжении бюджетом семьи очень велика, и взрослые члены семьи ощущают зависимость от его воли в расходовании семейных средств [17].

При анализе семейных отношений большое внимание сейчас придается вопросу распределения трудовых обязанностей между супругами, в частности степени изживания традиционного полового разделения труда. При этом нередко упускается из виду происходящее перераспределение домашних обязанностей и большие изменения в видах домашнего труда не только в городе, но и в сельской местности. Традиционное разделение домашних обязанностей во многом уже изжито. В городах в молодых нуклеарных семьях мужья обычно помогают женам по дому и в уходе за детьми, невзирая на старинные, установленные обычаем строгие разграничения «мужского» и «женского» труда. Этому способствует и многонациональная среда, и городской образ жизни, разрушающий косность взглядов, старые правила поведения в быту.

У работающих супругов в сельской семье этот вопрос значительно сложнее. Домашних дел там гораздо больше, чем в городе, бытовое обслуживание поставлено, как правило, хуже, производственный труд подчас не ограничен определенным рабочим временем. Большую помощь, правда,

оказывают старшие дети в многодетных семьях. Они выполняют множество домашних работ и присматривают за младшими братьями и сестрами. В сложных семьях помогают и родители мужа. В сельской местности в условиях происходящей урбанизации, развития сельской торговой сети и связей с городом многие домашние работы облегчаются благодаря бытовым электроприборам — стиральным машинам, холодильникам, газовым плитам и т. д. Исчезла необходимость в таких традиционных тяжелых женских работах, как помол муки на ручных жерновах; можно не толочь просо, рис и другое зерно на ручных крупорушках. Хозяйки используют духовки газовых плит для выпечки хлеба или покупают его в сельских пекарнях и магазинах и т. д.

Во многом изменился и домашний труд мужчин: в основном на них лежит обязанность обработки приусадебных участков. Уход за скотом облегчен, поскольку налажена помощь совхозов и колхозов в его выпасе, снабжении кормами. Зато у мужчин появились совершенно новые виды домашнего труда, такие, как уход за личной автомашиной, ремонт бытовых электроприборов, помощь жене в стирке с использованием стиральной машины и др. Приходится мужу выполнять и работы, требующие большого физического труда, — строительство и ремонт жилых и хозяйственных помещений, заготовку дров и т. д. В молодых дружных семьях муж нередко отводит детей в детский сад, школы, поликлинику, помогает школьникам готовить уроки, часто берет на себя покупку продуктов и других товаров в магазинах и на базаре.

«Мужья, — писал С. Мирхасилов об узбекских семьях, — помогают женам, не считаясь с традиционным разделением домашней работы на мужскую и женскую». По его наблюдениям, и в селах мужья участвуют в воспитании, уходе за детьми, охотно няньчат их после прихода с работы, «видя в этом приятный отцовскому сердцу отдых», хотя еще недавно считалось зазорным, «немужским» занятием, особенно в присутствии посторонних и даже родителей и старших членов семьи, отцу ухаживать за детьми, носить их на руках и проявлять любовь к ним.

Этносоциологическое исследование в Узбекистане показало, что в 51,7 % опрошенных сельских семей муж помогает жене в домашнем хозяйстве и воспитании детей; в 21 % семей обязанности распределены поровну, а в 6,5 % опрошенных семей муж не помогает жене [18]. Однако, вероятно, в данном случае наблюдения Мирхасилова и его комментарии — более точный источник, чем приведенные результаты опроса, по которым трудно судить об объеме и о характере участия мужей в домашнем хозяйстве. Судя по всему, прав А. Г. Харчев, который, учитывая значение личностного фактора в семейных взаимоотношениях, писал, что не советует «замерять структуру семьи процентами участия супругов в тех или иных бытовых акциях». По его мнению, справедливость требует не равного распределения между супругами ролей и прерогатив семейной власти, а такого их распределения, «которое обеспечивает максимально эффективное функционирование семьи как оплота личного счастья и коллективной воспитательницы молодого поколения» [19]. Такое направление изучения ролей мужа и жены, в том числе и в ведении домашнего хозяйства, представляется наиболее правильным; оно учитывает и национальные черты быта.

«Мужчины-узбеки, — отмечает С. Мирхасилов, — в силу своей склонности к хозяйству и благодаря владению навыками в различных домашних работах принимают деятельное участие в домашнем хозяйстве, в частности в приготовлении пищи, особенно праздничной... Умение готовить теперь шире, чем в прошлом, используется дома, особенно в семьях, где жена работает. Это облегчает домашние хлопоты жены, способствует укрепле-

нию семьи, развитию в ней чувства товарищества, взаимопомощи, подлинной дружбы между мужем и женой» [20].

Установлению товарищеских, дружеских отношений между мужем и женой придает наибольшее значение большинство исследователей современной семьи народов Советского Востока, анализируя взаимоотношения супругов. «В современной семье каракалпаков, — пишет Х. Есбергенов, — жена для мужа самый близкий советчик и помощник в решении всех домашних и недомашних дел независимо от того, работает она или является домохозяйкой». Далее он отмечает: «Обыкновение не показываться мужу с женой вместе в общественных местах практически изжито — супруги ходят вдвоем в кино, в гости и т. д.» [21]

Оценивается как новое явление освоение некоторыми женщинами мужских профессий. Этот психологический перелом начался в годы Великой Отечественной войны, когда мужья и взрослые сыновья ушли на фронт и сельскохозяйственные работы в колхозах и совхозах выполняли женщины. Супруги оказывают взаимную помощь и в общественном труде. Особенно часто это наблюдается в последние годы в связи с распространением семейного подряда. Иногда они трудятся на одной хлопкоуборочной машине, заменяя друг друга; в животноводческих хозяйствах жены вместе с мужьями работают чабанами на отгонных пастбищах.

Вместе с тем не следует идеализировать условия работы сельской женщины, особенно на хлопковых полях. Она очень трудна и при ручной окучке хлопчатника, и при его ручном сборе. Одним из негативных явлений, характерных для Узбекистана и некоторых других республик Средней Азии, является то, что из-за низкого уровня механизации самый тяжелый труд выполняют в хлопкоуборочную страду женщины и дети. Поэтому такой неотложной задачей стала сегодня интенсивная механизация труда хлопкоробов.

Престиж трудовой деятельности женщин очень высок, хотя все еще встречаются семьи, в которых муж или свекровь препятствуют участию женщины в общественном труде.

Этносоциологическое исследование зафиксировало, что 59 % опрошенных считают необходимым, чтобы жена работала, даже если семья достаточно материально обеспечена [22].

Новое положение женщины в семье, ее материальная независимость и престиж приводят к изживанию древних форм этикета во взаимоотношениях с мужем. Уходит из быта запрет супругам называть друг друга по имени; в молодых семьях он уже не соблюдается, и лишь у старшего поколения жена продолжает называть мужа именем старшего сына или другим. При отсутствии посторонних лиц семья ест вместе, «за одним дастарханом», хотя часто еще соблюдается обычай раздельного приема пищи мужем, женой и детьми (принято как неукоснительное правило, что жена обслуживает мужа, подает ему еду, наливает чай, убирает посуду). Но изжит оскорбительный для достоинства женщины обычай, когда муж шел один впереди, а сзади него жена с грузом подарков или с ребенком на руках. Теперь нередко супруги приезжают в гости на своей личной машине.

Вместе с тем пожилые женщины в селах по-прежнему ходят группами, отдельно от мужчин. Мужья также не всегда делят досуг с семьей, они любят проводить свободное время по традиции в мужской компании, за чаепитием, беседуя с друзьями. Правила этикета в отношениях супругов, нарушение которых раньше осуждалось и считалось свидетельством крайней невоспитанности, сегодня постепенно все больше игнорируют, хотя в присутствии людей старшего поколения молодые все же «из уважения к старшим» их соблюдают, особенно в неразделенных семьях. При

родителях молодые супруги ведут себя строже, сдержаннее, садятся в отдалении друг от друга, не проявляют своих чувств [23].

Выше приводились свидетельства роста самостоятельности молодежи в принятии решений о выборе брачных партнеров (с мнением родителей считаются, но свое решение отстаивают, стремясь убедить родителей согласиться на брак, а в крайних случаях идут на конфликт). Правда, в сельских районах такая независимость молодежи проявляется слабее. В таджикских кишлаках, обследованных в 1982 г., из 746 опрошенных пар 435 (58 %) ответили, что вступили в брак по совету родителей, и лишь 281 пара (42 %) обошлась без такого совета. Последних меньше; вместе с тем тенденция ясна [24]. «Молодые считаются с мнением родителей, — пишет о казахах Х. Аргынбаев, — но, как правило, если оно совпадает с их собственным. . . Воля родителей теперь уж не имеет реальной силы запрета» [25].

Именно во взаимоотношениях отца со взрослыми детьми, прежде беспрекословно ему подчинявшимися, более всего проявляется перелом — преодоление авторитарности, становления эгалитарной атмосферы в семье. Сыновья и дочери по-прежнему с глубочайшим уважением относятся к родителям, однако это уж не столько почитание их «по обычаю», сколько отражение открытой привязанности, заботы, уважения, не скованных множеством регламентаций и правил этикета, как в прошлом. Господствующей становится морально-нравственная основа отношений. Родители также стремятся к взаимопониманию, ценят образованность, гордятся престижем своих сыновей и дочерей в обществе, советуются с ними, совместно решая все важные семейные вопросы. Однако такая гармония отношений пока не стала всеобщим явлением.

В казахских селах, как отмечает О. Наумова, нередко можно услышать мнение, что «молодежь перестала уважать старших». Это выражается в том, что молодые больше употребляют спиртных напитков, не слушают родительских советов, не оказывают старшим знаков уважения (например, переходят дорогу перед стариками). Молодежь также иногда осуждает старших (даже своих родителей), которые придерживаются отживших обычаев [26]. Нередко случается, что молодые, уступая религиозным родителям «из уважения» к ним, выполняют религиозные обряды: брачный «никох» и др.

Несмотря на указанные противоречия, деспотические устремления главы семьи в отношениях со взрослыми детьми изживаются. Сыновья и дочери чаще самостоятельно решают вопросы, касающиеся их работы, учебы, выбора друзей и т. д. Равноправное положение детей в семье перерастает нередко в противоположное прошлому явление — авторитет взрослых сыновей оказывается сильнее родительского, бывает даже, что они становятся, как отмечалось выше, «вторыми главами», фактическими руководителями семьи.

Особенно важно подчеркнуть наблюдающееся у всех народов региона сохранение и даже повышение традиционного престижа и большой роли в семье матери. Обычно она руководила прежде всего дочерьми (а в сложных семьях как старшая женщина — и невестками); сыновья находились под сильным влиянием и властью отца. Ныне мать играет роль организатора семейного хозяйства и всего быта семьи наравне с мужем, она стала основным воспитателем детей, поддерживая постоянную связь с детским садом, учителями в школе. Она может помогать материально своим родителям и другой своей родне, что раньше не было принято (даже для посещения родителей следовало просить разрешения у мужа и свекрови). Изменение отношения к родне жены очень заметно и в том, что теперь, как отмечалось выше, в семьях с одной брачной парой и одним из родителей

живут вдовые отцы или матери не мужа, а жены, чего раньше патриархальные обычаи не допускали.

С матерью считаются не только ее муж и дети, но и другие члены семьи, взрослые мужчины-родственники. Если муж иногда избегает помогать жене в домашней «женской» работе, то старшие сыновья не считают позорным для себя помочь ей в этом, и общественное мнение не видит в данном случае ничего предосудительного. Высокий материнский авторитет — хорошая традиция; она жива и отмечается во всех этнографических исследованиях, проведенных в 80-х годах в республике региона.

Невестки в семье мужа в прошлом были в бесправном положении: они более других членов семьи были обездолены, опутаны бесчисленными запретами, регламентацией каждого своего шага и слова, особенно если еще не имели детей. И тем не менее у разных народов их положение отличалось. У узбеков и таджиков благодаря господствовавшим родственным бракам невестки часто оказывались близкими родственницами в семье мужа, а в крупных неразделенных семьях иногда даже членами одной семьи (при частоте кузенных браков). После вступления в брак они не чувствовали себя чужими в родственной среде и отношение свекрови к невестке, естественно, было у этих народов мягче. Вместе с тем у них при огромном влиянии шариата и мусульманского духовенства господствовали затворничество, изоляция женщин от общественной жизни, постоянное нахождение в замкнутом пространстве женской части дома — ичкари и общение в тесном кругу женской родни.

У скотоводческих народов, сохранявших пережитки родо-племенной структуры, брак был экзогамным и невестка всегда принадлежала к одному роду, а ее муж и его родня — к другому. Так было у казахов, киргизов, каракалпаков; у них положение девушки в семье до брака существенно отличалось от того, в котором она оказывалась, став женой и невесткой. Живя в родном ауле, как сообщает А. Бекмуратова, девушка-каракалпачка была в родственной среде; мужская и женская молодежь не чуждалась друг друга, устраивались совместные игры, вечеринки. Свободный, веселый образ жизни девушки резко менялся после свадьбы и переселения в дом и аул мужа, уплатившего при вступлении в брак большой выкуп. Она сразу становилась неполноправной, безропотной исполнительницей указаний всей старшей родни мужа и особенно свекрови.

В одном из стихотворений каракалпакского народного поэта Бердаха, сочувствовавшего тяжелой участи невесток, описывается судьба девушки-красавицы, отданной замуж за большой калым и обреченной на безрадостную жизнь: «Здесь не оценят красоты, здесь выбьют из тебя мечты, жалею я тебя, невестка... В попреках мужниной родни пойдут безрадостные дни. Тебя, цветущую, они состарят в год, невестка!» [27]. В больших неразделенных семьях невестка находилась в распоряжении свекрови, выполняя все домашние работы. Без разрешения свекрови она не могла даже выйти из дома к родным и соседям. Особенно строго соблюдался обычай избегания, распространявшийся на мужа и всех его старших родственников. У туркмен молодуха закрывала лицо в присутствии старших членов семьи, а на заданные мужем или свекровью вопросы не могла отвечать прямо, шепотом она передавала свой ответ кому-либо из детей, а тот уже передавал его по назначению [28]. Обращаться по имени к мужу и его старшей родне строго запрещалось, мужа она называла иносказательно, остальных — с помощью терминов свойства и другими именами. У туркмен преобладала родо-племенная эндогамия, но положение невестки не облегчалось родственными браками; адат в их быту преобладал, но и шариат действовал не менее властно, чем у исконных земледельцев.

С изменением положения женщины в современной семье по-новому стали строиться и отношения свекрови с невесткой. Молодые женщины, помимо домашнего хозяйства, начали заниматься производственным трудом. Постепенно у работающей невестки складывались дружеские отношения со свекровью, теперь обычно берущей на себя уход за детьми, приготовление пищи. Как сообщает У. Таштемиров, результаты его социологических исследований показали, что в современной узбекской семье зачастую невестка даже находится в привилегированном положении. У туркмен также большим уважением пользуются невестки с высшим образованием, обладающие общественно-престижными профессиями (врач, учительница и др.). Муж и его родители стали ценить ее мнение в решении семейных дел, стремятся не загружать домашней работой [29]. Медленно, но повсеместно изживается избегание; вначале между мужем и женой (они все чаще называют друг друга по имени), потом сокращаются сроки соблюдения невесткой этикета избегания и по отношению к старшим родственникам мужа. Многих стариков это обижает, они считают такое нарушение норм поведения молодой женщиной проявлением невоспитанности, неуважения.

«В неразделенных семьях часты разногласия, ссоры, — пишет участник исследования туркменской семьи А. Джикиев. — Там продолжают сохраняться пережитки избегания, закрывания лица невестки яшмаком... Неравноправие ее положения в семье, в том числе обычай избегания, — одна из главных причин выдела семьи женатого сына из отцовской неразделенной семьи. Молодые невестки уговаривают мужа отделиться» [30]. У киргизов прежде была очень развитая и разветвленная система избегания; ныне, по наблюдениям А. Кочкунова, невестка избегает всех старших родственников мужа всего от трех дней до недели, после чего свекор вызывает ее, благодарит «за уважение» и говорит: «Хватит, теперь живи как родная дочь». Иногда свекровь ей при этом повязывает новый платок как символ полного вступления в семью мужа.

Для сокращения сроков избегания важным стимулом является производственная занятость невестки, необходимость быстрейшего включения ее в работу, службу, в выполнение домашних обязанностей. Несмотря на это, отмечает А. Кочкунов, даже при отмене прямого избегания в отношениях невестки к свекру и другой родне мужа сохраняется скованность, во многих семьях соблюдается этикет непроизнесения их имен [31]. Часто невестка даже не называет посторонним свою общую с мужем фамилию, поскольку фамилия супругов производится от имени отца мужа. «Из уважения» к свекру она просит, чтобы ее фамилию назвал кто-либо из детей или односельчан. Таким образом, обычай избегания и теперь еще сковывает свободу и простоту общения родных людей, супругов и членов сложных семей, хотя бытует он в очень урезанной и измененной форме.

Как и у всех народов, роль старшего поколения в семьях народов Средней Азии и Казахстана неоднозначна. Быстро меняющиеся исторические условия, рост социально-экономического и научно-технического прогресса в современном обществе приводят к большим различиям в уровнях образования, ценностных ориентациях, культурно-эстетических вкусах и потребностях старших и младших поколений [32]. Стимулируется ориентация на их раздельное проживание вследствие социально-психологической несовместимости. Как отмечается в книге «Семья сегодня», «совместное проживание в ряде случаев не способствует укреплению молодой семьи, а, напротив, становится причиной развода» [33].

Эти выводы, сделанные социологами главным образом на основе исследования семей крупных городов европейской части СССР, в значи-

тельной степени относятся и к среднеазиатской семье, в особенности к тем вариантам сложных семей, где еще прочны пережитки патриархальных устоев и норм бытового ислама.

Однако в Средней Азии и Казахстане существуют специфические условия, повышающие роль и место в семье старшего поколения. К ним относятся многодетность семей и такой морально-нравственный фактор, как исключительное уважение старших, устойчивая привязанность к родителям взрослых детей и присущее им чувство ответственности за благополучие стариков, забота о них, отсутствие которой считается позорным явлением. Выделившиеся сыновья в селах стремятся поселиться близ родителей не только для поддержания постоянной взаимопомощи, обмена хозяйственными и семейными услугами, но и для повседневной заботы о стариках.

Народная традиция уважения к старшим утрачивает патриархальные корни и приобретает новое социальное содержание. По мнению исследователей, она уже очищена от прежней абсолютной авторитарности, элементов насилия над чувствами и запросами младших поколений. Авторитет родителей, старших в семье опирается ныне у казахов не на обычное право, а отражает принципы новой морали, является ответом на заботу родителей о детях, об их здоровье, воспитании, образовании [34]. Особенно почтительно относятся у таджиков к тем старшим, которые известны своим человеколюбием, беспристрастностью, справедливо разрешают конфликтные ситуации в семье, в кругу своих родственников [35]. У узбеков также, как пишет Таштемиров, «сохраняется уважение к старшим, признание их житейского опыта и заслуг перед семьей, обществом, родиной. . . Это не противоречит коммунистической морали, играет положительную роль в сплочении семьи, в нравственном воспитании младшего поколения» [36].

Современное старшее поколение в сельских семьях — пенсионеры, большая часть которых недавние колхозники, рабочие совхозов; многие участвовали в колхозном строительстве, немало участников Великой Отечественной войны. Иногда в селах живут пенсионеры, работающие до пенсии на городских предприятиях и в учреждениях и возвратившиеся на старости лет в родные кишлаки и аулы, к своим семьям, внукам.

Одни из них еще продолжают трудиться, другие участвуют в производственной жизни колхозов и совхозов в самые горячие сезоны — уборки хлопчатника и других культур, сенокоса. В животноводческих хозяйствах много пенсионеров работает в чабанских бригадах, на отгонных пастбищах. Традиционная приверженность к пастушеской профессии казахов, киргизов и др. , унаследованная от предков, привычки к жизни на приволье в степи и в горах не оставляют их на склоне лет.

Среди представителей старшего поколения в каждом селении есть активисты, работающие на общественных началах в разных комиссиях местных Советов, особенно в советах старейшин, роль которых зачастую очень велика как в производственной жизни, так и в общественном быту.

Среди пенсионеров много женщин. Трудно переоценить роль дедушек и бабушек в повседневном быту современной многодетной семьи у народов Средней Азии и Казахстана. Они берут на себя большую долю труда в домашнем хозяйстве и всецело вовлечены в заботы о внуках, давая возможность детям трудиться в общественном производстве, получать образование, повышать свою квалификацию, участвовать в общественной и культурной жизни. Старики помогают и семьям своих детей, живущим в городах, — это и материальная помощь (например, снабжение продуктами с приусадебного участка и подворья), и взятие на воспитание одного или двух внуков для облегчения жизни семей сыновей и дочерей в городе.

При большой занятости родителей на работе и службе основы семейного воспитания маленькие дети во многих семьях получают от старшего поколения. С малых лет им прививают уважение к труду, нравственные принципы. Участвуя в социализации младшего поколения, бабушки и дедушки играют едва ли не главную роль (подчас бóльшую, чем родители) в передаче детям этнических традиций: знания языка и фольклора своего народа, исторических преданий, родословной семьи, традиционного для данного народа трудового опыта, технических приемов и эстетических вкусов в декоративном прикладном искусстве.

Именно старики каждой семьи знакомят обычно детей с обычаями и обрядами, со сложной системой терминологии родства и свойства, с правилами приема гостей, устройства праздничных трапез, особенностями этикета. Вместе с тем наряду с положительными компонентами народной традиции во многих семьях именно старшее поколение стремится привить детям веру в истинность догм мусульманской религии, склоняют к выполнению предписаний шариата. Такова противоречивая роль старшего поколения; характер его влияния на быт семьи и на детей зависит от уровня социального и культурного развития данной семьи, нравственных устоев ее взрослых членов, в том числе и самих представителей «старших в семье» — дедов и бабушек.

* * *

Воспитание детей было и остается одной из главных функций семьи. Ныне оно гармонически сочетается с общественным воспитанием — системой народного образования, молодежными общественными организациями, воздействием средств массовой информации — радио, телевидения, кино и др. В Программе партии, утвержденной XXVII съездом КПСС, подчеркивается, что именно в семье «формируются основы характера человека, его отношение к труду, моральным, идейным и культурным ценностям»; «необходимо углубить взаимодействие семьи, школы, трудового коллектива, повышать ответственность родителей за воспитание детей» [37].

На родителях лежит ответственность за социализацию младшего поколения — передачу ребенку системы знаний, норм и ценностей, приобщающих его к жизни общества; в процессе социализации осуществляется и другая функция семьи — межпоколенной трансмиссии этнокультурных традиций — приобщения детей к этносу. «Как правило, — пишет Ю. В. Бромлей, — именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи традиционной культурной информации... в результате чего сохраняется этническая однородность семей внутри этноса и обеспечивается межпоколенная преемственность характерной для него специфики культуры» [38].

Исследование этой проблемы открывает путь в область этнопедагогики — исторически сложившегося педагогического опыта народов, народных традиций воспитания детей. Это особая, обширная тема, к сожалению, пока еще мало разработана в среднеазиатской историографии. Для нашей задачи — изучения внутрисемейных отношений — в первую очередь важно выявить изменения, происходящие при современных условиях демократизации семейных устоев в межпоколенных связях — между родителями и детьми, дедами и внуками, а также между братьями и сестрами. В большей или меньшей степени эти вопросы уже затрагивались в предыдущих разделах (при рассмотрении многодетности, отношения к взрослым детям, роли старшего поколения в семье и др.)

В прошлом в отношениях к детям строго учитывался принцип половозрастной дифференциации. По-разному относились к мальчикам

и девочкам, различные требования предъявлялись при воспитании детей того или иного возраста. Сыну с детства внушалось, что он продолжатель рода, наследник, защитник достоинства семьи, что он по положению выше своих сестер. Таким образом у мальчиков воспитывалось сознание превосходства над сестрами и женщинами вообще. Девочек же с малолетства приучали к мысли о покорности и подчинении мужчинам, готовя их к поведению в семье будущего мужа и свекра. Эти принципы феодально-патриархальной морали как основы воспитания были особенно типичны для семей, принадлежащих к господствующим классам; в трудовых семьях они были менее заметны.

Пока дети были в младшем возрасте, уходом за ними и воспитанием их занималась мать. По мере взросления детей мальчики переходили в ведение отца, девочки оставались с матерью. Уже с 6—7 лет сыновей и дочерей привлекали к труду, они помогали в домашнем хозяйстве. Обязанности их были очень разнообразны, но не тяжелы. После того как детям исполнялось 10—12 лет, они выполняли более сложные и трудные работы по хозяйству. В этот период у узбеков мальчики переходили спать из внутреннего помещения «ичкари» на мужскую половину дома, а во время еды сидели с мужчинами. Воспитание девочек было более строгим. До 8—9 лет они еще могли свободно выходить из дома и играть со сверстниками, но с 9—10 лет девочкам запрещалось выходить одним; при выходе из дома они должны были надевать на голову накидку-джеляк или паранджу; им запрещалось разговаривать даже с 11—12-летними мальчиками [39]. Особое значение придавалось нравственному воспитанию детей. Их учили скромности, послушанию и покорности старшим, соблюдению обычаев, правил этикета. По словам этнографа Х. Исмаилова, часто постороннего наблюдателя поражало, насколько маленький ребенок обучен благопристойному поведению за столом, умению не быть навязчивым, а иногда даже выступать в роли любезного хозяина по отношению к гостям. Как отмечали дореволюционные авторы В. Наливкин и М. Наливкина, ребенок лет 6—7 начинает уже приветствовать гостя «селямом», говорит с ним «на вы» и не дотрагивается до того угощения, которое поставлено перед гостем [40].

Характеризуя отношения к детям в дореволюционной узбекской семье, эти авторы пишут и о раннем приобщении ребенка к религии: «Одновременно с тем, как ребенок начинает более или менее свободно говорить, родители понемногу, постоянно преподают ему главнейшие догматы религии и некоторые из общих, наиболее употребительных молитв» [41].

Мы охарактеризовали здесь некоторые позитивные, а также консервативные черты сложившейся в прошлом системы воспитания детей в семье. Существовали и многочисленные выработанные веками прогрессивные традиции народной педагогики, воплощенные в отношение к труду, к природе, в нормы общения с людьми, те или иные эстетические вкусы и нравственные принципы. Большинство этих традиций сохраняется до сих пор.

Так, сохраняется одна из главных нравственных ценностей — любовь старших членов семьи к детям и приверженность многодетной семье. Не устарела узбекская пословица: «Богат не тот, у кого много денег, а тот, у кого много детей».

Выше уже отмечалось, что характерной традиционной чертой семьи является авторитет матери. Если раньше на ней лажала забота о воспитании всех малышей, а в подростковом возрасте — девочек, то сейчас она наравне с мужем занята и воспитанием сыновей-школьников.

Со смягчением и преодолением авторитарных порядков в семье дети

все более сближаются и с отцами. Для суждения о демократизации отношений родителей с детьми и подростками данных массовых опросов пока недостаточно. Более убедительны опыты некоторых авторов в анкетном опросе школьников и анализе их сочинений на тему об отцах и матерях. Такие материалы собирались, в частности, У. Таштемировым, который использовал их в своем исследовании, посвященном узбекской семье. Так, ученица 7-го класса одной из школ Ташкента в своем сочинении пишет: «Когда отец возвращается с работы, мы все радуемся. Он рассказывает нам интересные вещи, спрашивает о наших делах, об учебе, мы рассказываем. Если хорошо выполняем домашнюю работу, уроки, он радуется». Другая ташкентская школьница писала: «Отец, мать, братишки и сестренки — мы все вместе ужинаем, беседуем» [42].

Исследователь придает большое значение тому, что не только с сыновьями, но и с дочерьми у отцов складываются дружеские, непринужденные отношения. Это, безусловно, свидетельствует о демократизации внутрисемейной атмосферы, равном внимании родителей к детям обоего пола. Особенно трогательные отношения складываются между внуками и старшим поколением в семье. Узбеки говорят: «Детей любят пока они вырастут, а внуков — до смерти». Именно у бабушек и дедушек внуки ищут защиты, с ними делятся своими горестями и радостями [43].

Тесное общение в семье, школе, на отдыхе, преодоление половой изоляции сближает детей разных возрастов между собой. В многодетных узбекских семьях старшие братья и сестры ухаживают за младшими и всячески опекают их. Младшие, в свою очередь, выполняют указания и поручения старших и на всю жизнь сохраняют уважение и привязанность к ним [44]. То же самое наблюдается и в киргизских семьях. В них обычно старшие мальчики отвечают за младших братьев, девочки — за сестренок. Они следят за опрятностью малышей, за их поведением, проверяют дневники, помогают готовить уроки. Драки, ссоры, сквернословие сурово осуждаются. Со старших дети берут пример. У киргизов есть пословица: «Глядя на старшего брата растет младший, глядя на старшую сестру растет младшая». Даже если старшие дети живут вдали от дома — на учебе, на службе в Советской Армии, они чувствуют свою ответственность за младших, наставляют их, дают советы о выборе профессии, а иногда берут в свою семью в город и помогают в продолжении образования [45]. Дружба между братьями и сестрами — традиционная черта семейных отношений у народов Средней Азии и Казахстана.

Такая функция семьи, как трансмиссия этнических традиций, непосредственно связана с отношением старших к младшему поколению. У народов Средней Азии этот процесс отличался в прошлом обилием форм и способов передачи информации. При богатстве культурного наследия, передаваемого из поколения в поколение в словесной, как устной, так и письменной форме (например, богатейший фольклор разных жанров, исторические эпосы, произведения поэтов средневековья и нового времени), неменьшем богатстве трудовых навыков (многовековой опыт в земледелии, ирригации, скотоводстве, ремеслах) и обилии художественных ценностей (декоративное искусство, народная музыка и др.) межпоколенная передача этнической культуры пополнялась и традиционными для каждого этноса нормами общения — правилами поведения, этикета. Этому способствовало существование целой системы социальных институтов реликтового характера, подчас очень древних по своим историческим корням. Эти институты выполняли функции «внедрения» старинных обычаев поведения. К ним относились, например, мужские объединения — компании (зиафат, джура и др.); управлявшие проведением многих празднеств «советы» (кенгеш) почетных лиц и ста-

риков; выделяемые в каждой общине пожилые женщины и мужчины — знатоки обычаев и ритуалов (кайвони у узбеков Хорезма и др.); институт «женге» — замужних женщин — наставниц молодых девушек (обычно своих золовок), приобщавших их к нормам общения с юношами, женихом, его родственниками и т. д. Пережитки этих архаических институтов прослеживаются до сих пор в семейной жизни и отчасти за рамками семьи.

В то же время в современных условиях происходит непрерывное изменение объема и состава традиционного фонда этносов, передаваемого младшим поколениям. За годы Советской власти в нем произошло сокращение, а отчасти и исчезновение многих отживших традиций. Нынешние старшие поколения передают детям уже другой, обновленный и обогащенный культурными достижениями братских народов комплекс традиций, в котором большое место занимает профессиональная культура — к ней успела приобщиться и значительная часть нынешних дедов и бабушек, других старших родственников.

* * *

Выше не раз отмечалась одна из типичных черт народов региона — очень большое значение родственных связей в семейном и общественном быту. В прошлом каждая семья входила в определенную семейно-родственную группу (патронимию), объединявшую относительно близких родственников по отцовской линии, потомков общего, реально существовавшего и еще хорошо сохранившегося в памяти предка, имя которого обычно и присваивалось семейно-родственной группе. Возникали эти группы семей в результате распада и расчленения большой сложной семьи, сохранявшей родственные отношения с отпочковавшимися малыми семьями своих детей, внуков (в дальнейшем эти связи распространялись на несколько поколений потомков).

Семьи каждой группы селились компактно, составляя обособленные части в оседлых поселениях — узбекских и таджикских кишлаках и отдельные аулы или части крупных аулов — у кочевников и полукочевников казахов, киргизов, туркмен и каракалпаков. Семейно-родственные группы входили в соседские водоземельные общины или аульные общины скотоводов, однако при этом сохраняли и внутренние межсемейные хозяйственные связи — трудовую взаимопомощь в сельскохозяйственных работах, в выпасе скота, в постройке жилищ и других трудоемких работах, с которыми не могла бы справиться своими силами одна семья. Особенно сильно проявлялась родственная взаимопомощь во время таких семейных событий, как свадьба, празднества по поводу рождения детей и обрезания, а также похороны и поминки по умершему. По традиции все эти события требовалось отмечать многолюдными и многодневными трапезами, с приглашением сотен участников. Семейно-родственная группа помогала, беря на себя большую часть расходов, организуя подготовку к приему гостей, помощь в приготовлении пищи, в устройстве и размещении гостей, их обслуживании и т. д.

Глава группы — старший из ее старейшин — пользовался особым авторитетом, а суждения и взгляды аксакалов, решение ими разных вопросов семейной жизни, оценка поведения и поступков сородичей считались общественным мнением старших родственников; по обычаю, с ним вынуждены были считаться и подчиняться ему все члены родственной группы независимо от возраста — мужчины, женщины, молодежь. Такие семейно-родственные группы у казахов назывались «ата боласы» — «дети одного отца» (деда, предка); у киргизов — «бир атаннын болдары». У таджиков и узбеков их называли «каум», у туркмен — «топар»,

у каракалпаков — «коше». Число поколений они охватывали различное, чаще всего — 4—5. Различно было и число объединяемых ими семей — примерно от 10 до 30.

Проведенные в последние годы этнографические исследования зафиксировали разную сохранность в настоящее время этого пережиточного патриархального семейного объединения. У туркмен, по наблюдениям Г. П. Васильевой, в настоящее время связь между отдельными семьями, входящими в топар, чисто внешняя: членов топара в первую очередь приглашают на семейные праздники, к старейшим членам топара обращаются за помощью, советом; но большей частью такие группы уже утратили свое единство, малые семьи живут самостоятельной жизнью. И тем не менее этот пережиток, по мнению Г. П. Васильевой, часто имеет отрицательное значение, так как во многом определяет решение важных семейных вопросов «по старинке», мешая утверждению нового в семейных отношениях [46].

Семейно-родственные группы у казахов изучал в Гурьевской, Кзыл-Ордынской, Джамбулской и других областях В. П. Курылев. Он наблюдал повсеместное существование в казахских селах таких родственных групп по 10—30 семей, носящих имя своего общего предка, и установил, что в их состав часто бывают включены и уехавшие в города родственные семьи рабочих, служащих. Вместе с тем современные семейно-родственные группы отличаются от прежних: у них значительно сузились рамки совместного хозяйствования — члены семей заняты в общественном производстве и трудовая взаимопомощь обычно ограничивается пастьбой личного скота (пенсионеры пасут личный скот своей семьи и семей родственников). Очень велика помощь сельских родственников городской родне: вместе со своими они часто содержат и принадлежащих родичам-горожанам коров, овец, что является большим подспорьем в питании городских семей. Им присылают или привозят из аулов мясо, молочные продукты, кумыс.

Однако везде наблюдается нарушение прежнего территориального единства групп: входящие в них семьи теперь разбросаны, они живут в разных поселках, городах, даже в разных республиках, с некоторыми из них совсем утрачена связь. Как и у других народов, у казахов наиболее устойчива традиция участия родственников во всех семейных событиях жизненного цикла. Материальная помощь принимает различные формы: например, при складчине на свадьбу самые близкие родственники должны внести бóльшую сумму, более отдаленные — меньшую. Кроме того, родственники помогают семье в заготовке дров, выпечке хлеба, приготовлении пищи для торжественной трапезы, в приеме и обслуживании гостей.

В. П. Курылев отмечает примечательное новшество в современных родственных связях — вовлечение в них, помимо родственников по отцу и отчасти по линии матери (например, традиционные связи с семьей дяди по матери — реликт обычая авункулата), также и свойственников — родственников жены. Это результат глубокого изменения статуса женщины в семье и обществе и одно из свидетельств изживания патриархального принципа родственных связей патронимии [47].

Сходный процесс изживания устойчивости семейно-родственных групп при сохранении тесных родственных связей между семьями наблюдал в киргизских селах А. Кочкунов. Группы состоят обычно из 15—20 семей, руководители их — всегда сельские жители, горожане поддерживают с ними постоянные контакты. Однако, судя по материалам А. Кочкунова (записи 1981—1984 гг.), эти группы функционируют все слабее. Важный фактор их прежней устойчивости — территориальная общность — нарушается. Так, в поселке Оргочор, в группе из девяти семей, называемой

«Эгизбай-уулу» (сыновья, дети Эгизбая), лишь три живут в этом поселке, две — в Пржевальске, одна — во Фрунзе, две — в райцентре Покровка, одна — в поселке Каджисай. Подобных примеров много, хотя в некоторых колхозных селах еще есть улицы, заселенные семьями одной семейно-родственной группы (например, в колхозе «Россия» Ошской области).

Хозяйственные связи семей, входящих в эти группы, теперь незначительны, они выражаются главным образом в соблюдении обычая «кезеу» — поочередного выпаса личного скота. Для этого объединяются часто не только родственные семьи, но и их соседи, иногда принадлежащие к другой национальности. Более всего единство группы проявляется в обязательном участии в происходящих семейных праздничных событиях — свадьбах и других мероприятиях, а особенно — в похоронах и поминках. Принято приезжать на похороны родственника даже из дальних городов или присылать свой взнос. Сбор средств чаще всего устраивают именно по случаю смерти сородича, причем суммы взносов с каждой семьи родственников точно определяются. Решениям старшего в группе аксакала по-прежнему подчиняются; для женщин также авторитетно мнение и указания старшей родственницы — байбиче. Но все большим влиянием среди родственников теперь пользуются представители интеллигенции, руководители, специалисты, т. е. образованные люди. По их инициативе в ритуал похорон вводятся новшества — возложение венков, гражданские панихиды. К ним иногда идут за советом и сами старики-аксакалы [48].

Оценивая значение семейно-родственных групп в современных условиях, большинство исследователей полагает, что оно не однозначно. Действительно, с одной стороны, безусловно, положительны традиции постоянного живого общения между родственниками разных поколений, их бескорыстная забота и взаимопомощь, участие в семейных празднествах, моральная поддержка семьи в трудные дни ее жизни, при постигшем ее несчастье. Свое значение имеют и различные традиционные виды межсемейной трудовой кооперации. С другой стороны, заслуживает осуждения свойственный этим группам консерватизм — во многих случаях старшие родственники создают в окружающей семью микросреде общественное мнение, направленное против новаций, равноправного положения женщины. Случается, под этим влиянием возникают рецидивы «родового» и родственного протекционизма, укрывательство злоупотреблений и противозаконных поступков родственников.

В современных условиях жизни среднеазиатского села и города действуют факторы, способствующие размыканию узкого круга родственных связей. Кроме родственников, каждая семья постоянно общается с товарищами по работе, приобретает все больше друзей; у молодежи общие интересы и дружба с товарищами по работе, учебе, спорту. Друзья наравне с родственниками участвуют в семейных событиях, в оказании помощи и сочувствии в случае горя.

В то же время многие люди старшего поколения отличаются современными взглядами. Это доказывает опыт таких общественных организаций, как советы аксакалов (старейшин), существующие в большинстве колхозов и совхозов региона. Кроме стариков-пенсионеров, в них входят наиболее авторитетные колхозники, рабочие, сельская интеллигенция, в том числе и женщины. В работе советов аксакалов широко используется трудовой и жизненный опыт, знание народных традиций, авторитет ветеранов труда, многовековая народная традиция уважения к старшим. Деятельность их разнообразна. Они делятся с хозяйственными работниками опытом и знаниями по животноводству, возделыванию разных культур, садоводству и виноградарству, знанием способов полива и других

работ, а в напряженные дни страды сами выходят работать на поля; они участвуют в борьбе с пьянством, с лодырями и тунеядцами; ведут воспитательную работу с молодежью, помогают в создании памятников и музеев боевой славы, участвуют в чествовании героев Великой Отечественной войны.

С участием членов советов проходят новые праздники — окончания сбора урожая, новоселья, юбилеи, а также и семейные праздники; в традиционных «советах» по подготовке свадеб и других торжеств они поддерживают добрые народные обычаи и часто отговаривают от соблюдения отживающих, устаревших. Велика их роль и в разборе семейных конфликтов, в примирении поссорившихся семей и т. д.[49] Таким образом, советы старейшин призваны отчасти выполнять воспитательные функции отживающих патриархальных патронимий.

Таков же примерно характер работы существующих в среднеазиатских городах квартальных («махаллинских») комитетов, образовавшихся по месту жительства и сохраняющих некоторые традиции прежних квартальных общин горожан.

Большую работу в среде сельских и городских семей ведут женсоветы — общественные организации, существующие в Средней Азии с первых лет социалистического строительства; здесь их работа всегда была особенно необходима из-за специфики положения женщины. После XXVII съезда КПСС, нацелившего на возрождение женсоветов и активизацию их работы в стране, деятельность этих организаций в республиках региона оживилась, стала шире и сложнее; их задача — при поддержке партийных органов, советов, прессы добиваться улучшения условий труда женщин на предприятиях, в колхозах, улучшения условий их домашнего быта, повышения их культурного уровня, преодоления отсталых взглядов, патриархальных и феодальных пережитков в семейном быту, совершенствования охраны здоровья матерей и детей. Все эти направления деятельности стали особенно актуальны сейчас, на переломном этапе перестройки, когда обнаружилось множество негативных явлений в социальной жизни республик региона, крупные недостатки в реализации социальной политики.

[1] *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 27.
[2] *Ганцкая О. А.* Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. С. 17. См. также: *Янкова З. А.* Городская семья. М., 1979. С. 24, 25.
[3] *Янкова З. А.* Указ. соч. С. 101.
[4] Там же. С. 100; *Янкова З. А.* Лидер нужен, но ... // Лит. газ. 1985. 11 нояб. См. также: *Пименова А. Л.* Новый быт и становление внутрисемейного равенства // Социол. исслед. 1971. Вып. 7. С. 39—41.
[5] См., например: *Аминова Р. Х.* Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент, 1975; *Татыбекова Ж. С.* Великий Октябрь и женщины Киргизстана. Фрунзе, 1975; *Пальванова Б. П.* Эмансипация мусульманки: Опыт раскрепощения женщин Советского Востока. М., 1982; Женщины Советского Узбекистана: Крат. стат. сб. Ташкент, 1984; *Исмаилова Г. У.* Труженицы индустрии Узбекистана. Ташкент, 1985 и др.
[6] Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Стат. ежегодник. М., 1985. С. 414.
[7] Там же. С. 415. Цифры относятся к республикам Средней Азии; в Казахстане доля колхозников в последние годы снижается и достигла 37 %.
[8] *Аминова Р. Х.* Славные дочери родины // Обществ. науки Узбекистана. 1986. № 3. С. 14—15. (Далее: ОНУ).
[9] *Мирхасилов С.* Современная семья сельского населения Узбекистана // ОНУ. 1977. № 4. С. 40. Это же отмечается и этнографами в Таджикистане (Л. Ф. Моногарова), в Туркмении (Г. П. Васильева, Ш. Кадыров) и др.
[10] *Аминова Р. Х.* Славные дочери родины. С. 17.
[11] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1974. Т. 7. С. 226. Табл. 25.
[12] *Таштемиров У.* Современная социалистическая семья и тенденции ее развития: (Из опыта республик Средней Азии). Ташкент, 1982. С. 50, 52.
[13] *Мирхасилов С.* Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана // СЭ. 1979. № 1. С. 11.

[14] Полевые материалы 1985 г. А. Джикиева (АН ТССР).
[15] *Арипов Ф.* Некоторые вопросы изучения современных рабочих семей // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972. С. 133—134.
[16] По полевым материалам 1983—1984 гг. А. Кочкунова (АН КиргССР).
[17] Это отражено, например, в полевых материалах 1983 г. И. Мухиддинова (АН ТаджССР) о неразделенных семьях таджиков в колхозе «Рохи Ленин» Курган-Тюбинской области, где женатые сыновья все еще отдают всю свою зарплату главе семьи — отцу.
[18] *Мирхасилов С.* Социально-культурные изменения... С. 11.
[19] *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд. М., 1979. С. 261—262.
[20] *Мирхасилов С.* Социально-культурные изменения... С. 11. Эту же черту в домашнем труде мужчин у узбеков отмечают этнографы К. Шаниязов и М. Савуров.
[21] *Есбергенов Х.* Сельская семья каракалпаков. Статья представлена для коллективного труда «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана» (рукопись).
[22] *Мирхасилов С.* Социально-культурные изменения... С. 12.
[23] Полевые материалы К. Шаниязова и М. Савурова (АН УзССР), А. Кочкунова (АН КиргССР).
[24] Данные опроса таджикских семей Л. Ф. Моногаровой и И. Мухиддинова.
[25] *Аргынбаев А.* Семья и брак у казахов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1975. С. 116—117.
[26] *Наумова О. Б.* Новое и традиционное в структуре современной казахской семьи // Новые исследования Института этнографии, 1980—1981. М., 1984. С. 75.
[27] Бердах-шаир: Невестка: Пер. с каракалп. А. Волкова // Возрожденный народ: Альманах каракалпакской литературы. Турткуль, 1940. С. 43.
[28] *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 256.
[29] См.: *Таштемиров У.* Современная социалистическая семья и тенденции ее развития: (Из опыта республик Средней Азии). Ташкент, 1982. С. 54.
[30] *Джикиев А.* Туркменская семья. Рукоп. По полевым материалам 1980-х годов.
[31] *Кочкунов А.* Новое и традиционное в структуре киргизской сельской семьи: Канд. дис. М., 1986. С. 127—128.
[32] *Чуйко Л., Никитенко В.* Поколения в семье // Семья сегодня. М., 1979. С. 54.
[33] Там же. С. 60.
[34] *Дахшлейгер Г. Ф.* Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата, 1978. С. 134.
[35] *Моногарова Л. Ф., Мухиддинов И.* Сельская семья таджиков Южного Таджикистана. С. 19. Статья для монографии «Новое и традиционное...» (рукопись).
[36] *Таштемиров У.* Современная социалистическая семья... С. 54—55.
[37] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 154.
[38] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 119.
[39] *Исмаилов Х.* Воспитание детей в семье узбеков: По материалам полевых этнографических исследований (рукопись).
[40] *Наливкин В., Наливкина М.* Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 182.
[41] Там же.
[42] *Таштемиров У.* Современная социалистическая семья... С. 57.
[43] Полевые материалы К. Шаниязова и М. Савурова (АН УзССР).
[44] Там же.
[45] *Кочкунов А.* Новое и традиционное в структуре киргизской сельской семьи. С. 130—131.
[46] *Васильева Г. П.* Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г. // Труды Хорезмской экспедиции. М., 1952. Т. 1. С. 434, 435; *Она же.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 274—275.
[47] *Курылев В. П.* Кочевая группа западных казахов-адаевцев // Новое в антропологических и этнографических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974. Ч. 1. С. 83; *Он же.* Семейно-родственные группы у казахов конца XIX—нач. XX в. // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 132; *Он же.* Семейно-родственные связи у казахов в современных условиях. Рукоп. С. 4—10; *Кауанова Х. А.* Образ жизни и быт рабочих семей: (На материалах Казахстана). Алма-Ата, 1982. С. 79.
[48] *Кочкунов А.* Новое и традиционное... С. 159—166.
[49] См., например: *Мусаев О.* Совет аксакалов // Туркм. искра. 1985. 11 янв.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Народы Средней Азии и Казахстана, связанные своим происхождением и историческим развитием с территорией этого крупного региона страны, объединенные ныне в пяти союзных и одной автономной республиках, имеют свои специфичные социальные и этнокультурные традиции, в том числе и в семейно-брачных отношениях. Как отмечалось в предыдущих разделах, этническая специфика современного семейного быта хорошо освещается в трудах, подготовленных этнографами республик в итоге пятилетнего изучения сельских семей по программе Института этнографии АН СССР и с участием его сотрудников. Это дало возможность частично обобщить накопленный материал и исследовать его в данной главе в региональном плане, сопоставляя этнокультурные процессы у отдельных народов региона и сам регион с другими частями страны.

Семейный быт народов Средней Азии и Казахстана отличался в прошлом большим своеобразием, не утраченным и в наши дни национальным колоритом, а также многими чертами региональной общности. Черты общего были обусловлены многими факторами: особенностями экологической среды и связанным с нею сходством основных типов хозяйства; многовековыми хозяйственными и культурными контактами жителей оазисов и городов с кочевой степью; взаимовлиянием культур сформировавшихся здесь родственных этносов и единством их религии — ислама суннитского толка; наконец, общностью исторических судеб, приведших народы региона в позднем средневековье к глубокой социально-экономической отсталости. До начала XX в. здесь были устойчивы феодальные и патриархально-феодальные устои социальной жизни, в том числе и всей сферы семейно-брачных отношений, насыщенных множеством древних обычаев и норм и пронизанных всеобъемлющим влиянием шариата, его установлениями, касающимися семьи и поведения всех ее членов, регламентацией всей семейной жизни. Лишь после присоединения к России стали проникать в эту отдаленную окраину империи капиталистические отношения. К началу Великой Октябрьской социалистической революции Средняя Азия и Казахстан являлись регионом крайней социальной отсталости. Путь социалистических преобразований тут был длительным и сложным. Многие черты феодально-патриархального быта оставались неизменными на этапе некапиталистического развития к социализму, некоторые из этих реликтов прослеживаются в быту до сих пор, исчезая или трансформируясь в процессе развития социалистических устоев современной семьи, сохраняющей при этом лучшие черты своего национального облика.

В современной научной литературе при сравнительном исследовании типов, состава и структуры семьи у народов разных регионов СССР для среднеазиатской семьи обычно выделяют как наиболее характерные следующие особенности: относительно бóльшую, чем в других регионах, распространенность сложных (больших, неразделенных) семей; значительную величину семей, что связано с их многодетностью и включением в семью боковых родственников; яркое национальное своеобразие сферы семейного быта, обусловленное сочетанием социалистических инноваций с устойчивым сохранением этнических черт и многих традиционных норм во внутрисемейных отношениях; прочность семейно-родственных связей; большую роль родни и влияния общественного мнения родственной среды, а также представление о семье как об одной из наибольших жизненных ценностей и связанную с этим ее прочность.

В настоящее время на этапе формирования семьи уже вошел в быт ряд общесоветских инноваций, изменяющих или заменяющих прежние

патриархальные брачные обычаи. К ним относятся в прошлом недопускавшееся широкое общение мужской и женской молодежи и преимущественно самостоятельный, по взаимному влечению выбор брачных партнеров. Хотя по традиции принято согласовывать свой выбор с родителями и их влияние в этом на сыновей и дочерей здесь сильнее, чем в европейских регионах, возражения отца тем не менее обычно не имеют уже прежней силы запрета.

Из патриархально-родовых брачных запретов до сих пор бытует родовая экзогамия (у каракалпаков, казахов, реже у киргизов), хотя она уже близка к исчезновению: наблюдается сокращение числа поколений, на которые она распространяется, а иногда этот обычай вообще игнорируется. Казалось бы, экзогамия — запрет родственных браков — не принадлежит к числу социально вредных бытовых пережитков, однако бывают случаи, когда она препятствует свободе заключения брака любящими друг друга людьми, кровное родство которых фактически давно прервалось и устанавливается только легендарными многопоколенными генеалогиями того или иного древнего рода или его подразделения. К тому же традиционное соблюдение экзогамии способствует сохранности у молодежи сознания своей родо-племенной принадлежности, придает этому реальное бытовое значение.

Нормализовался брачный возраст, он повысился сравнительно с прошлым и обычно соответствует установленному советским законодательством; но в целом для региона характерны ранние браки.

У народов региона заключается немало межнациональных браков, хотя здесь они составляют значительно меньшую долю, чем в республиках центра и запада страны: сказываются обычаи адата и традиционная приверженность к моноэтническим бракам, обусловленная влиянием мусульманской идеологии, бытовых предубеждений. До сих пор в межнациональных браках преобладают пары (особенно у таджиков и узбеков), состоящие из представителей народов, близких по языку, бытовым традициям и по прежней (у верующих — нынешней) конфессиональной принадлежности, поскольку ею определялись многие обычаи. Но в городах и в некоторых областях смешанного расселения (например, в Казахстане) немало браков с русскими и с представителями других национальностей. Несмотря на небольшое число национально-смешанных семей, имеются показатели, свидетельствующие о преодолении установок на национальную замкнутость семейной жизни. В этом отношении итоги этнографических и этносоциологических исследований благоприятны. Так, опрос в Узбекистане показал, что доля лиц, отрицательно относящихся к смешанным бракам, меньше, чем ориентирующихся на их допустимость (при условии усвоения языка партнера, уважения к традициям, обычаям обоих народов). Исследования в Таджикистане также выявили отрицательное отношение к таким бракам у меньшей части опрошенных (35 %). Таким образом, налицо этнопсихологические сдвиги в преодолении предрассудков и национально-религиозных барьеров в этой области брачных отношений.

Одна из острых и пока не решенных проблем, связанных с современными обычаями вступления в брак у народов региона, — это бытование брачного выкупа, достигающего в некоторых местностях десятка тысяч рублей. Столь же велики свадебные платежи в форме дарообмена сторон жениха и невесты. В прессе, в республиканских партийных документах давно говорится о необходимости искоренить позорный обычай калыма, который бытует в разных формах. Одни исследователи полагают, что в современных условиях он утратил былое значение «покупки» невесты, поскольку вся его сумма расходуется на свадебное торжество, подарки, приданое и материальное обеспечение молодой семьи. Другие

считают, что это «национальный обычай», одна из форм традиционного свадебного дарообмена между родственниками брачующихся и поэтому рассматривать его как обычай «покупки» девушки неправомерно.

Действительно, древний обычай «выкупа» модернизировался, но его сущность отнюдь не стала прогрессивнее. Неимоверные размеры свадебных платежей, из-за которых семьи скромных тружеников вынуждены в течение нескольких лет выплачивать долги (особенно если в семье несколько сыновей), основаны исключительно на процветании ложного принципа «престижности» дорогостоящей многолюдной свадьбы. Даже в том случае, если часть калыма, называемая «платой за молоко матери», остается у родителей невесты, а остальная расходуется на приданое и подарки, сам факт обязательности огромного брачного платежа (без его уплаты свадьба не может состояться и, следовательно, рушится счастье молодой пары) противоречит нравственным принципам. Связанный с этим обычаем обывательский меркантилизм, мещанское понимание престижа, авторитета людей искажает подлинное значение социального престижа, чести и достоинства вступающих в родство семей. Преодоление извращенного представления о «престижности» свадьбы с калымом (к сожалению, часто свойственного и самим невестам) не менее важно, чем ограждение семей от непосильных расходов на устройство свадеб своих детей. С этим широко бытующим у народов региона негативным явлением давно ведется борьба. Женсоветы, комитеты общественности по месту жительства (например, «махаллинские комитеты» узбекистанских городов) пропагандируют скромные свадьбы, разные варианты новых национальных свадебных обрядов, сохраняющих традиционный национальный колорит. Однако поиски новых форм свадебного ритуала пока малоэффективны; проблема остается и, очевидно, требует большего внимания к ней общественного мнения, интенсивной пропагандистской работы и активизации вмешательства правоохранительных органов в связанные с брачным выкупом конфликты, которые нередко имеют трагические последствия для молодых людей.

Именно из-за трудности устройства дорогостоящей свадьбы в регионе имеет некоторое распространение такая архаическая форма брака, как «умыкание» невесты. Безусловно, этот обычай изменился по своему содержанию. «Похищение» девушки чаще всего фиктивно, оно согласовано с нею, иногда и с родителями обеих сторон. Вскоре после увоза девушки справляют с согласия «помирившихся» родителей свадьбу в доме жениха, скромную по размерам свадебных платежей и по ограниченному числу приглашенных. Тем не менее бывают еще, по свидетельству местной прессы, и единичные случаи насильственного увоза девушек с последующим привлечением виновников к суду.

Изучение бытующих у народов Средней Азии и Казахстана типов семьи показало, что процесс нуклеаризации нарастает. Доля нуклеарных (простых, малых) семей во всех республиках региона, по данным статистики, в среднем близка к средней по СССР, достигая 60 %. Примерно такая же доля их выявилась при этнографическом изучении типов семей у коренных национальностей региона. Этот факт — одно из свидетельств становления общесоветского типа семьи в регионе, издавна отличавшемся обилием больших патриархальных неразделенных семей со строго авторитарными устоями и бытом, насыщенным древними обычаями. Однако наряду с этим важно учесть, что и нуклеарная семья у народов региона тесно связана патронимическими узами со своими семейно-родственными группами.

Доля сложных неразделенных семей с двумя и более брачными парами в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении — наивысшая в стране:

в сельских местностях их до 20—30 %. Ныне продолжается давно начавшийся процесс существенных изменений семей этого типа. Далеко не все они авторитарны, среди них уже не осталось больших многопоколенных патриархальных семей архаического типа, зафиксированных этнографами в значительном числе в 30—40-е годы. Неразделенная семья все более модифицируется и становится полуразделенной: из заработков каждой брачной пары лишь часть денег вносится главе семьи в общесемейную кассу для совместных трапез и других общих расходов, остальные средства расходуются самостоятельно. Неразделенность семейного хозяйства сменяется семейной хозяйственной кооперацией, в частности совместной обработкой объединенных приусадебных участков. По-прежнему сохраняется взаимопомощь женщин в приготовлении пищи, стирке и другой домашней работе, в совместном уходе за детьми. Такие семьи — естественное явление в среднеазиатском регионе. В их бытовом укладе много положительного. Используя лучшие традиции и преимущества семейного коллективизма, они постепенно утрачивают в своем быту пережитки патриархальности и консерватизма. Кроме того, установлено, что наряду с ними распространен другой тип сложных семей, генетически от них отличный: они образуются не из недр больших патриархальных путем их распада, а на основе роста малых — нуклеарных — семей путем регенерации, когда по разным причинам не происходит или временно задерживается выдел молодой пары из родительской семьи (например, если колхоз не может сразу выделить всем молодым семьям участки для постройки дома). Очевидно, в перспективе будет продолжаться процесс нуклеаризации сложных семей — этому способствуют урбанизация, сельское жилищное строительство, рост культуры быта и другие экономические и социальные факторы. Однако есть основания предполагать, что не скоро исчезнут в Средней Азии сложные семьи с новыми, эгалитарными устоями; не исчезнет и добрая традиция связей выделившихся взрослых детей с родительскими семьями, тесное родственное единство семейного коллектива, привязанность его членов друг к другу, постоянная взаимопомощь, т. е. черты, относящиеся к лучшим духовным семейным традициям у всех народов региона.

Изучение состава семей народов региона позволило нам сделать выводы как о многих инновациях, так и о традиционных национальных особенностях. Новым для Средней Азии явлением стала растущая социальная гетерогенность не только городских, но и сельских семей. Республики региона, по данным статистики, уже сравнялись в доле социально-смешанных семей со средними показателями СССР, а некоторые и значительно превысили их (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения). Эти данные подтвердились этнографическим обследованием многих социально-смешанных семей. Разная социально-профессиональная принадлежность членов семей — фактор, эффективно влияющий на расширение круга общения, на проникновение в быт семьи тех или иных инноваций; особенно велика в этом роль молодежи.

Традиционность состава семьи проявляется в сохранении ее больших размеров и многодетности. Размеры семьи у народов этого региона пока не уменьшаются, как это происходит в других регионах страны. По данным переписей 1970 и 1979 гг., средний размер семей в республиках Средней Азии даже повысился. Это связано не только с традицией включения в семьи многих боковых родственников, со сравнительно большим числом сложных, более крупных семей, но главным образом с неснижающейся многодетностью. Устойчивость всех этих семейных традиций обусловлена многими причинами, но основные из них социально-экономические: преобладание в республиках региона сельского населения,

сравнительно невысокий уровень урбанизации села, отмечаемая демографами малая подвижность населения, слабая миграция его в города, в другие регионы и даже в другие внутриреспубликанские сельские местности (например, на земли нового освоения).

Многодетность в этом регионе, как и в некоторых других (например, в Азербайджане), — сложная проблема. Разработкой ее заняты многие специалисты по народонаселению, экономисты, врачи, но решение ее назревает в среде самого населения. Невозможность для женщины-матери при большом числе детей сочетать производственную работу с домашней, учитывая крайнюю необеспеченность детскими учреждениями (особенно в селах), вред частых родов, губительно сказывающийся на здоровье матери, слабая медицинская помощь, рост культурных запросов женщин — эти и другие факторы ведут к постепенному изменению многовековых установок народов региона на многодетность. Тенденция перехода к среднедетности (не более 5—6 детей) уже отмечается исследованиями последних лет и говорит о сдвиге в решении этой проблемы. У женщин появляется стремление к планированию рождаемости, означающее моральное преодоление запретов шариата. Установлено, что участилось обращение женщин к врачам за консультацией по этому вопросу.

Однако пропаганда врачами целесообразности числа детей не более 5—6 должна вестись с соблюдением такта, с учетом того, что подобные советы рассматриваются многими как противостоящие национальным традициям.

Во внутрисемейных отношениях, которым посвящен большой раздел главы, наиболее ярко видна глубина прогрессивных изменений в традиционном укладе семейного быта, но также и более ощутимо проявляются следы отживающих обычаев и некоторые негативные черты современной общественной жизни. О преодолении былой авторитарности, расширении демократизации семейных отношений убедительно свидетельствует нынешний статус главы семьи. Сегодня все больше утрачивают свое значение единоличное распоряжение главы семьи семейным бюджетом и беспрекословное повиновение ему всех членов семьи. Возрастание эгалитарности прослеживается в отношениях супругов, родителей и детей, братьев и сестер, изменяется положение в семье невестки. В основе происходящих изменений лежат независимое материальное положение взрослых членов семьи, их образованность, профессиональная квалификация, а также влияние школы, молодежных организаций на поведение в семье детей, рост их духовных контактов с родителями. Однако при фактическом изживании деспотического главенства в семье мужчины (мужа, отца) жена и дети поддерживают традиционную престижность его положения, соблюдают этикет, подчеркивающий почтительность, уважение к нему. Глава семьи должен обладать не только жизненным опытом, справедливостью, умением улаживать семейные конфликты, но и защищать интересы семьи в производственной и общественной жизни. Теперь нередко встречается новое явление — несовпадение традиционного главы семьи с ее фактическим лидером, ведущее к появлению «двойного лидерства». Необходимость обладания многими личными моральными достоинствами и авторитетом приводит к тому, что в некоторых семьях наряду с традиционным главой, старшим в семье, иногда уже старикомпенсионером, фактическим ее главой становится женатый сын или другой член семьи, более образованный и деятельный.

Трудно переоценить роль женщины — жены, матери, невестки — во внутрисемейных отношениях. Известно, что женский вопрос в республиках Советского Востока всегда был особенно сложным, партия и правительство придавали и придают ему особое значение. Проведенные исследования

подтверждают огромные по сравнению с прошлым перемены, достигнутые в положении женщины, ее высокий статус в семье и обществе. Однако есть различия в жизни работающей женщины и многодетной матери-домохозяйки.

Как отмечалось выше, республики региона не обеспечены нужным числом детских учреждений и необходимой медицинской помощью. Строительство в сельских местностях предприятий с преобладанием традиционных женских профессий — прядильных, ткацких и др., организация надомного труда и т. д. пока не везде распространены и малоэффективны. Сфера бытовых услуг крайне ограниченна и совершенно недостаточна. В этих неблагоприятных условиях круг общения многодетных матерей-домохозяек весьма узок; большое влияние на них оказывают старые патриархальные обычаи. По исследованиям этнографов и социологов, среди выполняющих религиозные обряды, а также паломников, посещающих мазары и другие места культа «святых», преобладают женщины. Все это говорит о сложности и актуальности многих проблем, связанных с современным положением женщины в семье народов региона.

Из прессы известно, что есть еще семьи, в которых деспотичное феодально-байское отношение к женам и дочерям не изжито; оно приводит к нервным стрессам, а иногда к трагическим случаям самоубийства женщин традиционным способом самосожжения. Сообщения о таких случаях в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане вызывают тревогу общественности. К сожалению, меньшую тревогу вызывают они у правоохранительных органов, нередко избегающих рассмотрения подобных дел: виновные чаще всего остаются безнаказанными, пострадавших и погибших женщин часто признают «психически неполноценными». Не принято предавать поведение их мужей или отцов осуждению широкими кругами населения путем организации общественных судов в колхозах, совхозах или на собраниях жителей городских кварталов — «махалля».

Однако негативные стороны семейно-брачных отношений не могут заслонить то позитивное, что происходит в сфере быта современной семьи народов региона. Семья развивается в национальных формах, сохраняя лучшие традиции в социальной и духовной жизни: отношение к семье и детям как к одной из главных ценностей; твердый принцип стабильности семьи; воспитание у младшего поколения трудолюбия, уважения к старшим, заботы о стариках и детях; крепость родственных уз и взаимопомощь; традиция коллективизма в труде и отдыхе, в разделении радостей и горя близких. Эти и многие другие прекрасные традиции народов Средней Азии и Казахстана в современных условиях широты общения все более выходят за пределы узкой семейно-бытовой сферы и родственной среды, оказывая положительное влияние и на неродственную, многонациональную среду товарищей по трудовому коллективу, на друзей и знакомых всех членов семьи — взрослых, молодежи и детей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение *(О. А. Ганцкая)* 3

1. **Демографические характеристики семьи у основных национальностей союзных республик** *(И. А. Гришаев)* 7
2. **Семья у восточнославянских народов** 22
   Русские. Сельская семья *(И. В. Власова)* 22
   Городская семья *(М. Н. Шмелева)* 46
   Украинцы *(А. П. Пономарев)* 67
   Белорусы *(О. А. Ганцкая, Р. А. Григорьева)* 89
3. **Семья у молдаван** *(В. С. Зеленчук, В. В. Цуркан)* 113
4. **Семья у народов Европейского Севера** 125
   Карелы *(А. П. Новицкая, В. Н. Бирин)* 125
   Коми *(Ю. П. Шабаев, М. Б. Рогачев)* 139
   Саамы (лопари) *(Т. В. Лукьянченко)* 148
5. **Семья у народов Прибалтики** *(М. Я. Устинова)* 155
6. **Семья у народов Среднего Поволжья и Приуралья** 194
   Общие сведения о народах региона *(Т. П. Федянович)* . . . 194
   Башкиры *(Н. В. Бикбулатов)* 199
   Марийцы *(Н. Н. Смирнов, Т. П. Федянович)* 211
   Мордва *(Т. П. Федянович)* 222
   Татары *(Р. Н. Мусина)* 234
   Удмурты *(Л. С. Христолюбова)* 244
   Чуваши *(П. П. Фокин)* 254
   Общее и особенное в развитии семьи народов Среднего Поволжья и Приуралья *(Т. П. Федянович)* 267
7. **Семья у калмыков** *(А. Е. Пахутов)* 269
8. **Семья у народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока** 279
   Общие сведения о регионе *(А. В. Смоляк)* 279
   Буряты *(К. Д. Басаева)* 286
   Якуты *(Д. Г. Брагина)* 297
   Народы Севера и Дальнего Востока *(А. В. Смоляк)* 307
   Некоторые итоги *(А. В. Смоляк)* 336
9. **Семья у народов Кавказа** 342
   Общие сведения о регионе *(Я. С. Смирнова)* 342
   Народы Дагестана *(С. Ш. Гаджиева)* 345

Народы Северного Кавказа (*Я. С. Смирнова*) 356
Народы Грузии (*Л. Т. Соловьева*) 378
Армяне (*А. Е. Тер-Саркисянц*) 402
Азербайджанцы (*Н. Д. Пчелинцева*) 421
Некоторые итоги (*Я. С. Смирнова*) 436

10. Семья у народов Средней Азии и Казахстана 440
Общие сведения о регионе (*Т. А. Жданко*) 440
Брак (*Н. П. Лобачева*) 448
Семья (*Т. А. Жданко*) 462
Состав семьи (*Т. А. Жданко*) 475
Внутрисемейные отношения (*Т. А. Жданко*) 489
Некоторые итоги (*Т. А. Жданко*) 507

Заключение (*О. А. Ганцкая, Т. А. Жданко*) 513

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НАРОДОВ СССР

Утверждено к печати
ордена Дружбы народов Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства
В. П. Терехов

Художник
В. Я. Выгант

Художественный редактор
И. Д. Богачев

Технический редактор
И. Н. Жмуркина

Корректоры
В. А. Алешкина, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 46100

Сдано в набор 31.08.89. Подписано к печати 08.01.90. Формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42,25. Усл. кр. отт. 42,25. Уч.-изд. л. 50,3. Тираж 2500 экз. Тип. зак. 1922.
Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.